

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

Акмалова Фарида Шамильевна

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ФОРМАЛЬНО-СТРУКТУРНАЯ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ «СОСТОЯНИЕ»**

(на материале английского, немецкого и русского языков)

10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
кандидат филологических наук,
доцент Ю. В. Шаламов

Ижевск-2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. КАТЕГОРИЯ «СОСТОЯНИЕ» И ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ФОРМА ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ	13
§ 1. Категоризация действительности.....	13
§ 2. Состояние в системе онтолого-гносеологических категорий	20
§ 3. Состояние, ситуация действительности и предложение	26
§ 4. Предложение и его структурно-семантическая организация	32
4.1. Проблема определения предложения	32
4.2. Семантический уровень предложения	38
4.2.1. Семантическая структура предложения.....	38
4.2.2. Семантические типы предикатов и типовое значение предложений	50
4.2.3. Дифференциальные признаки предикатов состояния	65
4.2.4. Роль семантических актантов в семантической структуре предложения	68
4.3. Уровень формальной структуры предложения и понятие структурной схемы.....	74
<i>Выводы по Главе 1</i>	84
Глава 2. ТИПОЛОГИЯ СОСТОЯНИЙ И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НА СЕМАНТИЧЕСКОМ И ФОРМАЛЬНО-СТРУКТУРНОМ УРОВНЯХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	87
§ 1. Типология состояний	87
§ 2. Сфера внутреннего состояния	89
2.1. Физическое (физиологическое) состояние	89
2.1.1. Неэкспериментальное физическое состояние	90
2.1.2. Экспериментальное физическое состояние	98
2.2. Психическое состояние	114
2.2.1. Чувственно-эмоциональное состояние	115
2.2.1.1. Эмоциональное состояние.....	115
2.2.1.2. Состояние эмоционального отношения.....	131
2.2.2. Ментальное состояние.....	141

2.2.3. Волевое состояние	157
§ 3. Сфера внешнего состояния	162
3.1. Положение в пространстве	162
3.2. Локативное состояние	164
3.3. Бенефактивное состояние	167
3.4. Социальное состояние	171
3.5. Ситуационное состояние	174
3.6. AMBIENTное состояние	179
Выводы по Главе 2	183
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	189
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	197
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	217
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА	219
ПРИЛОЖЕНИЕ	224

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже веков не утратило своей значимости одно из важнейших методологических требований современной теории языка и, в частности, синтаксиса о решении вопроса об отношении между элементами следующей триады: **ОБЪЕКТИВНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – МЫШЛЕНИЕ – ЯЗЫК**. Мир существует в многообразии своих форм и познается человеком. Процесс познания подразумевает обобщение конкретных фактов действительности, сведение их многообразия в рубрики, классы и, следовательно, происходит с помощью мыслительных категорий, представляющих собой отражение общих закономерностей внеязыковой действительности в сознании человека и имеющих универсальный характер. Вслед за философами можно утверждать, что существует некоторый набор общечеловеческих понятий, одним из которых является состояние (Аристотель, В.И.Кемкин, А.Л.Симанов, А.Г.Сpirкин, В.И.Столяров и др.). Эта понятийно-мыслительная категория, наряду с такими категориями, как, например, «качество», «количество», «действие», отражает одну из форм бытия вещей и является основой семантики языковых единиц. В связи с этим возникает необходимость изучения места и роли данной категории не только в философии, но и в языкознании.

Настоящее исследование посвящено изучению того, как семантика состояния воплощается в предложении – основной единице синтаксиса. Не вызывает сомнения тот факт, что синтаксис как система связывания слов в предложения, как комплекс закономерностей формирования предложений и их актуализации в речи, семантичен, что его предназначение – нести информацию, выражать содержание. Содержание предложения связано с положением дел, имеющим место в действительности и попадающим в область внимания человеческого сознания. В широком смысле, настоящее диссертационное исследование призвано продемонстрировать, как действительность отражается в

человеческом сознании, как соотносятся факты мышления и материальные средства их выражения в языке.

Категория «состояние» и языковые средства ее выражения в последние десятилетия привлекали внимание многих лингвистов и получили освещение на материале разных языков в работах Л.М.Васильева, Л.И.Лухт, С.Н.Цейтлин, Б.М.Лейкиной, О.Е.Филимоновой, Г.Е.Юрченко, С.К.Семеновы, Г.А.Трониной, В.И.Казариной, И.П.Матхановой, В.И.Коротиной и др. «Состояние» включается в большинство семантических классификаций предикатов (Л.В.Щерба, З.Вендлер, У.Л.Чейф, Т.В.Булыгина, В.Г.Адмони, А.Г.Елисеева, О.Н.Селиверстова, Ю.С.Степанов и др.) и, следовательно, должно рассматриваться как одно из типовых значений предложения, что свидетельствует об объективном характере этой категории. Однако, несмотря на то, что в достаточной мере изучены отдельные лексико-семантические поля и входящие в них лексико-семантические группы, семантические типы предикатов, репрезентирующие понятийную категорию «состояние», не существует специального комплексного исследования, в котором в качестве главной (если не единственной) языковой единицы выражения данной категории рассматривалось бы предложение в единстве семантики и синтактики.

Таким образом, *актуальность* данного исследования обусловлена следующими факторами:

а) особой значимостью понятия «состояние» в познавательной научно-практической деятельности человека;

б) недостаточной разработанностью вопросов, связанных с этим понятием в языкознании: нечастое обращение к философскому обоснованию понятия «состояние» в сравнении с другими категориями, отсутствие единой классификации семантических предикатов, неоднозначное понимание семантического предиката «состояние» в работах разных лингвистов;

в) отсутствием полной системы семантических моделей и структурных схем

предложений состояния и их возможных компонентов;

г) освещенностью в научной литературе лишь некоторых типов состояния и отсутствием крупных обобщающих работ по типологии состояний и их языковой репрезентации, в частности синтаксическими средствами языка.

Объектом исследования служат простые предложения с семантикой состояния в английском, немецком и русском языках.

Предметом исследования является структура семантического содержания (семантические модели) и формальное строение предложений с семантикой состояния.

Целью диссертационной работы является разработка типологии состояний, выявление и системное описание семантических моделей состояния и их синтаксической репрезентации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. установить место категории «состояние» в системе фундаментальных категорий познания;
2. определиться с выбором терминологического аппарата исследования в отношении семантики и формальной организации предложения;
3. уточнить классификацию семантических предикатов как центральных компонентов семантической структуры предложения на основе четких критериев;
4. выявить дифференциальные признаки предикатов состояния;
5. разработать типологию состояний на основе различия в сферах существования по отношению к носителю;
6. выявить и описать семантические модели предложений с типовым значением состояния и характеристики синтаксических структур, релевантные для реализации семантики состояния.

Поставленные в диссертации задачи обусловили использование комплекса исследовательских **методов** и **приемов**: дедуктивно-индуктивного метода

анализа, предполагающего сочетание ономаσιологического и семасиологического подходов к языковым явлениям, структурно-семантического анализа, компонентного анализа, логического моделирования и метода трансформаций для определения принадлежности предложения к семантическому типу состояния, которые широко применяются в исследовании синтаксической семантики. В исследовании также применялись классифицирующие приемы, прием включения в контекст (вопросно-ответное единство), прием редуцирования, то есть опущения компонентов предложения с целью определения его структурно-семантической достаточности.

Описание предложений с семантикой состояния в данной работе носит преимущественно статический характер, под которым понимается классификационно-аналитический подход. В число задач исследования не входит динамическое описание семантики, отражающее коммуникативно-прагматический аспект предложения и реальные синтаксические процессы (такие, как номинализация, развертывание, эллипсис и др.).

Методологической основой настоящей диссертационной работы послужили положения теории семантического синтаксиса (в том числе – денотативного направления и падежной грамматики), представленные в работах Л.Теньера, У.Чейфа, Ч.Филлмора, И.П.Сусова, В.В.Богданова, В.Г.Гака, Т.П.Ломтева, Ю.Д.Апресяна, Е.В.Падучевой, Н.Д.Арутюновой, О.И.Москальской, Г.А.Золотовой, Ю.А.Левицкого и др.

Научная новизна исследования заключается в том, что, во-первых, в работе разрабатывается типология состояний, во-вторых, выявляются структурно-семантические особенности языковой реализации каждого типа состояния, в-третьих, выявляются универсальные и идиоэтнические черты языковой манифестации состояния в приложении к рассматриваемым языкам, в-четвертых, устанавливаются типы взаимосвязи между семантической структурой и поверхностно-синтаксическим уровнем предложений с семантикой состояния.

Теоретическая ценность работы заключается в том, что в ней уточняется понятие состояния, проводится важное разграничение философского и лингвистического понимания состояния, обосновывается важное положение о том, что состояние следует рассматривать на уровне предложения, вносится определенная ясность в разработку вопросов, касающихся семантического моделирования предложений со значением состояния, проводится комплексное описание всей сферы состояния, включая и внутренние, и внешние состояния. В работе показано действие закона асимметрии языкового знака при соотношении семантического и формально-структурного уровней предложений состояния, проявляющееся в функциональной синонимии, что также представляется теоретически значимым.

Результаты исследования могут послужить основой для изучения данной проблемы в языках, малоизученных в плане соотношения семантической и формально-синтаксической сторон предложения, для сопоставительных исследований способов представления семантики состояния в предложении в разных языках, а также для изучения других понятийных категорий и их языковой репрезентации.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования основных выводов диссертации в преподавании лингвистических дисциплин: общего языкознания, теоретической и практической грамматики английского, немецкого, русского и других языков. Результаты выполненного исследования могут найти применение при разработке спецкурсов и учебных пособий по синтаксической семантике, сравнительной типологии синтаксиса разноструктурных языков, а также в теории и практике перевода (для достижения адекватности при передаче одного и того же содержания на разных языках), и могут быть учтены в практике преподавания родного и иностранных языков на функциональной основе, т.е. от значения к форме.

Материал для исследования получен в результате сплошной и селективной

выборки из произведений английской, немецкой и русской литературы XIX-XXI вв. Корпус примеров составил около 3500 единиц. Источниками примеров являются художественные и публицистические тексты, а также одно-, дву- и многоязычные словари.

Результаты проведенного исследования позволяют вынести на *защиту следующие положения*:

1. Состояние как специфический тип положения вещей, характеризующийся неизменностью, стабильностью признака предмета в течение некоторого времени, представляет собой лишь акциденцию субстанции, поэтому наиболее продуктивным является рассмотрение состояния в связи с его носителем и, следовательно, обращение не к отдельным лексическим единицам, а к синтаксису – к предложению, где находит выражение предцирование признака предмету.
2. Состояние – гетерогенная категория, объединяющая большое число разнородных статических положений дел и поддающаяся субкатегоризации на основе различия в сферах существования на внутренние и внешние состояния, которые в свою очередь подразделяются на а) *физиологические* и *психические* состояния; б) *бенефактивные, локативные, социальные, ситуационные, амбиентные* состояния и *положение в пространстве*.
3. В состав семантических моделей предложений с семантикой состояния входит один или два семантических актанта, что определяется типом ситуации состояния (имманентной или реляционной). Существует дифференциация семантического представления носителя состояния: в зависимости от типа состояния его носитель входит в семантическую структуру предложений как одушевленный *пациентив, экспериенсив, бенефактив* или неодушевленный *объектив*.
4. Выражение состояния в предложении обнаруживает ряд универсальных черт, релевантных для рассматриваемых языков: при репрезентации

состояния в предложении семантический предикат воплощается в сказуемых, имеющих разную частеречную принадлежность, поэтому выражение состояния не привязано только к именному сказуемому; количество компонентов структурной схемы предложения не всегда соответствует количеству элементов семантической структуры.

5. Между семантической и формальной структурами предложений с семантикой состояния имеют место случаи не одно-однозначного соответствия (асимметрии): синтаксической синонимии, омонимии и полисемии.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы обсуждались на заседаниях кафедры грамматики и истории английского языка Удмуртского государственного университета и были представлены в форме докладов на 13 научных и научно-практических конференциях различного уровня: 2-ой Международной научной конференции «Язык. Культура. Деятельность: Восток – запад» (Набережные Челны, 1999), Межрегиональной конференции «Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и межкультурной коммуникации» (Уфа, 1999), 5-ой Российской университетско-академической научно-практической конференции (Ижевск, 2001), Шестой научной конференции «Российское государство: прошлое, настоящее, будущее» (Ижевск, 2001), Межвузовской научной конференции «Лингвистические/ психолингвистические проблемы усвоения второго языка» (Пермь, 2002), Всероссийской научно-практической конференции «Теория и типология грамматических систем» (Ижевск, 2003), II и III Международных научных конференциях «Язык и культура» (Москва, 2003, 2005), Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции в преподавании иностранных языков» (Набережные Челны, 2003), Всероссийской научно-практической конференции «Взаимодействие направлений в современной лингвистике» (Барнаул, 2004), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы

лингвистического образования: теоретический и методологический аспекты» (Самара, 2004), Международной конференции «Английский язык в поликультурном регионе (= English in a Multi-Cultural Community)» (Ижевск, 2005), Международной научно-практической конференции «Динамика научных исследований-2005» (Днепропетровск, 2005).

Материалы диссертации изложены в 14 публикациях.

Цель и задачи работы, специфика исследуемого материала определили ее *структуру*. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы (ресурс литературы включает более 200 наименований, включая материалы глобальной сети Интернет), списка словарей, источников иллюстративного материала и приложения.

Во **введении** обосновывается выбор и актуальность исследования, формулируются объект и предмет, цель и задачи исследования, представлена характеристика материала и методов исследования, обосновываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость, приводятся положения, выносимые на защиту, а также данные об апробации работы, описывается структура диссертации.

В **первой главе** диссертационного исследования «*Категория «состояние» и предложение как форма ее репрезентации*» рассматривается проблема определения понятия «состояние», анализируются различные точки зрения на природу состояния, представленные в философской и лингвистической литературе, освещаются вопросы, связанные со сложностью природы предложения (определение предложения, его свойств), с формальной и семантической организацией предложения, с комплексно-аналитической характеристикой семантических типов предикатов и определением в ней места предикатов состояния.

Во **второй главе** «*Типология состояний и их репрезентация на семантическом и формально-структурном уровнях предложения*»

разрабатывается типология состояний, описывается каждый тип состояния, выявляются семантические модели предложений с типовым значением «состояние», анализируется строение предложений с семантикой состояния на материале английского, русского, немецкого языков и выявляются особенности репрезентации состояния в предложении.

В заключении излагаются результаты настоящего исследования и намечаются перспективы их использования в дальнейших исследованиях.

В приложении представлены таблицы, в которых суммированы семантические и формально-структурные модели предложений с типовым значением «состояние» (Таблица 1) и универсальные и национально-специфические модели предложений с семантикой состояния (Таблица 2).

Глава 1. КАТЕГОРИЯ «СОСТОЯНИЕ» И ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ФОРМА ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

§ 1. Категоризация действительности

Ни одно современное исследование не может быть беспредпосылочным, так и лингвистика в построении своих теорий не может не опираться на категориальный аппарат философии: «ни одна теория не существует в изолированном состоянии. Она всегда погружена в некоторый интертеоретический фон (другие научные теории, так или иначе связанные с данной, и высшие уровни систематизации научного знания)» [Баженов 1978, 69]. В анализе понятийного аппарата данного исследования полезен и эффективен союз языкознания и философии, так как философское обоснование неизбежно делает научную теорию методологически ценной. В рамках нашего исследования необходимо обратиться к философским идеям, аккумулирующим и интерпретирующим практику освоения человеком действительности.

Человека с давних пор интересовал вопрос о познании действительного мира и закономерностей существования вещей. Действительность понимается как совокупность материальных тел, существующих объективно в пространстве и времени и наглядно данных в восприятии [ФЭС 1989, 151], как то, что «реально существует и развивается, содержит свою собственную сущность и закономерность в самом себе, а также содержит в себе результаты своего собственного действия и развития. Такой действительностью является объективная реальность во всей ее конкретности» [ФС 1991, 107]. Элементы действительности – предметы и явления – находятся в отношении взаимосвязи друг с другом и не существуют вне этих отношений. Объективная действительность является некой системой мира — «связным многообразием неких вещей или конкретных реальностей, обладающих множеством разнообразных свойств ... и стоящих в разного рода отношениях друг к другу»

[Франк: Электрон. ресурс]. Материальный мир существует независимо от человеческого сознания и является первичным по отношению к нему. Человек познает, постигает действительность, этот процесс сопровождается приобретением знаний. Знание является, фактически, способом, которым мы воспринимаем мир. Оно подвергается вербализации в языке, фиксируется в языковом знаке, систематизируется в виде теории – все это делает возможной его передачу от поколения к поколению.

Уже в античности научная мысль вышла за пределы представлений о мире как о нераздельном целом, по мере накопления знаний о мире задача их систематизации становилась все более насущной, и мыслители вычленили ряд общих, категориальных понятий, а также систему принципов и гипотез, представлявших некую структуру теоретического знания о мире. Это теоретическое образование, целостная система знаний, на основе которой можно объяснять многообразие известных явлений материального мира, представляет собой научную картину мира [Симанов: Электрон. ресурс]. Фундаментальные понятия, рубрики опыта, входящие в научную картину мира, отражают наиболее существенные связи и отношения реальной действительности. Таким образом, эти фундаментальные понятия, или категории, являются формами процесса мышления, организующими принципами процесса познания действительности, воспроизводящими свойства и отношения бытия в наиболее концентрированной форме [ФЭС 1989, 254] или, иными словами, представляют собой «наиболее общие, основные понятия и существенные определения объекта познания; они выражают универсальные, высшие формы обобщения бытия и познания» [Спиркин 1960, 329]. Категории как кристаллизованные единицы мышления, отражающие структуру мира и упорядочивающие опыт человека, выдвигаются на передний план метафизики усилиями Аристотеля и И.Канта, им отводится роль опорных оснований, способных нести на себе все здание метафизики. Как отмечает С.Л.Франк, система мыслительных форм, объективированный комплекс

наших представлений, по мнению И.Канта, представляет собой некую картину, которую мы творим, налагая на чувственный материал формы, присущие нашему собственному сознанию [Франк: Электрон. ресурс].

Вся мыслительная деятельность человека основывается на обобщении: конкретное, единичное отражается в сознании обобщенно, в общих понятийно-мыслительных категориях. Окружающий нас мир характеризуется не только изменчивостью и текучестью, но и определенной устойчивостью, повторяемостью. Многообразие его проявлений «естественным образом организовано» [Трунова 2004, 263]. Ничто в мире не представляет собой чего-либо абсолютно отличного от всего другого, предметы/явления в какой-либо степени похожи на другие предметы/явления. Их всегда можно работой сознания отнести к какому-либо общему классу с другими предметами/явлениями на основе некоторых общих с ними черт. Следует отметить, что эти инварианты классов реальных вещей не существуют в объективной действительности, они принадлежат нашему мышлению и получают выражение в виде известных понятий.

В современной философии наиболее общими классами мыслимого философы признают **вещь** (субстанцию), **свойство** (атрибут) и **отношение**. Вещь определяется как целостная и относительно устойчивая часть объективной действительности, обладающая определенностью, выраженной в структурных, функциональных, качественных и количественных характеристиках [Глоссарий: Электрон. ресурс] и обладает большим или меньшим постоянством формы. Вещи мыслятся нами как находящиеся в различных отношениях к другим вещам. Отношение, таким образом, является одной из важнейших философских категорий, характеризующих определенные взаимозависимости элементов определенной системы [ФЭС 1989, 454]. С другой стороны, вещи характеризуются признаком: они обладают некоторыми свойствами или качествами. Кроме того, вещи изменяются во времени, совершают какие-то действия или находятся в

некотором состоянии. Эти проявления бытия вещей также мыслятся человеком как некие общие категории.

Отражение человеческим сознанием предметов и явлений объективной действительности не является пассивным процессом. Реалии действительности преобразуются сознанием человека, рассматриваются под определенным углом зрения, в каком-то определенном отношении. Результатом восприятия объективной действительности являются представление – психологическая сущность, в которой в известной мере происходит обобщение предметов и явлений, а также понятие, которое понимается как «форма мышления, обобщенно отражающая явления действительности и закрепляющая это обобщение в слове», причем имеется в виду отражение не внешних свойств, а сущности предметов [Галкина-Федорук 1956, 8]. Однако, говоря о когнитивных категориях, обычно имеют в виду категории высокого уровня абстрагирования [Трунова 1989, 109], фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные свойства бытия, отношения объективной действительности, разряды, группы явлений, объединенных общностью признаков. В когнитивном процессе непременно участвует и язык. Ментальные сущности лежат в основе языковых построений и, тем самым, имеют лингвистическое значение, поэтому они носят статус ономазиологических категорий, которые переходят в языковое содержание.

В современной лингвистической парадигме, основополагающим принципом которой является мысль о том, что нереально говорить о языке в отрыве от когнитивной деятельности, актуальным является анализ мыслительной основы, ментального субстрата языковых построений. Мыслительное содержание приобретает форму лишь в языке, оформляется, репрезентируется языком. Говоря о мыслительной основе единиц языка, лингвисты пользуются несколькими терминами, в частности, термином «понятийная категория», который был введен О.Есперсеном: «... внеязыковые категории, не зависящие от более или менее случайных фактов существующих языков. Эти категории являются

универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам, хотя редко выражаются в этих языках ясным и недвусмысленным образом. (...) За отсутствием лучшего термина я буду называть эти категории понятийными категориями» [Есперсен 1958, 57-58]. Мысль человека в процессе познания мира повсюду идет одинаковыми путями, независимо от того, на каком бы языке ни осуществлялись категоризация и описание опыта. Совокупность, система понятийных категорий образует идеальную понятийную сферу. Этот идеальный понятийный мир человека «является как бы отчужденным объективным миром», «вторичным миром, а, следовательно, не самостоятельным, зависимым от материального и порождаемым этим материальным миром» [Колшанский 1990, 10].

Другим термином, ставшим очень популярным в лингвистике последних десятилетий, является термин «концепт» – содержательная единица памяти, концептуальной системы, которой оперирует человек в процессах мышления [КСКТ 1996, 90] и которая отражает содержание опыта в виде квантов структурированного знания [Попова, Стернин 2000, 4]. Концепт рассматривается «как мыслительное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов-Алексеев 1997, 269] и которое отражает элементы окружающего нас мира, «своего рода образ, основанный на восприятии и категоризации предметов и явлений внеязыковой действительности» [Казарина 2002, 6]. Таким образом, концепт выполняет функцию категоризации, то есть группирует объекты, имеющие определенные сходства, в соответствующие классы. Приходится признать, однако, отсутствие единой трактовки понятия «концепт». В современных лингвистических исследованиях концепт чаще всего понимается как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов 1975, 40 и 41], как многомерное, «зонтиковое» ментальное образование, включающее в себя

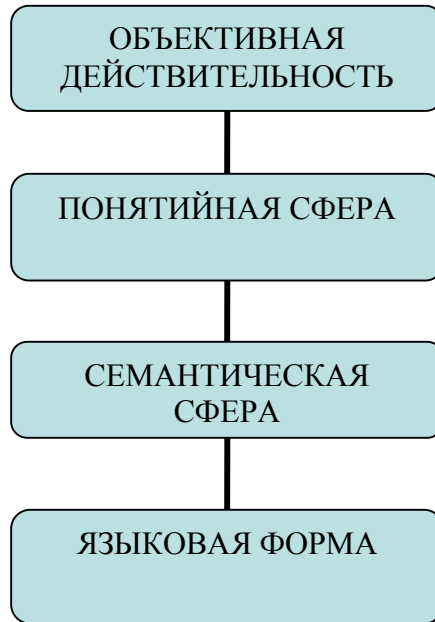
понятийную, образную и ценностную составляющие [Воркачев: Электрон. ресурс], как принадлежность коллективного сознания, смысловое образование, опредмеченное в конкретном языке и обладающее отличительными семантическими признаками. Следовательно, «концепт» обладает не только понятийной стороной, признаковой структурой, но и связан с языком и культурой определенного народа.

Именно по этой причине более приемлемым для описания состояния в данной работе мы считаем термин «понятийная категория», ввиду того, что он, в отличие от термина «концепт», имеет универсальный характер. Кроме того, концепты как дискретные элементы сознания (в лингвистической литературе упоминаются такие концепты, как «царь», «корабль», «смерть», «радость», «желание», «надежда» и т.д.) можно объединить в обладающие большей степенью обобщения понятийные категории (например, субстанция, состояние и др.).

Продолжая рассмотрение статуса понятийных (когнитивных) категорий, отметим их двунаправленность, то есть ориентированность и на объективную действительность через всеобщие философские законы и категории, и на язык, языковые средства, в которых они воплощаются. Понятийные категории находят свое отражение в лексической, морфологической или синтаксической системе языка. По признанию А.А.Худякова, понятийные категории, «представляя собой опосредованный универсальными законами мышления результат человеческого опыта», в то же время «являются основой семантических структур языка, необходимой предпосылкой функционирования языковой системы в целом» [Худяков: Электрон. ресурс]. Хотя иногда понятийные категории трактуются как категории языковые [Мещанинов 1978, 238], имеющие языковое содержание и языковое выражение [Бондарко 1971, 8], следует подчеркнуть несобственно-языковой характер понятийных категорий [Кацнельсон 1972, 20]. Понятийные категории проходят процесс «языковлечения» и воплощаются в семантических категориях в семантической сфере языка. Поэтому семантические категории

связаны с действительностью опосредованно, через понятийные категории (см. Схему 1).

Схема 1. Соотношение объективной действительности с ментальным и языковыми уровнями.

Характеризующиеся универсальным характером понятийные категории обладают большей степенью обобщенности, чем семантические. Конкретно-языковая интерпретация семантической категории (и, в конечном счете, понятийной категории), организация языковых средств относится к поверхностному уровню [Бондарко 1973, 12]. Таким образом, при воплощении мысли в языковых средствах, понятийное содержание обретает четкую структуру.

В данной работе «состояние» понимается как понятийная категория: с одной стороны понятийная категория состояния является отражением формы существования вещей в реальной действительности, а с другой – через область семантики опирается на языковые средства ее выражения.

§ 2. Состояние в системе онтолого-гносеологических категорий

«Состояние» является одним из общенаучных понятий, которым придается статус философских категорий. Оно носит всеобщий характер и широко применяется в физике, химии, биологии, кибернетике, общественных науках и т.д. В естественных науках, например, «состояние» понимается как одна из существенных категорий объективной действительности, представляющая внешнее положение существа в изменчивом, подвижном материальном пространстве. В философии это – одно из фундаментальных понятий о мире, рубрика знания, категория, отражающая одну из форм бытия. В лингвистической науке состояние – понятийная категория, лежащая в основе семантики языковых единиц. Нам представляется необходимым определить статус понятия «состояние», уточнить содержание этой категории, дать строгое толкование термина «состояние», используемого в лингвистике.

Существуют противоположные точки зрения на категорию «состояние» – от признания ее категорией, относящейся к высшим уровням систематизации познания, до отрицания научности этого термина и низведения его до обыденной сферы [Кемкин 1983, 5]. Проблема, кроме того, заключается в том, что понятие состояния, ранее занимавшее важное место в философских категориальных системах Аристотеля, И.Канта, Г.В.Ф.Гегеля, диалектического материализма, получило дальнейшее развитие в разряде конкретно-научных понятий астрономии, физики, многих естественных и социально-психологических наук, в то время как в некоторых других частных областях знания, здесь мы имеем в виду лингвистику, даже несмотря на его широкое использование в семантических исследованиях, оно изучено недостаточно, в особенности, в его онтологическом и методолого-гносеологическом аспектах. Поэтому разумно было бы предварить наше исследование определением места и философского содержания понятия состояния, так как оно выполняет здесь функцию базисного понятия.

Выше уже упоминалось о существующей еще с античных времен системе

категорий научного знания. В ней отводилось место и категории «состояние», которая понималась как форма бытия вещей: «Из одного состояния все переходит в другое. Не остается ничто незыблемым: все преходящее, все претворяет природа и заставляет меняться» [Лукреций 1947, 829]. Платон, говоря о понятии состояния, трактует его как способ самообнаружения иерархии сущностей («идей») и особо подчеркивает их диалектический характер. При этом состояние становится звеном в процессе изменения [Цит. по Кемкин 1983, 22]. Категория «состояние» понималась, таким образом, и как форма бытия вещей, и как момент процесса изменения.

Аристотель построил категориальную систему, обусловившую систему частей речи и типологию предикатов и включавшую такие категории, или высшие сущности объективного бытия, как «сущность» (субстанция), «качество», «количество», «отношение», «место», «время», «положение», «состояние», «действие» и «страдание» (претерпевание), причем три категории – сущности, состояния и отношения – признавал основными. Аристотелевское «состояние» охватывает и позу, и положение, и состояние, и способ поведения, и осанку, и внешность. Впервые признанное самостоятельным понятием и получившее философское определение «состояние» сближается с видами качеств, свойств вещи. Состояния Аристотель трактует как специфические виды качества, «которые легко поддаются колебаниям и быстро изменяются, каковы, например, тепло и холод, болезнь и здоровье и все тому подобные состояния» [Аристотель 1978, 73]. Однако мы не находим у него отождествления понятий «состояние», «свойство» и «качество». В то время как свойство является более устойчивым и продолжительным, состояние как частный случай свойства менее устойчиво и более изменчиво: «...Явления, которые возникают от чего-то прекращающегося и быстро исчезающего, называют состояниями...» [Аристотель 1978, 75]. Качество же объединяет и свойство, и состояние, то есть представляет собой диалектическое единство устойчивости и изменчивости вещи. Таким образом,

ввиду чисто качественного подхода к явлениям природы «состояние» первоначально трактовалось как понятие, отражающее определенный вид качеств объекта, которые могут легко изменяться.

Значительно позднее – в XVI веке – Б.Телезио предложил следующее, по сути широкое, видение проблемы: у вещей есть два начала – материя и преходящее состояние, то есть то, что рождается и умирает [Цит. по Кемкин 1983, 25]. Таким образом, проводится разграничение сущностных неизменных характеристик вещи и всех преходящих ее проявлений. Подобным образом, в трактовке И.Ньютона понятие «состояние» охватывает и движение тел, и их покой [Ньютон 1936, 25-26]. Состояние при этом выступает как момент проявления существования объектов, который можно количественно описать. «Состояние» становится в философском смысле на один уровень с такими понятиями, как «качество» и «свойство», но не сводится к ним.

Р.Декарт различает субстанцию и форму ее проявления – состояние. Так же, как И.Ньютон, у материальной субстанции он выделяет два исходных и противоположных состояния: движение и покой [Декарт 1950, 479]. Диалектически противоречивая природа понятия «состояние» подчеркивается в немецкой классической философии. И.Кант, выделяя понятие состояния, понимал его как способ существования субстанции: покой и изменение, равновесие и движение и т.д. «...во всех явлениях постоянное есть сам предмет, то есть субстанция, а все, что сменяется или может сменяться, относится лишь к способу существования этой субстанции, или субстанций», т.е. к состоянию [Кант 1964, 254]. Таким образом, И.Кант противопоставляет состояние как непрерывно изменяющееся тому, что в предмете относительно устойчиво.

Кроме преходящего характера состояний, подчеркивается принцип непрерывности изменения состояний, например, у Г.В.Лейбница: «всякое настоящее состояние естественным образом объяснимо только ввиду другого ему непосредственно предшествующего состояния» [Цит. по Кемкин 1983, 31]. Таким

образом, ученые пришли к механистическому детерминизму, согласно которому настоящее состояние является следствием предыдущего и причиной последующего. Непрерывность смены состояния отмечает и И.Кант: «Всякий переход из одного состояния в другое совершается во времени, заключенном между двумя мгновениями, причем первое из этих мгновений определяет состояние, из которого выходит вещь, а второе – состояние, к которому она приходит» [Кант 1964, 272].

Г.В.Ф.Гегель рассматривал категорию «состояние» наряду с такими категориями, как «бытие», «ничто», «качество», «количество», «свойство», «изменение» и др., и подчеркивал, что оно, во-первых, есть элемент процесса изменения и, к тому же, само предполагает изменение. Во-вторых, оно является обнаружением «ничто» в некоторых отношениях посредством тех или иных свойств [Цит. по Кемкин 1983, 38]. Понятие «состояние» определяется как форма проявления бытия изменяющегося субстрата – мирового духа, т.е. так же, как и категории качества, количества и меры [Гегель 1930, 168-169].

Противоречивый характер мира, проистекающий из единства и борьбы противоположностей – изменчивости и устойчивости, приводит к диалектическому представлению состояния как кадра, моментального снимка, фиксирующего момент устойчивости в объекте и неизбежно сменяющегося другим кадром – новым состоянием. Состояния обладают временным, преходящим характером, но всякий предмет, явление в любом случае пребывает в каком-то состоянии. Это понятие находится, таким образом, в тесной связи с категорией «время»: под состоянием движущейся материи В.И.Ленин понимает качественную определенность, в которой находится та или иная часть материи в данный момент времени [Цит. по Симанов: Электрон. ресурс]. Понятие «состояние» трактуется также и в связи с категорией «отношение». Любой предмет объективной реальности существует лишь в отношении с другими предметами, зависит от этих отношений и «в силу этого в различные моменты

времени в зависимости от конкретных условий может обнаруживать себя тем или иным образом, то есть находиться в определенном состоянии» [Кемкин 1983, 80].

В современной философии сохраняется данная тенденция к пониманию состояния: например, предлагаемое В.И.Столяровым определение состояния как всей совокупности «сторон, определенностей (существенных и несущественных, качественных и количественных), характеризующих данный предмет в какой-то момент его существования» [Столяров 1966, 26]. Однако при таком подходе не до конца раскрывается специфика состояния и недостаточно четко прослеживается отличие «состояния» от «качества» и «количества». Качество, в отличие от неустойчивого, изменчивого состояния, определяется как «философская категория, выражающая неотделимую от бытия объекта его существенную определенность, благодаря которой он является именно этим, а не иным объектом. Качество отражает устойчивое взаимоотношение составляющих элементов объекта, которые характеризуют его специфику, дающую возможность отличать один объект от другого» [ФЭС 1989, 255].

Напротив, категория «состояние» указывает на тот или иной способ существования объектов в определенных пространственно-временных условиях. Материальные объекты не могут находиться бесконечно долго в одном и том же состоянии, они пребывают в вечном стремлении к иному состоянию и рано или поздно переходят в другое состояние, зависящее от предыдущего или детерминированное им: «...мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы ... как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в непрерывном изменении...» [Маркс, Энгельс 1961, 302]. По мнению А.Л.Симанова, полярной «состоянию» категорией следует считать категорию «изменение». Действительно, в онтологическом плане состояние изменчиво, а изменение проявляется в данный момент времени через состояние. Таким образом, эти два понятия – «состояние» и «изменение» – диалектически связаны друг с другом [Симанов: Электрон. ресурс].

С онтологической точки зрения, состояние представляет собой форму реализации бытия, присущую всем явлениям, системам, объектам, процессам, в том числе и процессу познания «фиксирующую момент устойчивости в изменении, развитии, движении материальных объектов в некоторый данный момент времени при определенных условиях» [Симанов: Электрон. ресурс]. Объект, изменяясь, проходит ряд состояний, и каждое его состояние определяется совокупностью его свойств и отношений. С гносеологической позиции, понятие «состояние» фиксирует степень развития объекта, участвует в познавательном процессе, отражая в человеческом сознании формы реализации бытия и вскрывая свойства, структуру и сущность объекта.

В философии, таким образом, состояние толкуется как «категория научного познания, характеризующая способность движущихся материй к проявлению в различных формах с присущими или существенными свойствами и отношениями. Категория состояния выражает процесс изменения и развития вещей и явлений, который сводится к изменению их свойств и отношений» [ФЭС 1989, 406]. Из этого следует, что состояние как одна из форм существования вещи, бытие вещи в любой момент ее существования присуще всему сущему; любой предмет, любое явление в своем существовании проходит ряд состояний, связанных причинно-следственной связью.

Категория «состояние» является не только философской – онтологической и гносеологической – категорией, она входит в ряд фундаментальных языковых категорий как категория семантическая, отражающая в содержании языковых единиц специфический тип положения вещей. Однако лингвистический подход к содержанию понятия состояния несколько отличается от философского взгляда.

В то время как многие философы склонны понимать состояние широко – как любое проявление предмета в некоторый момент его существования, в лингвистике отвергается такое расширенное понимание. Состояние в лингвистике трактуется как «суперкатегория», обладающая «широким спектром способов

языкового воплощения» [Матханова 2001, 69-70], «отражение в языке специфической формы бытия предмета, которая возникает под воздействием определенных факторов, не влияет на его сущностные свойства, характеризуется стабильностью в течение некоторого периода времени и потенциальной изменчивостью» [Матханова 2003, 101] или – узко – как понятие, включающее семантический компонент «испытывать нечто» [Казарина 2002, 53]. Состояние охватывает физическое самочувствие одушевленного партиципанта, его чувства и эмоции, положение партиципантов и т.д.: «состояния относятся к сущности людей или предметов, к тому, как они выглядят, в какой ситуации и где они находятся, в какой позиции и т.д.» [Jackson 1992, 9], – а также природные явления.

Лингвисты, таким образом, сходятся во мнении, что состояние предстает как категория сложной природы. В опоре на философский взгляд на противоречивый характер состояния, отмечается, что с одной стороны оно характеризуется устойчивостью, то есть сохранением, стабильностью определенных признаков того или иного предмета в течение некоторого времени. С другой стороны состоянию присуща изменчивость [Сахарова 2004, 28-29]: состояние не является постоянным, оно вытекает из предыдущего состояния и неизбежно сменяется каким-то другим, новым состоянием.

Понятийная категория «состояние», представляющая собой отраженный человеческим сознанием особый способ существования субстанции, играет посредствующую роль между действительностью и языком и, как и любая мыслительная категория, находит выражение в средствах языка.

§ 3. Состояние, ситуация действительности и предложение

Переходя от определения сущности и места в понятийной сфере категории состояния к ее репрезентации в языке, остановимся на вопросе общепhilософского и общелингвистического характера о том, как следует рассматривать окружающий нас мир, и как он представлен в языке.

Объективная действительность, признаваемая начальной точкой отсчета в человеческой деятельности любого рода, охватывает «живую и неживую природу на всех уровнях ее организации, а также всю совокупность социальных фактов, процессов и отношений» и представляет собой сложное целое взаимосвязанных друг с другом предметов, явлений, свойств, процессов, отношений [Сусов 1973, 15]. Она существует и дана человеку не как сумма отдельных, абсолютно изолированных предметов: «любая вещь существует в совокупности своих свойств и отношений к другим предметам. Свойства и отношения являются онтологической предпосылкой для существования ситуаций и событий, выражаемых в языке» [Богданов 1977, 34]. Подтверждение этому находим и в следующем высказывании: «Во внеязыковой реальности не существует предметов отдельно от процессов, в которые они вовлечены, и отдельно от свойственных им признаков. Все предметы, количественные и качественные признаки, процессы, состояния и действия, представленные в лексической системе языка как обособленные значения, в самой реальности даны лишь как моменты целостных событий и положений» [Кацнельсон 1986, 149].

Согласно концепции Л.Витгенштейна, реальный мир следует рассматривать не как простую совокупность материальных вещей, а как совокупность фактов, которые есть конфигурации или соединения вещей [Витгенштейн 1958, 31], что свидетельствует о принципиальном единстве лингвистов и философов в трактовке объективной действительности. Так, в действительности, кроме отдельных вещей, например, индивидуальных человеческих существ и т.д., особо выделяются ситуации, называемые также фактами (state of affairs)» [Reichenbach 1951, 14-15]. Ситуация предстает как «отрезок, часть отражаемой в языке действительности, то есть движущейся материи» и образуется в результате координации материальных объектов и их состояний в пространстве и времени [Гак 1973, 359]. Ситуацию внеязыковой действительности следует рассматривать как совокупность существующих вне сознания человека и независимо от него материальных

предметов, явлений, их отношений и взаимосвязей. Существенным является то, что ситуация как отрезок мира существует вне сознания человека и является источником познания. Познание действительности заключается в выделении не отдельных ее объектов, а фрагментов внеязыковой действительности, состоящих из предмета (некоторой субстанции) и приписываемого ему проявления бытия, признаков, отношений с другими предметами во времени и пространстве.

Из вышесказанного следует то, что ситуацию действительности образуют элементы-участники разных типов: с одной стороны – предметы (вещи, сущности), с другой – их проявления, признаки. Еще у Аристотеля прозвучала мысль о том, что только сущность существует сама по себе, а другие категории не являются самостоятельными, то есть «ни одно из этих свойств не существует от природы само по себе и не способно отделяться от предмета (ousia)» [Аристотель: Электрон. ресурс]. Признаки предметов, к которым относятся свойства, отношения, действия, состояния и т.д., представляют собой лишь способ существования предметов. Исходя из того, что сущности-вещи существуют безоговорочно, а все остальное (качества, количества, отношения сущностей) существует через них и благодаря им, остается заключить, что и состояние само по себе не существует, это акциденция субстанции. Рассматривать состояние отдельно от его носителя не имеет никакого смысла. «Состояние» стоит в ряду таких обобщенных понятий, как упомянутые выше «качество», «количество», «действие», «отношение» и др., которые обозначают нечто, предсказуемое предмету, и рассматриваются как элементарные семантемы [Гуревич 2001, 91]. Предсказывание, или приписывание признака предмету, находит выражение в предложении. Следовательно, представляется, что при рассмотрении категории «состояние» следует обратиться не к отдельным лексическим единицам, а к синтаксису. Изучение языковой репрезентации когнитивных категорий, концептов ранее основывалось прежде всего на выявлении набора лексических единиц – либо существительных, либо глаголов, либо прилагательных [Авилова 1976;

Васильев 1981; Гайсина 1981; Филимонова 1983; СГЗЯ Глагол 1989 (Н.Ю.Шведова, В.Н.Белоусов, Г.К.Белоусов, М.М.Коробова); Апресян 1995; Маслова: Электрон. ресурс], что включало в себя установление их семной структуры, морфологических параметров, особенностей сочетаемости, а также принципов организации лексико-семантических полей.

Поскольку действительность представляется сложной совокупностью предметов или явлений, их свойств и отношений в их неразрывной связи, а, точнее, совокупностью ситуаций, целостных положений дел, отдельные слова с их «предметно-дискретными» значениями [Звегинцев 1976, 87] «не отображают целостных явлений и событий действительности» [Кацнельсон 1986, 149], им на референциальном уровне соответствуют лишь фрагменты действительности. Выражение информации о событиях внеязыковой действительности происходит в форме предложений: комплексные ситуации, события объективной действительности образуют денотаты предложений [Reichenbach 1951, 15]. В семантике предложения отображаются не отдельные, изолированные объекты с их качествами, а предметы (явления) в их отношении к другим предметам (явлениям). «Содержание предложения принципиально отличается от содержания слов тем, что оно сохраняет живой контакт с действительностью» [Кацнельсон 1972, 141]. Из этого следует важный вывод о том, что при рассмотрении вышеупомянутой триады *ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – МЫШЛЕНИЕ – ЯЗЫК* для того, чтобы полностью раскрыть «отношение языка к действительности и к отображению действительности в мышлении», обращения к лексической семантике, то есть к анализу слова, недостаточно [Кацнельсон 1986, 148]. Только предложение, строящееся посредством комбинации словоформ, создает целостную картину событий, положений дел объективно существующего мира.

В связи с этим в настоящее время некоторыми учеными принят термин «синтаксический концепт» [Попова 2000; Казарина 2002], который одновременно охватывает концептуализацию как обобщение человеческим сознанием фактов и

явлений реальной действительности и репрезентацию результатов этой деятельности синтаксическими средствами языка: «именно виды отношений, осмысленные и классифицированные человеком, и являются синтаксическими концептами, стоящими за структурными схемами» предложения [Волохина, Попова 1999, 4-5].

Только в предложении – сложной и специфической единице языковой системы, отличной от слова и словосочетания наличием предикативности [Грепль 1967, 60], имеет место приписывание вещи некоторого признака/отношения, связь которых и создает ситуацию как отрезок объективной действительности. Предикативность как грамматическое выражение предикации (понимаемой как соединение предметов мысли или отношение признака к предмету), как «форма приписывания признака предмету в соотнесенности с моментом коммуникации» [Левицкий 2003, 178], отличает предложение от непредикативного атрибутивного сочетания, в котором тоже присутствует связь признака и предмета, тем, что в атрибутивном словосочетании эта связь предстает как уже данная, вневременная, в то время как в предложении связь предмета и его признака устанавливается актом предикации, мыслительным актом.

Предикативность обязательно подразумевает грамматическую двучленность (двусоставность) предложения, которая является специфической чертой его структуры: предложение – «языковая единица, обладающая структурой, дающей данной единице возможность употребляться в качестве минимального высказывания (речевого произведения), а именно подлежащно-сказуемостной структурой» [Бархударов 1966, 141]. Исходя из сущности предложения, которая «во всех языках мира заключается в развертывании признаков предмета» [Серебренников 1983, 238], приходим к выводу, что предложение обязательно содержит два главных компонента, один из которых выражает предмет, а другой – приписываемый ему признак [Левицкий 2003, 177], причем предметы выражаются в форме имени, а их признаки – в форме глаголов. «Еще грамматисты Пор-Рояля

отмечали, что глагол есть слово, с помощью которого производится утверждение (assertion), то есть соотнесение признака с субъектом» [Гак 1986, 52]. В основе любого предложения лежит субъектно-предикатная структура; без нее оно не может обозначить структуру внеязыковой ситуации.

Итак, предложение образуется специфическим синтаксическим отношением между *подлежащим*, имеющим общеграмматическое значение предметности, но могущим обозначать и предмет, и явление, и лицо, и отвлеченное понятие и т.д. (рус. *Лицо Веры было нежно, бархатисто от пудры* (И.А.Бунин, 187), *Стрешинев остановился* (И.А.Бунин, 186), *Случилось большое горе* (ТСРЯ, 140); нем. *In diesem Tale stand ehemals ein kleines Jägerhaus* (J.F. von Eichendorff: Электрон. ресурс), *Das Mädchen aber, ohne sich umzusehen, sang mit fröhlicher Stimme* (J.F. von Eichendorff: Электрон. ресурс)), и *сказуемым*, которое представлено личной формой глагола и, определяя подлежащее, приписывает ему признак в самом общем виде и обозначает либо действие, либо состояние, либо изменение состояния, либо свойство и т.д.: рус. *Целый день я скитаюсь по пустым равнинам* (И.А.Бунин, 115), *Язык тоже прогрессирует* (Компьютера, 49), нем. *Renald sprang schnell auf* (J.F. von Eichendorff: Электрон. ресурс), *Die Gassen wurden stiller* (A. von Arnim: Электрон. ресурс). Подлежащее и сказуемое связаны взаимонаправленно и противопоставлены друг другу позиционно. Взаимная связь обнаруживается в том, что подлежащее определяется через его отношение к сказуемому, а сказуемое – через его отношение к подлежащему. Ввиду того, что они не могут существовать друг без друга, неоспоримым оказывается факт обязательного присутствия в структуре предложения и подлежащего, и сказуемого, на что неоднократно указывалось в отношении разных языков: английского [Nesfield 1954; Francis 1967, 61], немецкого [Пауль 1960, 338], русского [Золотова 1982, 102-116], итальянского [Алисова 1971, 13], французского [Гак 1986, 53], тюркских [Баскаков 1975, 48 и 180].

Вышеозначенные признаки – предикативность и двусоставность

(подлежащно-сказуемая структура) – противопоставляют предложение всем прочим сочетаниям, не являющимся предикативными и самостоятельными структурами, но содержащими утверждение о связи предмета и его признака. Несмотря на то, что атрибутивное словосочетание также содержит отображение взаимодействия предмета и его признака, номинативная способность словосочетания отлична от номинации в предложении. В то время как предложение характеризуется наличием пропозитивной номинации, т.е. способностью выражать сложные денотаты – комплексные ситуации объективной действительности [Шадрин 1985, 3], приписыванием предмету актуального признака, в атрибутивном словосочетании связь предмета и признака является вневременной, признак представлен как присущий данному предмету. Это позволяет сделать важный вывод о том, что состояние некоторой сущности не выражается атрибутивным словосочетанием. Состояние выражается лишь предложением, т.к. в нем имеет место приписывание предмету преходящего, переменного признака.

Следовательно, именно исследование предложения – единицы языковой категоризации и центральной единицы синтаксиса, представляющей некий законченный смысл, – ведет к выявлению упорядоченной системы полноценных средств выражения понятийной категории состояния в языке.

§ 4. Предложение и его структурно-семантическая организация

4.1. Проблема определения предложения

Во главе угла нашего лингвистического исследования находится предложение, ввиду того, что в построении этой языковой единицы отображаются и реализуются механизмы человеческого сознания, черты понятийного аппарата и с его помощью выражается некоторое утверждение относительно того или иного положения дел в объективной действительности. Язык передает знание о мире, это

знание формируется в особой познавательной структуре, которая, в конечном счете, находит языковое выражение в предложении, структура которого некоторым образом соотносится со структурой закономерностей существования объективного мира.

Несмотря на то, что изучение природы предложения, его формы, значения и функций имеет давние традиции, дать определение предложению оказывается непросто по нескольким причинам: во-первых, оно является единицей многоплановой и многосторонней; во-вторых, языки мира обладают разными типами синтаксических структур, «которые не всегда удается свести к общему знаменателю» [Левицкий 2001, 33], и предложение имеет различные формальные характеристики в зависимости от типа языка; в-третьих, даже в рамках одного языка имеет место разнообразие и многообразие синтаксических структур, которое зачастую очень сложно обобщить в едином определении. В науке можно проследить принципиально различные подходы к изучению этой синтаксической единицы, что объясняется различием грамматических концепций, вытекающим из расхождения теоретических взглядов ученых на язык вообще и его связь с процессами мышления в частности, а также на соотношение формы и содержания в языке. Нередко в синтаксических теориях недоставало четкого различения логических, психологических и собственно лингвистических категорий и единиц, формальных и семантических критериев, даже их смешение [Бархударов 1976, 90]. Многочисленные попытки дать определение предложению отражают две основные тенденции:

1. попытки определить предложение с помощью нелингвистических – логических, логико-психологических – понятий. Предложение здесь трактуется как «суждение, выраженное словами», поскольку в нем воспроизводятся логические категории и отношения [Буслаев 1959, 258], как «психологическое суждение» либо упорядоченное сочетание слов, сопряженное с движением мысли. Существенным признаком предложения считалась сказуемость

(«предидицирование»), основанная на присутствии глагола в личной форме [Потебня 1958; Овсянико-Куликовский 1912, 51];

2. стремление ученых дать чисто лингвистическое определение предложения [Мухин 1968, 21]. Предложение рассматривается то как аранжировка слов, как синтагматическая цепь связей и отношений (И.Рис, Л.Блумфилд, Л.Теньер и др.) [БЭС-Языкознание 1998, 396], то как «организованное целое, элементами которого являются слова» [Теньер 1988, 22], то как «вид словосочетания», включающего в себя грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое [Фортулатов 1956-1957, 183], то как «специфическую грамматическую формацию, предназначенную для высказывания и имеющую специфическое грамматическое средство для выражения предикативной актуализации» [Данеш, Гаузенблас 1974, 92], то как «грамматически оформленную по законам данного языка целостную единицу речи, являющуюся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли» [Виноградов 1954, 3].

Еще одна сложность при определении предложения обусловлена различиями в интерпретации самого термина «предложение»: его трактуют либо как единицу языка (С.И.Бернштейн, Ю.А.Левицкий, М.С.Венскович), либо как единицу речи (многие европейские и американские ученые, в том числе Ф. де Соссюр, Э.Бенвенист, А.Гардинер, а также А.И.Смирницкий и др.), либо одновременно как единицу языка и речи (Т.П.Ломтев, П.С.Кузнецов и др.) [Покусаенко, Скорлуповская, 113]. Очень часто предложение (единица языка) оказывается тождественным высказыванию (единице речи), как, например, в определениях, данных В.Г.Адмони (предложение – «(относительно) законченное высказывание» [Адмони 1973, 17]) или О.Есперсеном («предложение есть (относительно) полное и независимое человеческое высказывание» [Есперсен 1958, 357]). Поэтому крайне важно определить, какой именно единицей является предложение.

Современная лингвистика основывается на дизъюнкции *Язык – Речь*. Язык – это внутренне организованная система единиц и правил их употребления, а речевая деятельность – это непосредственное владение языком, употребление языка, то есть реализация способности использовать язык в определенных коммуникативных целях, результатом которой становятся тексты. В результате подобного подхода в лингвистике получила широкое распространение оппозиция: *предложение* в языке, в речи – *высказывания*. Так, например, у С.О.Карцевского четко проведена граница между предложением и фразой: предложение обладает предикативностью и формой, структурой, которая делает возможной коммуникацию, а фраза является коммуникативной единицей, которая не должна совпадать по форме с предложением [Karcevskij 1931, 189-190].

Язык и речь диалектически соотносятся как общее и единичное: конкретное индивидуальное явление обладает абстрактным категориальным свойством, относящим его к тому или иному классу явлений. Так и предложение является неким обобщающим (родовым) понятием, инвариантом по отношению к высказыванию как единичной, конкретной его реализации, одному из его возможных вариантов, обусловленных конкретными условиями коммуникации [Левицкий 2004, 191]. Поэтому предложение доступно наблюдению только в своих конкретных реализациях.

Для настоящего исследования важным является также признание структурной завершенности предложения, в то время как для выражения коммуникативной функции в высказывании жесткая грамматическая форма необязательна. «В формировании высказывания большую роль играет пресуппозиция – совокупность предварительных знаний собеседников о предмете речи», позволяющая устранить известные собеседникам из ситуации компоненты высказывания [Гак 1973, 367]. Предложение же, «представляет собой грамматически завершенную конструкцию, которая не нуждается в других конструкциях для пояснения своего значения ...» [Francis 1967, 61], «выступает в

качестве величины стандартной, структурно-типизированной» [Блох 1977, 75] и как явление языка должно удовлетворять условиям грамматической, семантической и логической правильности» [Звегинцев 1976, 242]. В его основе должен лежать пропозиционный или номинативный минимум [Арутюнова 1972, 307-309; Белошапкова 1977, 111]. Предложение выполняет номинативную функцию, функцию наименования некоторой ситуации, и обладает номинативным смыслом. «Следовательно, предложение, как и словосочетание и отдельное слово прежде всего номинативно» [Стеблин-Каменский: Электрон. ресурс]. Оно является не речевой, а языковой номинацией, при условии ее реализации в речи могущей служить целям коммуникации.

Исходя из положения о том, что язык является системой, используемой людьми в коммуникативной деятельности и складывающейся из знаков, выполняющих функцию репрезентации экстралингвистических фактов, к языковым знакам мы относим не только слово, но и предложение, обладающее и формой и содержанием. В лингвистической литературе не раз обсуждался вопрос о знаковом характере предложения [Бенвенист 1965 и 1974, Сусов 1973, Гак 1973, Шабанова 1983, Маслов 1987 и др.]. Существует мнение, что предложение не является знаком языка по той причине, что оно не обладает виртуальным значением, и в отличие от других языковых единиц число предложений бесконечно [Бенвенист 1974, 139]. Однако знак определяется «с точки зрения его способности соотноситься с миром, который существует вне человека, но познается им, его мышлением» [Колшанский 1976, 10], как материальный, чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие), который выступает как представитель другого предмета, свойства или отношения [ФЭС 1989, 191]. Этим требованиям отвечает и предложение, т.к. оно как языковой знак предполагает существование внелингвистического мира и отражений этого мира в сознании, которые получают наименования, обозначения средствами языка. Согласно этому, синтаксическая наука должна учитывать три взаимосвязанных рода явлений:

1. означающие языковых знаков,
2. означаемые, представляющие собой возникшие в результате отражения действительности семантические актанты и отношения между ними,
3. положения вещей реально существующего мира, которые отражаются в человеческом сознании и получают наименования.

Предложение, являясь языковым знаком, представляет собой двустороннюю сущность: субстанциальной стороной его выступает означающее (форма), а другой стороной является обозначаемое (содержание). Для синтаксической науки, как, впрочем, и для всей науки о языке, ключевым и особо важным моментом является разграничение плана выражения и плана содержания, смешивание и отождествление которых как разных по природе явлений недопустимо: в то время как означающее материально, означаемое представляет собой «умственное построение, в котором отражаются предметы и явления внешнего мира» [Ломтев 1979, 23]. Означаемое неразрывно связано с означающим – формальной стороной языкового знака, имеющей тот или иной материальный субстрат, доступный чувственному восприятию [БЭС-Языкознание 1998, 343]. Предложение обладает означающим сложного характера. Оно является сложным знаком, обладающим внутренней системностью, которая заключается в том, что он состоит из набора единиц низшего уровня, стоящих в определенных синтагматических отношениях друг к другу.

Приняв во внимание все рассмотренные выше признаки и характеристики, которыми обладает предложение как синтаксическая единица, нельзя не признать сложность его природы, многообразие и разнообразие его свойств и признаков, отношений, складывающихся между его компонентами, специфику соотношения, существующего между его формой и содержанием. Весь этот комплекс подлежит тщательному анализу, продуктивность которого обеспечивается, с одной стороны, разбиением всех этих явлений на серии, множества: положение о предложении как об абстрактной, типизированной грамматической форме и понимание

предложения как носителя информации об отрезке действительности приводит к четкому обозначению двух релевантных сторон предложения: формальной структуры и семантической структуры.

4.2. Семантический уровень предложения

4.2.1. Семантическая структура предложения

Все исследователи основываются на исходном пункте, согласно которому язык во всех своих формах предназначен именно для выражения мысли и обмена мыслями. Современные теории многим в этом отношении обязаны взглядам А.А.Потебни, который призывал обращать внимание не на «звуковую наружность слов», имеющую лишь служебное значение, а на «мысленное содержание слов, не существующего без языка, создаваемого и воспроизводимого вместе с звуковой внешностью слов» [Потебня 1968, 5], Л.В.Щербы, признававшего смысл «важнейшим началом для активного усвоения языка» [Щерба 1974, 77], и И.И.Мещанинова утверждавшего, что «как предложение, так и слово являются носителями выраженной в них семантики и благодаря ей получают свое внешнее оформление. Поэтому, при анализе строя предложения приходится обращать усиленное внимание на смысловую его сторону» [Мещанинов 1945, 113]. Опора традиционного синтаксиса при рассмотрении и классификации предложений в основном лишь на формальные критерии и редкое и непоследовательное обращение к семантике предложения уступили место пристальному вниманию связи синтаксиса и семантики.

На современном этапе развития лингвистической науки вряд ли можно услышать утверждение об абсолютной независимости и автономности этих двух областей языка. Однако всем известно стремление некоторых исследователей середины XX века, в частности Н.Хомского, выхолостить значение из синтаксиса, настаивая на его асемантизме [Хомский 1962, 504]. Принцип автономности,

самостоятельности грамматики по отношению к семантике был поддержан также У.Вейнрейхом [Вейнрейх 1970, 167]. Эта категоричность была преодолена благодаря осознанию двуединства содержательной и формальной сторон единиц синтаксического уровня, в частности, предложения. В рамках синтаксической теории даже выделяется новая отрасль – синтаксическая семантика, которая занимается изучением семантико-синтаксических категорий. Ведущим понятием в этом направлении исследования предложения является семантическая структура предложения, являющаяся неотъемлемой стороной предложения. В круг проблем семантического аспекта предложения входит проведение семантической интерпретации предложения, выявление структуры смысла предложения, изучение роли отдельных элементов его семантической структуры, описание соотношения языковых выражений с внеязыковыми ситуациями.

Под семантикой предложения будем понимать его смысловую сторону, все содержание, передаваемое этой языковой единицей [БЭС-Языкознание, 438]. Семантика синтаксических единиц предстает двуплановым явлением: с одной стороны, она отражает явления реальной действительности (отношения между предметом и его свойством, признаком, действием и другими предметами), на этом и основывается информативность единицы; с другой – она опирается на грамматическую форму, синтаксические роли и взаимодействие компонентов собственно синтаксической единицы (синтаксические связи управления, согласования и т.д.). Поэтому лингвисты, в частности Ю.А.Левицкий [Левицкий 2001, 66], говорят о **внутренней** (грамматической) семантике предложения, которая складывается из синтаксических позиций слов (точнее – словоформ) и системы внутренних связей предложения, и о **внешней** (лексической) семантике предложения, которая определяет связь предложения с реальной действительностью. Эта двуплановость семантики представляет собой сущность синтаксической семантики и, в частности, семантики предложения. Во-первых, комбинируясь в составе предложения, слова оказываются связанными друг с

другом синтаксическими отношениями, за которыми, конечно, стоят и смысловые отношения, заключающиеся в сочетании семантических содержаний данных слов. Эти синтаксические отношения важны в том смысле, что в опоре на них происходит определение членов предложения – «структурно-семантических компонентов предложения, выраженных полнозначными словами или словосочетаниями» [БЭС-Языкознание, 584], или минимальных синтаксических единиц, выделяемых на основании формальных признаков и функций в составе предложения» [Гак 1986, 62]. Во-вторых, из определения семантики как «содержательной, значимой стороны языковых единиц и категорий, обусловленных, в свою очередь, категориями мышления и объективного мира» [Уфимцева 1976, 31], вытекает то, что предложение соотносится с феноменами, внешними по отношению к нему. Это позволяет выделить внешнюю семантику этой единицы: а) внеязыковой категорией – ситуацией объективной действительности и б) мыслительной категорией – суждением.

Ранее существовавшее понимание предложения как соединение номинативных единиц – слов и словосочетаний – уступило место пониманию предложения как номинации особого рода, динамической, отличной от лексической, статической. Семантика предложения, как признается многими учеными, не является результатом простого сложения значений слов, из которых оно строится [Кацнельсон 1972, 100; Колшанский 1979, 54; Венкович 1982; Гулыга 1976 и др.]. При соединении слов в предложение происходит внутренний процесс сложения смыслов, и предложение предстает не «как сумма смыслов, а новый смысл» [Щерба 1974, 24]. Следовательно, для содержания предложения доминирующим фактором является общий смысл, а не последовательная цепочка сложения слов. Семантика предложения доминирует над значением отдельных слов и скрепляет дискретные значения в единый смысл.

Особо важное место в современной семантике занимает номинативный подход к предложению, где предложение как сложный знак рассматривается в

опоре на ситуацию внеязыковой действительности, являющуюся его денотатом. Еще В.В.Виноградов подчеркивал, что предложение содержит в себе «кусочек», «отрезок действительности» [Виноградов 1954, 16]. Сторонниками этого подхода, получившего названия концепции денотативной основы, ситуативной, номинативной концепции, являются В.Г.Гак, Г.Г.Сильницкий, Н.Д.Арутюнова, Т.Б.Алисова, В.Г.Адмони, Т.П.Ломтев, Е.В.Гулыга, В.В.Богданов, Л.М.Такумбетова, З.Д.Попова и др. В его рамках разрабатывается идея о том, что предложение является номинативной единицей. Аналогично слову, предложение соотносится с денотатом, но если денотатом слова выступает класс предметов или явлений, то экстралингвистическим денотатом предложения является ситуация. Поэтому говорят о номинативной функции предложения, которую Н.Д.Арутюнова называет «пропозитивной номинацией» [Арутюнова 1971, 64]. Наименование ситуации в целом – это указание на то, что либо между участниками ситуации (лицами, предметами или абстрактными понятиями) существуют отношения, либо им приписываются некие качества, либо лицо или предмет находится в определенном состоянии [Гулыга 1976, 68]. К области семантики относится не сам реальный мир, а результат его языковой концептуализации. Называние предложением ситуации объективной действительности носит обобщающий характер. В содержании предложения происходит обобщенное отображение типа ситуации, функций ее элементов и связей между ними: англ. предложение *I'll give you threepence* (P.G.Wodehouse) описывает типовую ситуацию, затрагивающую трех участников (одушевленного субъекта, одушевленного адресата и объекта), которые в поверхностной структуре представлены словоформами *I*, *you* и *threepence*. Именно структура внеязыкового положения дел и структура суждения о нем определяют структуру содержания предложения – семантическую структуру, представляющую собой отражение языковым сознанием типичных функций и отношений объектов реальной действительности.

Понятие семантической структуры применимо лишь к тем единицам,

которые разлагаются на компоненты. Именно такой единицей является предложение, семантика которого, как уже отмечалось ранее, является комплексным образованием и, следовательно, имеет структуру и предстает как «определенная организация, состоящая из компонентов – элементов смысла, – находящихся в определенных отношениях, обуславливающих единство значения» [Валимова 1978, 21]. В.В.Богданов понимает под семантической структурой «лишь другое название для смысла предложения» [Богданов 1977, 50].

Сама идея выделения семантической структуры предложения как самостоятельной его стороны принадлежит Ф.Данешу, который приводит следующее ее определение: «Семантическая структура предложения – это известное обобщение ... соответствующих лексических значений, осуществляемое и направляемое моделью предложения или, говоря иными словами, семантическая структура предложения является синтаксической проекцией данных лексических значений» [Daneš 1968].

Хотя усиленный интерес к информативной стороне предложения отмечается с середины XX века, утверждение о том, что ученые прежних лет совсем не учитывали семантику, «смысловую форму» синтаксических конструкций, следует признать неверным. Среди ученых, предвосхитивших изучение предложения со стороны его смысловой формы в таком ракурсе задолго до этого «бума», можно назвать русских синтаксистов XIX века А.А.Дмитревского и В.Сланского, хотя традиционное синтаксическое описание в этот период не характеризовалось интересом к этой стороне предложения. В.Сланский предлагал выделять не только члены предложения, но и «члены содержания» предложения и высказывал мысль о необходимости изучения «отношений этих членов» [Цит. по Виноградов 1958, 316]. А.А.Дмитревский, выдвигая образное определение предложения как «драмы мысли», рассматривал сказуемое в качестве главного члена предложения, воплощающего собой «действие драмы»; субстантивные (именные) члены («дополнения») в его трактовке представляют действующих лиц сцены, которая в

свою очередь представлена обстоятельствами [Цит. по Белошапковой 1977, 117].

Значительно позднее – лишь в середине XX века – анализ информативной стороны предложения стал характерной чертой современного синтаксиса, в противоположность науке прошлого, как реакция на принципы и методы формальных описаний. Л.Теньер, обосновывая основные положения семантического синтаксиса, приводит образное сравнение предложения с драмой в миниатюре, где представлены действие, называемое глаголом, действующие лица, выраженные существительными, и обстоятельства действия [Теньер 1988, 117]. Эта идея перекликается с приведенными выше утверждениями А.А.Дмитревского. Тому, что у Л.Теньера называется «планом драматической реальности» (впоследствии стали употреблять термин «семантическая структура»), противопоставлен план структурного синтаксиса, элементами которого являются, соответственно, глагол, актанты и сирконстанты. Таким образом, он проводит грань между структурой и семантикой предложения, относя структурный план к области выражения мысли при помощи языковых средств и помещая семантический план вне языка, вне грамматики. Содержание предложения признается собственностью мысли, абстрагированной от языкового выражения [Теньер 1988, 51].

Анализу содержательной стороны предложения посвящены работы известных отечественных и зарубежных ученых Ю.Д.Апресяна, Т.Б.Алисовой, Н.Д.Арутюновой, В.А.Белошапковой, В.В.Богданова, В.Г.Гака, Г.А.Золотовой, О.И.Москальской, И.П.Сусова, Н.Ю.Шведовой, Д.Н.Шмелева, Ф.Данеша, К.Гаузенбласа, Ст.Кароляка, Я.Корженского, А.Богуславского, А.Вержбицкой, Ч.Филлмора, У.Л.Чейфа и др. Наряду с термином «семантическая структура», употребляются термины «внутренняя структура», «глубинная структура», «пропозиция», «означаемое» и т.д.

Четкая теория семантической структуры пока еще не разработана, однако предполагается, что ее создание должно иметь универсальное значение, чего не

может предоставить анализ поверхностной структуры конкретного языка. У. Л. Чейф считает семантическую структуру главным компонентом языка: «Без знания семантической структуры мы ничего не знаем о процессах, в результате которых возникают (грамматически) правильные высказывания, так как эти процессы представляют собой процессы семантического формирования» [Чейф 1975, 90]. По его мнению, «семантические структуры различных языков гораздо более сходны, чем их поверхностные структуры» [Чейф 1975, 98], в их основе лежит общий для всех людей характер знания. В отличие от поверхностной структуры, которая является уникальной, специфичной в каждом языке, семантическая структура универсальна, она не ориентирована на особенности какого-либо конкретного языка и представляет собой абстрагированное образование. Элементами семантической структуры предложения, следовательно, являются не реальные морфологически оформленные лексические единицы, а обобщенные, абстрактные единицы. Поэтому во многих многих языках (например, языках Европы) обнаруживается совпадение «основных свойств их семантических структур» [Procházka, Sgall 1976, 258].

Анализ семантической структуры предложения ведется в разных направлениях, на некоторых из них необходимо остановиться подробнее, так как лингвистика обязана им появлением новых идей и понятий.

Некоторыми авторами семантика предложения описывается на основе собственно лингвистических фактов, без выхода во внеязыковую сферу, без опоры на ситуации реальной действительности. Так, семантическая структура предложения в Русской грамматике определяется как «его абстрактное языковое значение, представляющее собою отношение семантических компонентов, формируемых взаимным действием грамматических и лексических значений членов предложения». Центральными категориями семантической структуры предложения признаются: 1) предикативный признак, то есть признак, выявляющийся в объективно-модальном плане: во времени и в том или ином

отношении к действительности; эта категория реализуется как «действие» или «состояние» (понимаемые в самом широком смысле); 2) субъект – производитель действия или носитель состояния и 3) объект – тот предмет (также в широком смысле), на который направлено действие или к которому обращено состояние [РГ-80: Электрон. ресурс].

Этот подход основан на иерархически организованной структурной схеме предложения, на учете грамматического значения необходимых компонентов предложения, поэтому смысл предложения образуется взаимодействием грамматического значения структурного образца, морфологического значения формы синтаксических компонентов, синтаксических отношений между компонентами и лексической семантики слов, заполняющих этот образец [Шведова 1974, 112]. Таким образом, семантическая структура понимается здесь как категория, организуемая взаимным действием собственно глагола и его правовалентного и левовалентного окружения [Шведова 1973, 460]. Сходную точку зрения предлагает В.А.Белошাপкова: формальное устройство предложения в некоторой степени определяет значение предложения, его семантическую структуру – «обобщенное типовое информативное содержание, свойственное не одному отдельному предложению как единице речи, а обширному классу однородных предложений» определенного типа [Белошاپкова 1977, 81 и 118]. Тип информативного содержания определяется сочетанием в формальной структуре спрягаемой формы глагола и именного компонента. Поэтому представляется возможным объединить предложения с разным лексическим наполнением и даже с некоторыми вариациями формы на основании общего типового значения. Однако это не единственный фактор, участвующий в создании семантической структуры. Другим немаловажным фактором является лексическое наполнение номинативного минимума предложения. В соответствии с этим, семантическая структура оказывается независимой от структурной схемы предложения. При описании семантики синтаксических структур, согласно точке зрения

О.И.Москальской, задействованы понятия двух разных видов. Во-первых, учитывается лексическое значение слов, лексическая дистрибуция разрядов слов и взаимодействия между значением слова и синтаксической структурой и ее значением. Во-вторых, принимаются во внимание понятийные, или семантико-синтаксические, категории, такие, как процессуальность, агентивность, квалификация предмета, стативность и др., которыми оперируют приверженцы генеративной семантики [Москальская 1974, 17-18], соответствующие типовым значениям предложения.

Денотативный подход к предложению в интерпретации его семантической структуры исходит из ее изоморфности внеязыковому положению вещей. Так, признается, что «предложение представляет собой информативную ценность лишь постольку, поскольку в нем находят выражение соответствующие составные части содержания – речевые отражения предметов и отношений того кусочка действительности, который включается в отображаемую предложением ситуацию» [Блох 1977, 74]. Структура содержания предложения – глубинная структура – трактуется как лексико-синтаксическая структура, изоморфная ситуации [Гак 1969, 78]. Наряду с этим, под семантической структурой понимается «некое общее основание для объединения ряда синтаксических конструкций, построенных по-разному, но отражающих одинаковые реальные ситуации» [Балашова 1988, 65]. Семантическая структура выступает неким посредником между объективной действительностью и структурой предложения как пропозиционального знака, которой также «соответствует конфигурация объектов в положении вещей» [Витгенштейн 1958, 38].

В семантике предложения различают два уровня: «денотативную (предметную) семантику» и «сигнификативную семантику» [Степанов 1981, 12; Касевич 1988, 57]. Признавая необходимость создания семантической теории, основанной на понятии ситуации, Ю.К.Лекомцев понимает ситуацию, во-первых, как «некоторое воспринимаемое событие в пространственно-временном

континууме, которое может быть описано на некотором естественном языке», а, во-вторых, как психическую структуру, и употребляет термин ситуация «в отношении психической ситуации, размещенной в психическом пространстве и психическом времени», объясняя это тем, что языковые выражения соотносятся с действительностью не непосредственно, а через ее образ в памяти и сознании человека [Лекомцев 1973, 446]. «Соответственно разграничивают денотативную ситуацию – реальное «положение дел» в объективной внеязыковой действительности – и сигнификативную ситуацию – отражение денотативной ситуации в языке» [Клобуков 1986, 32]. Так, семантика предложения складывается из «информационного содержания и способа его задания» [Ломтев 1968, 296]. Способ задания – сигнификативная ситуация – представляет собой «фрагмент действительности, осмысленный языковым сознанием» [Тулина 1976, 103], то есть ситуацию, обработанную языком. Под способом задания содержания предложения и понимается семантическая структура, которая воплощается в формальной структуре предложения. Ситуация действительности характеризуется цельностью, нерасчлененностью, в то время как в языковой семантике ей соответствует строгая предикатно-актантная структура.

На необходимость применения при анализе предложения понятия пропозициональной функции и ее аргументов одним из первых указал логик Г.Райхенбах, трактовавший содержание предложения как функцию, аргументами которой являются предметы [Reichenbach 1951]. Этот способ представления содержания предложения – как системы с отношениями (это понятие было предложено А.Тарским [Tarskij 1954, 548-583]) – нашел отражение в концепциях разных лингвистов. Означаемое предложения рассматривается как семантическая система предметных переменных (предикатных предметов, аргументов), связанных некоторым отношением (функцией) [Ломтев 1979, 26]. Под семантической структурой понимают также «выражение, построенное из смысловых единиц (в идеале – элементарных), соединенных друг с другом

предикатно-аргументными отношениями» [Богуславский 1985, 9]. Раскрывая организацию семантической структуры предложения, В.В.Богданов указывает на основные ее компоненты – «семантемы предиката (или предикативного знака) и аргументов (или непредикативных знаков)» [Богданов 1978, 51]. Подобный подход к раскрытию семантики предложения связан с обращением лингвистов к понятиям предикатной логики: например, предикатно-аргументная структура суждения, функция и аргументы, реляционные отношения и детерминация и т.д. [Schmidt 1961, 1970; Albrecht 1967; Москальская 1977, 46]. Представление семантической структуры предложения, таким образом, опирается на получившую развитие в конце XIX – начале XX века логику отношений, рассматривающей суждение в виде формулы aRb , в центре которой находится отношение R между первым членом (субъектом) – a и вторым членом (объектом) – b , называемыми аргументами или предикатными именами. Предикаты бывают одноместными aR , двухместными aRb , трехместными $aRbc$ и т.д. Таким образом, основу суждения составляет совокупность мыслимых предметов, связанных каким-либо отношением [Гак 1986, 5].

В рамках этого подхода, ориентированного на пропозициональную (реляционную) структуру смысла, изучением предложения занимались и продолжает заниматься множество ученых, таких, как Дж.МакКоли, Дж.Лакофф, Ч.Филлмор, У.Чейф, Р.Ван-Валин и У.Фоли, П.Адамец, Ю.Д.Апресян, Е.В.Падучева, В.В.Богданов, Т.Б.Алисова, В.Б.Касевич, И.П.Сусов, В.Г.Гак и др.

При познании реальной действительности человек обобщает и сводит отдельные ситуации в классы ситуаций, причем в этом процессе значительная роль принадлежит языку. Ситуация действительности отображается семантической конструкцией – «реляционной структурой», часто именуемой пропозицией и состоящей из «минимальных, синтактико-семантических единиц, каждая из которых соотносится с определенным элементом ситуации и находит для себя отдельное языковое выражение в виде особой синтаксической позиции»

[Сусов 1975, 64].

Термин «пропозиция», пришедший в лингвистику из логики, трактуется как семантическая структура, как смысловая модель, как семантическое ядро предложения: она определяется как «вневременной набор отношений между глаголами и именами ..., отделенный от модального конституента предложения» [Fillmore 1968, 23], как «семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций», «стабильное семантическое ядро..., обозначающее действительное или возможное положение дел» [БЭС-Языкознание 1998, 401], как минимальная семантическая единица, состоящая из понятия или из сочетания понятий, которая сообщает нечто об определенном событии или отношении, или как «мыслительное содержание» предложения, выражающее «соотношение логически равноправных объектов» [Кацнельсон 1986, 135]. При учете номинативного характера отражения действительности предложением становится ясным, что «с помощью пропозиции номинируются и связываются между собой ... понятия, обозначающие участников внеязыковой ситуации – предметы и явления реальной действительности» [Балашова 1988, 68].

Проанализировав существующие определения семантической структуры, особо подчеркнем основные свойства этой категории. Во-первых, семантическая структура изоморфна структуре отражаемой в предложении ситуации. Во-вторых, понятие семантической структуры связывается с номинативным, информативным содержанием предложения. В-третьих, в определении семантической структуры подчеркивается обобщение номинативной стороны предложения. В-четвертых, ядром семантической структуры признается предикат, открывающий позиции для семантических актантов. В-пятых, в отличие от формально-синтаксической структуры предложения семантическая структура носит нелинейный характер, элементы этого образования даны одновременно, а не во временной последовательности. В-шестых, семантическая структура является универсальной

для множества человеческих сообществ.

4.2.2. Семантические типы предикатов и типовое значение предложений

Во многих работах, посвященных проблемам предложения, для обозначения семантики предложения, взятого в ее типовом, а не индивидуальном виде предлагаются термины «**типовое значение предложения**» [Золотова 1982, 99; Варшавская 1984, 91; Балашова 1988, 64] и «**синтаксический концепт**» [Попова 2000, 172; Казарина 2002, 24]. По мнению этих авторов, данные термины, представляя типовой смысл структурной схемы предложения, как нельзя лучше передают понятие семантической однотипности предложений. Говоря о типовом значении предложений, Г.А.Золотова отмечает, что оно детерминируется категориально-грамматическим характером предиката, который сообщает о действии, качестве или состоянии [Золотова 1982, 168].

В основе пропозиционального подхода к семантике предложения, как уже было отмечено, лежит понятие предикатно-актантной структуры, базирующееся на семантической валентности предиката. Семантическая модель предложения обозначает целый класс ситуаций, характеризуемый некоторым отношением, отражаемым соответствующим типом предиката, который в свою очередь детерминирует семантические актаны – сущностные компоненты семантической структуры. Закрепленность моделей предложения за определенными типами связей объективной действительности не вызывает сомнения и представляет чрезвычайно интересный предмет изучения.

Семантическая типология предложений должна быть связана с семантической классификацией предикатов, описывающих то или иное отношение предметов реального мира. «Элементарные семантические ситуации» как «наиболее общие типы координации понятий, лежащие в основе всех синтаксических структур языка», описываются «ядерными предикатами»

[Алисова 1971, 32]. Предикат признается особой семантической сущностью, обобщающей и описывающей объективное положение вещей, или ситуацию [Булыгина 1982, 8], категоризация предикатов, по сути, – «обобщение объективных явлений бытия» [Степанов 1980, 323]. На формально-синтаксическом уровне предикату соответствует глагол-сказуемое, являющийся организационным центром предложения. Подобные вербоцентрические положения высказывались в лингвистике уже давно. Так, например, А.А.Дмитревский о сказуемом говорит как о «неограниченном властителе, царе предложения» [Цит. по Виноградов 1958, 290].

Структура предложения у отдельных авторов предстает как «проявление», раскрытие того, что в имплицитном виде уже содержится в сказуемом, в его грамматической и, особенно, семантической структуре. Отмечают также, что, в глаголе видят не только ядерный, конститутивный член предложения, но, практически, свернутое предложение (Ю.Д.Апресян, И.П.Сусов, С.Д. Кацнельсон, В.С.Храковский, А.А.Холодович, Е.Курилович и др.). Как отмечает С.Д.Кацнельсон, «выражая определенное значение, он в то же время содержит в себе макет будущего предложения. Предикат имеет «места» или «гнезда», заполняемые в предложении словами, категориальные признаки которых находятся в соответствии с категориальными признаками «гнезда»» [Кацнельсон 1972, 83]. Подход к семантике предложения от семантической природы глагола-сказуемого разрабатывается и отечественными, и зарубежными лингвистами. Среди ученых, внесших заметный вклад в это направление, можно упомянуть чешского ученого Ф.Данеша, немецких лингвистов И.Эрбена, Г.Бринкмана, Г.Хельбига, американского лингвиста У.Л.Чейфа, а также отечественных лингвистов Т.П.Ломтева, предложившего оригинальную теорию, не избежавшую влияния идей математической логики, О.И.Москальскую, Н.Д.Арутюнову, Т.Б.Алисову, построившую классификацию простых предложений на основе классификации семантических типов сказуемых, И.П.Распопова и др.

Мы придерживаемся так называемой теории «порождения» предикатом своего окружения, так как именно благодаря своим валентностным свойствам предикат является центром, ядром семантической структуры, окружение которого образуется семантически зависимыми непредикатными актантами. Образно предикат называют «хозяином», а актанты – «его слугами» [Храковский 1973б, 496].

Признав центральную роль предиката в семантической структуре и глагола-сказуемого в формально-синтаксической структуре предложения, определяющую способность сказуемого по отношению к особенностям предложения, особо подчеркнем, чем обуславливается сама природа предиката. Если исходить из положения дел, имеющего место в объективной действительности и находящего выражение в предложении, то картина предстает в следующем виде: мир состоит не из разрозненных предметов, а из целостных ситуаций, т.е. из того или иного отношения, связывающего целый набор предметов-участников. Что здесь, в ситуации, является детерминирующим элементом – предметы или отношение? Мы признаем определяющим фактором признак-отношение, без которого перед нами лишь перечень несвязанных предметов. Именно отношение характеризует ситуацию, будь то действие или состояние, и предполагает некое количество участников, а также их характер. Положение дел реальной действительности, когда становится предметом обозначения предложения, определяет отбор смысловых элементов и установление отношений между ними [Валимова 1978, 21]. Именно от типа отношения, лежащего в основе ситуации, зависит тип предиката в семантической структуре предложения.

Более глубокому пониманию природы семантической структуры предложения, созданию четкой классификации семантических моделей предложения, по нашему мнению, должна способствовать семантическая классификация предикатов. Работа по семантической интерпретации и классификации предложений ведется сравнительно недолго, несмотря на это,

было предпринято значительное количество попыток составления классификации семантических типов предложения на основе их типового значения. Однако ввиду отсутствия четкого определения признаков, служащих основанием выделения типов предикатов, классификации не всегда полны и адекватны. Приходится признать, что «в лингвистической литературе пока еще не существует общепринятой семантической классификации предикатов, основанной на точно определенном количестве их дифференциальных смысловых компонентов» [Алисова 1971, 10].

Одной из первых классификаций предикатов признана классификация Аристотеля. Несмотря на то, что категории, выделенные древним философом (Сущность (Субстанция), Количество, Качество, Отношение, Место, Время, Положение, Состояние (Обладание), Действие, Претерпевание (Страдание)), в традиционной лингвистике были положены в основу классификации частей речи, Ю.С.Степанов отмечает, что они представляют собой не что иное как классификацию предикатов [Степанов 1981, 120]. Универсальность выделенных Аристотелем категорий способствовала тому, что данная классификация впоследствии часто использовалась учеными как базис для новых классификаций. Выделяя категорию состояния (претерпевания), Аристотель, по свидетельству Ю.С.Степанова, относит к ней одноместные предикаты, как, например, в предложениях *Сократ сидит, Человек мыслит, Человек одет, Человек пробудился, Лошадь больна, Мама – в саду, Снег бел* и т.д. [Степанов 1981, 132].

Однако, в объективной действительности, с одной стороны, предметы обладают свойствами, определяющими их сущность, с другой – предметы существуют в связи друг с другом. Соответственно, в самом широком смысле выделяют предикаты квалификативные и предикаты реляционные. Например, В.Сланский делит все предложения на две группы: а) предложения, в которых указываются внутренние признаки, представляющие предметы и явления сами в себе; б) предложения, в которых указываются внешние признаки предметов, то

есть отношения предметов [Цит. по Виноградов 1958, 316].

Сходную точку зрения предлагает Ф.Шмидт, который классифицирует предложения по семантической структуре на две группы: детерминирующие предложения, в которых предикат детерминирует подлежащее, и реляционные предложения, в которых предикат устанавливает отношение между предметами [Москальская 1974, 42]. Реляционные предложения, отражающие ситуации, в которых присутствует не менее двух участников многочисленны и разнообразны по семантике предикатов, входящих в них. Отношения, понимаемые широко, объединяют действия, свойства и т.д.: *Мама посмотрела на сына, Петр выше Семена*. Данная классификация получила развитие на основе синтеза, во-первых, логического признака (реляционный – детерминирующий) и, во-вторых, характеристики в терминах синтаксической семантики (агентивный, объектный, адресатный, орудийный): на материале немецкого языка были выделены следующие семантические модели предложения: **реляционные** акциональные (агентивно-адресатно-орудийные (*Er schnitt das Brot mit einem Messer*), агентивно-объектно-адресатные (*Die Mutter gab dem Kind einen Apfel*) и т.п.) и процессуальные (объектно-адресатные (*Der Dolch wurde ihm in das Herz gestoßen*), объектно-адресатные (*Der Brief wurde dem Vater geschrieben*) и др.), **детерминирующие** процессуальные предложения (*Die Mutter kauft ein*), детерминирующие статальные предложения (*Vater schläft*) и т.п. [Москальская 1974, 82-85].

На логико-синтаксических основаниях построена типология предложений Н.Д.Арутюновой. В рамках отношений характеристики, или предикации в узком смысле этого слова (при этом мыслительный процесс направлен «от объекта к его признакам»), в предложении присутствуют предикаты разных значений: таксономические (*Кит–млекопитающее*), темпоральные, локальные (*Этот слон находится в зоопарке*) и реляционные (*Петр–отец Маши*) предикаты и собственно характеризующие предикаты, выражающие динамический или

статический признак [Арутюнова 1976а, 19; Арутюнова 1983, 7].

В рамках традиционной грамматики глагол определяется как часть речи, выражающая *действие* и *состояние*, таким образом, различаются два основных семантических разряда глаголов. Наряду с этими двумя типами семантических предикатов выделяют и качество. Например, Л.В.Щерба выделяет *действия*, *качества* и *состояния*, связывая каждое из этих значений с определенным типом сказуемого: действия выражаются преимущественно глагольными сказуемыми, качества – сочетанием связки и полного прилагательного, а состояния – сочетанием связки и группы слов (*надо, жаль, больно*), в которой он видит особый морфологический класс – «категорию состояния» [Щерба 1974, 90]. Согласно другой точке зрения, кроме традиционно выделяемых *действий*, иницируемых «чаще всего человеческим агентом», и *состояний*, говорят и о ситуативном типе *событий*, относящихся «к фактам, которые имеют место», [Jackson 1992, 9].

Опираясь на признаки предельности/непредельности, дуративности/недуративности, возможности или невозможности употребления соответствующего глагола в форме Continuous, З.Вендлер указывает на четыре глагольных значения: *деятельность* (activity), *исполнение* (accomplishment), *достижение* (achievement) и *состояние* (state) [Vendler 1967, 103]. Принадлежность к группе состояния определяется на основе наличия признака статичности. Отличительными характеристиками состояний является то, что они на временной оси занимают не точку, а отрезок, и что они не изменяются во времени [Vendler 1967, 101]. У З.Вендлера группа сказуемых со значением состояния оказывается шире, чем, например, у Л.В.Щербы, так как в нее включены и глагольные (*love, know, work, rule* и т.д.), и именные сказуемые с прилагательным в качестве предикатива. В группу предикатов состояния входят предикаты свойства, а также обобщающее состояние (generic state) типа *rule* и частное состояние (specific state) типа *work* (вообще).

У.Л.Чейф принимает семантический характер предиката за основу

классификации предложений и, используя метод включения предложения в вопросно-ответное единство, выделяет четыре типа предикатов: а) *действия* (*Harriet sang; Michael ran*), обозначающие деятельность некоторой активной силы, «нечто, что кто-то делает», и являющиеся ответом на вопрос *What did N do?* (*Что сделал X?*); б) *процессы* (*The wood dried; The dish broke*), которые указывают на то, что что-то «изменило свое состояние», и отвечают на вопрос *What happened to N?* (*Что случилось с X?*); в) *действия-процессы* (*Michael dried the wood; Harriet broke the dish*), указывающие и на то, что некто что-то делает, и то, что другой предмет при этом изменяет свое состояние; г) *состояния* (*The wood is dry; The dish is broken*). В последнем случае предмет, не являясь активным деятелем, «находится в определенном состоянии или положении». Подобные предложения несоотносимы с вопросами *What did N do?* или *What happened to N?*. Группа предикатов состояния оказывается весьма широкой, так как сюда отнесены и собственно состояния, и постоянные, неотъемлемые качества предметов [Чейф 1975, 116-120].

Другим примером типологии глаголов, основанной на анализе их значений и учитывающей влияние глагольных значений на значение предложения, является представленная Фр.Данешом классификация на акциональные (процессуальные и событийные) и неакциональные (статические и динамические) глаголы [Daneš 1971, 193-206]. К статическим автор относит такие глаголы, как глаголы бытия (*быть, находиться*), отношения (*иметь, принадлежать, отличаться, состоять*), положения в пространстве (*сидеть, стоять*). Не вызывает сомнений присутствие в различных классификациях акционального блока (сюда входят действие, деятельность), кроме него, на основе глагольно-категориальных значений семантико-синтаксического характера признается существование еще двух семантических блоков: блока процессуальности (в нем объединены такие признаки, как направленность на объект, замкнутость в себе, дуративность, итеративность и т.п.) и блока статальности (его подразделяют на результативность, свойство, качество и отношение) [Маслова: Электрон. ресурс].

Таким образом, типология предикатов часто основывается на наличии или отсутствии изменения положения дел и на учете роли предметного компонента ситуации, отсюда – деление предикатов по признаку акциональность-неакциональность.

Исходным, основополагающим признаком некоторых классификаций предикатов является признак «временной неограниченности» («вневременности»)/«временной ограниченности» («эпизодичности»), что приводит к разграничению «*качеств*» или «*свойств*», которые чаще всего выражаются именным сказуемым и представляют независимые от течения времени характеристики предметов, и «*явлений*» (проявлений), преимущественно (но не всегда) соотносящиеся с глагольным сказуемым и отражающие отрезок бытия предмета, временную стадию. Другим классификационным признаком является наличие или отсутствие изменения положения дел, что приводит к оппозиции «динамичность-статичность»: в то время как качествам всегда свойственна статичность, явления объединяют как статические, так и динамические предикаты, и к разряду статических предикатов отнесены состояния, ситуации, положения и местонахождения: *Он пьян, Он был нем, как рыба, На стене висит картина, Деньги находятся у Маши* [Булыгина 1982, 17-19]. А.Г.Елисеева выделяет 7 типов предикатов: 1) действие, 2) процесс, 3) состояние, 4) качество, 5) нахождение в пространстве, 6) потенциальность, 7) класс и «связь» [Елисеева 1982, 211], а еще один автор монографии «Семантические типы предикатов» говорит и о восьмом типе – результат и факт [Селиверстова 1982, 151].

Некоторыми лингвистами наряду с общепризнанными предикатами действия, процесса, состояния, качества выделяется еще один тип предикатов – *отношение* (Авилова 1976, Бондарко, Буланин, 1967, Гайсина 1981, Золотова 1973), определяемое как «взаимная связь разных величин, предметов, действий» [ТСРЯ 1993, 488]. Отношение – это одна из наиболее общих, широких,

абстрактных категорий в ряду с такими категориями, как вещь и признак. В мире вне отношений ничто не существует, поэтому выделение отдельного типа предикатов отношения наряду с действием, состоянием и др. представляется не вполне адекватным: отношение можно признать семантическим компонентом в составе другого понятия.

Представленное разнообразие классификаций объясняется отсутствием единых оснований для выделения типов предикатов. Классификация предикатов в данной работе (См. Схему 2) строится на основе системы четких дифференциальных признаков, организованной по оппозитивному принципу (в общих чертах она основана на концепции авторов коллективного труда «Семантические типы предикатов» (1982)):

- 1) *статичность – динамичность*;
- 2) *вневременность – временная локализованность*;
- 3) *активность – инактивность субъекта*;
- 4) *длительность (дуративность) – недлительность (недуративность)*.

1) ***статичность – динамичность***. Именно этот признак является традиционным основанием для семантической классификации предикатов на действия (изменения и становления) и недействия (состояния, статические отношения). З.Вендлер указывает на различие между стативными и нестативными глаголами [Vendler 1967]. Сходные критерии деления предикатов предлагает и Р.М.Гайсина, выделяя семы становления и бытийности (статичности) [Гайсина 1981, 45-46]: сема становления указывает на внутреннее развитие, внутреннее движение события (эта сема содержится в динамических глаголах типа *вставать, меркнуть, приравнивать* и т.д.), в то время как сема бытийности связывается с наличием предмета или явления, с внутренней статичностью, без указания на развитие: *соответствовать, спать, чувствовать, принадлежать, ненавидеть* и др. Динамичность, таким образом, связывается с понятиями изменения, деятельности, развития, прогресса, процессуальности, а статичность – с

отсутствием движения, изменений, прогресса, деятельности, с непроцессуальностью, статальностью, покоем, устойчивостью: «статическая протяженность есть множество сменяющихся моментов, в каждый из которых сохраняется одно и то же состояние» [Гуревич 1988, 40]. У Т.Б.Алисовой статичность предстает как «неограниченность во времени» [Алисова 1971]. О предложениях «статического класса» Г.А.Золотова говорит как о предложениях, сообщающих «о признаке постоянном, неизменном, с обобщенным, а не актуальным значением времени» [Золотова 1973, 246]. Мы же связываем оппозицию «статичность» – «динамичность» с понятиями неизменяемости (стабильности признака) и изменяемости во времени, отсутствием и наличием деятельности. Соответственно, будем различать **статичные** и **динамичные** предикаты.

Противопоставление динамичных и статичных предикатов обычно связывается с делением сказуемых на глагольные и именные, что, в принципе, представляется верным, хотя не стоит абсолютизировать соотношение статичных предикатов исключительно с именным сказуемым: *The girls are still asleep* (J.Smiley, 287), но и *The pretty pigeon is sleeping* (J.Cheever, 20).

Можно также утверждать, что предметы в рамках той или иной ситуации действительности могут либо характеризоваться целостным, нерасчлененным признаком, либо проходить определенные, сменяющие друг друга фазы, стадии в своем развитии, изменении, движении и т.д. На этом основании возникает противопоставление по признаку *целостности* – *фазовости*. Так, статичные предикаты отмечены целостностью выражаемого ими признака, в то время как многие динамичные предикаты обладают фазовым характером.

2) ***вневременность*** – ***временная локализованность (эпизодичность)***. В реальной действительности наблюдаются положения вещей, не ограниченные во времени и существующие временно. Соответственно, предикаты, представляющие их в семантической структуре предложения, могут характеризоваться как

вневременные (панвременные, постоянные) и эпизодические (локализованные во времени). Статичные предикаты на основе этого признака распадаются на две группы: свойства и состояния.

Постоянны по своей природе *свойства*, или *качества*, представляющие собой «совокупность признаков, особенностей, отличающих предмет или явление от других и придающих ему определенность» [ТСРЯ 1993, 276]. Такие признаки существуют и остаются неизменными на протяжении неопределенного периода времени, составляют сущность предмета и явления, именно из них складывается качественная характеристика предмета как готовая данность: англ. *You are shallow and stupid* (O.Wilde, 182), рус. *Борода у него была мягкая, густая, чуть волнистая ...* (И.А.Бунин, 172), нем. *Die Augen waren von unbestimmter Farbe, zwischen austerngrau und opalweiß-cremig* (P.Süskind: Электрон. ресурс).

Преходящим, эпизодичным характером обладают *состояния*: они возникают и исчезают, являясь ограниченными во времени моментами возникновения и исчезновения: англ. *She was angry* (J.Cheever, 21); *The closet door was ajar* (J.Smiley, 228). Кроме того, состояния в отличие от свойств воспринимаются как нечто внешнее по отношению к предмету [Селиверстова 1982, 126-127].

Временный характер имеют и динамичные предикаты, которые обозначают преходящие положения вещей и локализованы во времени: англ. *They drank their coffee* (W.S.Maugham₂: Электрон. ресурс), нем. *Dann ging er in sein Büro* (P.Süskind: Электрон. ресурс), рус. *Стрешинев остановился* (И.А.Бунин, 186).

Состояния и динамичные предикаты можно объединить в группу явлений, понимаемых как «то или иное обнаружение (выражение) предмета, внешние, непосредственно-данные формы его существования» в отличие от его внутреннего содержания с присущими ему признаками [ФЭС 1989, 638].

3) *активность – инактивность субъекта*. В данном противопоставлении учитывается то, является ли роль предмета определяющей для положения вещей

или нет. Активность подразумевает сознательную деятельность со стороны предмета-партиципанта, проявление воли в осуществлении чего-либо. Неактивный субъект не проявляет волю, не контролирует то положение вещей, участником которого он является. В соответствии с этим, в группе динамических предикатов следует выделить два класса: *действия* и *не-действия*. Действия квалифицируются как положения вещей, осуществление которых зависит от воли, активного участия субъекта: англ. *Mr. Longdon looked at his watch again* (H. James₂: Электрон. ресурс), нем. *Renald sprang schnell auf* (J.F. von Eichendorff: Электрон. ресурс), рус. *Целый день я скитаюсь по пустым равнинам* (И.А.Бунин, 115). Под не-действием понимается неконтролируемое развитие явления, изменение состояния или свойства предмета/субстанции, ход которого не зависит от воли субъекта: англ. *The portrait had altered* (O. Wilde, 192), *The meat's getting rather mouldy* (W.S. Maugham₂: Электрон. ресурс), нем. *Die Tage werden länger* (Lingvo: Электрон. ресурс), *Am Morgen wurde Anna sehr erschreckt* (A. von Arnim: Электрон. ресурс), рус. *На днях умер Захар Воробьев из Осиновых Дворов* (И.А.Бунин, 172).

Статичные ситуации существуют, как правило, независимо от воли субъекта и не требуют специальных усилий по их поддержанию. В соответствии с этим статичные предикаты (и качества, и отношения, и состояния) сочетаются с неактивным субъектом, от которого не исходит инициатива в том или ином положении вещей: англ. *Trade is at a standstill* (Multilex: Электрон. ресурс), нем. *Der Berg bestand aus einem riesigen Kegel bleigrauen Gesteins* (P. Süskind: Электрон. ресурс), рус. *Англичане поразительно толерантны* (Протокол и этикет, 22).

4) Признак характера протекания во времени лежит в основе оппозиции **длительность (дуративность) – недлительность (мгновенность, недуративность)**. Необходимость учитывать данный признак связана с тем, что одни положения вещей могут длиться, продолжаться на протяжении некоторого периода времени, другие же отличаются мгновенностью, то есть имеют место лишь в какой-то момент времени и занимают точку на временной оси.

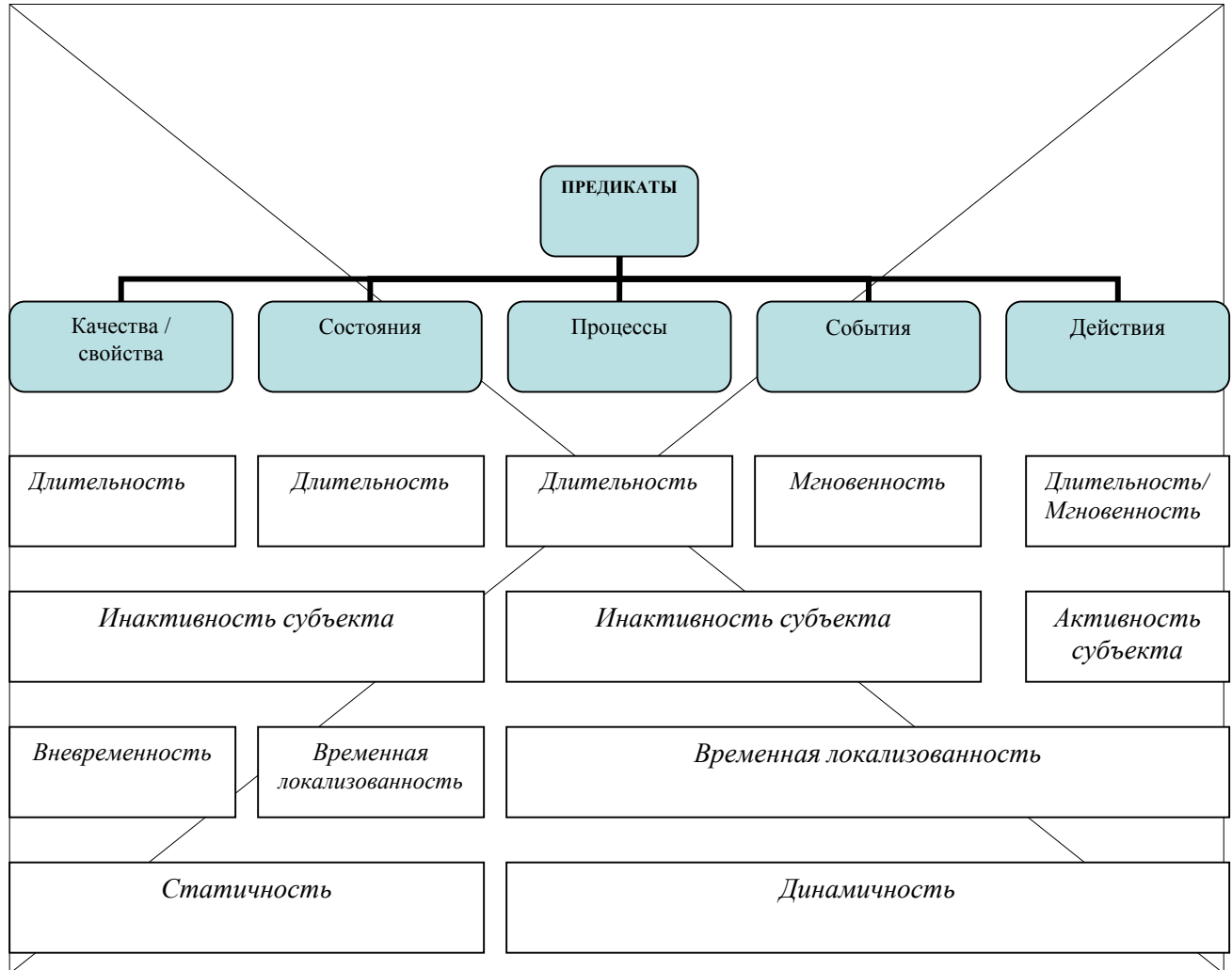
Несомненно то, что дуративным характером обладают все статичные предикаты, в частности, предикаты состояния, которые протекают, занимая на оси времени некоторый отрезок: рус. *Он [Петр Петрович] долго лежал, стиснув зубы* (И.А.Бунин, 143), *Половцев в этот день был необычно весел* (М.А.Шолохов, 132).

Все динамичные предикаты – и действия, и не-действия – по характеру протекания во времени делятся на а) длящиеся во времени, занимающие на оси времени отрезок, а не точку, б) и не длящиеся, мгновенные, занимающие на оси времени точку: ср. действия длительные англ. *We were walking fast* (J.Smiley, 250), нем. *Sie fuhr von Haus zu Haus* (J.Gotthelf: Электрон. ресурс), рус. *И весь день Митя без усталости ходил по саду* (И.А.Бунин, 342), *Братья жадно хлебали сладкий чай* (А.И.Приставкин, 65) и действия мгновенные англ. *Dorian rose up from the piano* (O.Wilde), нем. *Mit einem Ruck stand Terrier auf und setzte den Korb auf den Tisch* (P.Süskind: Электрон. ресурс), рус. *Он открыл глаза* (А.Беляев: Электрон. ресурс).

В группе не-действий на основе признака *мгновенности – длительности* можно выделить два класса: **события** и **процессы**. События представляют собой переход из одного состояния, положения или качества в другое и занимают точку на оси времени, а процессы, являясь многоступенчатыми изменениями состояний или качеств, обладают длительностью (ср.: а) англ. *Towards the end of his narrative the lights went out* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс), рус. *Вода под лозинами стала прозрачная, ледяная и как будто тяжелая* (И.А.Бунин, 107) и б) англ. *I was getting thinner* (J.Smiley, 29), рус. *Становилось прохладнее* (М.А.Булгаков, 449)).

Результаты семантической классификации предикатов суммированы в Схеме 2.

Схема 2. Семантическая классификация предикатов.

Прежде чем перейти к подробному анализу предикатов состояния, остановимся на отличительных чертах других предикатов, входящих в классификацию.

Действием является «проявление какой-нибудь энергии, деятельности, а также сама сила, деятельность, функционирование чего-нибудь» [ТСРЯ 1993, 159]. Понятие «действие» подразумевает акциональность, активное действие (в отличие от пассивного состояния) [РГ-80, 582], осуществляемое благодаря усилиям, волеизъявлению активного партиципанта. В понятии «действие» сочетаются параметры «динамизма» и «целеустремленности», что подразумевает контролируемость со стороны субъекта: англ. *Nan and Mor had walked out into the front garden* (I. Murdoch, 105), нем. *Er legte seinen Arm um ihre Taille* (J.H. Mackay₁:

Электрон. ресурс), рус. *Извозчик остановился возле освещенного подъезда* (И.А.Бунин, 346).

Событие и **процесс** мы определяем, избегая их отождествления с действием, как изменение состояния или качества в развитии чего-либо, изменение, осуществление которого не зависит от воли этого участника ситуации. Нельзя не отметить направленность процесса и события на партиципанта. Следуя предложенному У.Чейфом вопросно-ответному способу установления принадлежности того или иного предиката (и, соответственно, предложения) к одному из семантических типов, можно связать информацию, заключенную в предикатах-процессах и предикатах-событиях, с вопросом *What happened to N?*, который подчеркивает отсутствие активного начала в данном партиципанте. Процесс занимает на временной оси отрезок, в то время как событие – точку. Среди процессов можно встретить нарастание или ослабевание какого-либо качества (рус. *Места становились все беднее и глуше* (И.А.Бунин, 218)), изменение состояния (англ. *It's getting quite dark, too* (К.Mansfield: Электрон. ресурс), *Mother was getting anxious* (К.Mansfield: Электрон. ресурс)), среди событий – приобретение или утрату некоторого качества (*His voice softened* (J.Smiley), *Она [Харитина] побледнела* (А. И. Куприн: Электрон. ресурс)), изменение состояния (англ. *Then Jo grew frightened* (L.M.Alcott: Электрон. ресурс), рус. *Лили заболела* (Л.Н.Толстой₁, 124)).

И действие, и процесс обладают признаком динамичности, то есть предполагают изменение во времени. Можно также отметить негомогенность соответствующих ситуаций: их протекание представляет собой ряд качественно разнородных временных фаз. «Отличительной чертой действий и процессов можно считать то, что они существуют пофазно, то есть в каждый отдельный момент времени существует только отдельная фаза развития действия или процесса, а не действие, процесс в целом» [Селиверстова 1982, 94]. Эту точку зрения на фазовую природу действий и процессов находим и у З.Вендлера (1967),

и у Б.Комри (1976).

Качества, или **свойства**, понимаются как существенная определенность объекта, как «устойчивое взаимоотношение составных элементов объекта», отличающее его от других [ФЭС 1989, 255]. Присущие предмету свойства не требуют приложения силы для своего существования, не создаются непрерывно во времени и не связаны непосредственно с временным отрезком, являясь вневременными, атемпоральными. О свойствах можно утверждать и следующее: они не переходят из одной фазы в другую, они характеризуются целостностью в каждый момент своего существования. Предложения с предикатами качества (иначе – кваликативные) распадаются на несколько групп: предложения тождества (рус. *Глава государства – президент* (Протокол и этикет, 44)), классификации (рус. *Франция является республикой* (Протокол и этикет, 44), англ. *You are a civilian* (G.Green, 103)), характеристики (рус. *Англичане поразительно толерантны* (Протокол и этикет, 22), англ. *The food was expensive and quite good* (J.Grisham, 47), нем. *Du bist recht hübsch, Apollonia* (A. von Arnim)).

4.2.3. Дифференциальные признаки предикатов состояния

Первое, что необходимо отметить, рассматривая специфику предикатов состояния, – это статический характер состояния, отсутствие изменения предмета во времени, его движения, деятельности, развития. У глаголов состояния, по Д.Грубору, «ничто не меняется, не развивается, все пребывает в покое...». В состоянии кто-либо или что-либо находится, «в процессе пребывания в таком состоянии ничто не возникает, не изменяется, не перемещается, только время течет мимо этого состояния, указывая его продолжительность» [Цит. по Авиловой 1976, 50]. Статичный характер состояния определяет его соотнесенность, прежде всего, с составными именными сказуемыми.

Статичность состояния сочетается с длительностью [Матханова 2003, 101]. Состояние длится, «стоит», но не изменяется. Эта характеристика – статичность – сближает состояние с качествами, которые также не подразумевают развития, и отграничивает его от действий и процессов. Состоянию (как, впрочем, и качеству) свойственна целостность, непрерывность признака, которая противостоит пофазному течению большинства действий и процессов. Иными словами, состояния существуют в каждый момент времени в целом: «состояние в отличие от действия представлено как целое в каждый момент своего существования» [Hirtle 1975, 103].

Другой существенной чертой состояний является то, что они непосредственно лежат на оси времени и носят акциденциальный, преходящий, временный характер [Селиверстова 1982, 121], так как приписывают предмету признак, актуальный в данный период времени. Существует даже взгляд на состояние как на временное свойство предмета [Бархударов 1958, 114]. Состояние – это лишь одна из форм, стадий существования того или иного предмета, имеющая свои временные границы.

Состояния носят немгновенный характер, они занимают не точку, а отрезок на временной оси [Vendler 1967, 101]. Предикаты состояния обозначают, что предмет имеет некоторую характеристику, не изменяющуюся во времени и длящуюся на протяжении целого отрезка времени. По утверждению Дж.Лайонза, они делятся во времени, но отличаются от процессов тем, что обладают признаком гомогенности, то есть являются однородными на протяжении отрезка времени [Lyons 1977, 707].

Многими лингвистами отмечается, что носитель состояния неагентивен, и состояния отмечены отсутствием волевой активности субъекта (И.И.Мещанинов, О.Н.Селиверстова, Е.М.Вольф, Б.Комри и др.). В отличие от действия состояние характеризуется, во-первых, отсутствием «динамизма» и, во-вторых, отсутствием усилий со стороны субъекта [Lyons 1977, 707]. Состояние представлено как

существующее само по себе (оно не требует приложения каких-то усилий, энергии для своего поддержания) [Comrie 1976, 49]. Кроме того, состоянию не свойственна целенаправленность и сознательность, что еще раз свидетельствует о неагентивности, инактивности субъекта.

Особо отметим то, что среди статичных предикатов, несмотря на инактивность их субъектов, все же можно обнаружить контролируемые и неконтролируемые со стороны субъекта предикаты (это противопоставление затрагивает роль субъекта по отношению к тому, будет ли иметь место данное состояние или нет): рус. *Алмазов сидел, не снимая пальто и шапки и отворотившись в сторону ...* (А.И.Куприн: Электрон. ресурс), англ. *Rain was still sitting on top of the ladder* (I.Murdoch, 110), но рус. *Мне было стыдно и досадно* (С.Т.Аксаков, 219). Также высказывалось мнение о том, что состояние ориентировано на субъект состояния [Селиверстова 1982, 124], часто (но не всегда) замыкается на своем субъекте и не выходит за его пределы, чем обусловлена одновалентная природа соответствующего семантического предиката.

Как уже отмечалось, семантический уровень предложения лежит в основе уровня поверхностного. Семантические предикаты входят в формальную структуру предложения, воплощаясь в определенных синтаксических формах: они находят свое языковое выражение в сказуемом. Ввиду того, что в предложении отражаются многообразные связи и отношения реальной действительности, и определенный вид отношений находит свой, ему свойственный способ выражения в структуре предложения, предложения не могут обладать лишь единственным типом сказуемого. При анализе предложений в структурно-семантическом аспекте учитывать приходится не только типовое значение предиката, но и грамматическое своеобразие сказуемого, его частеречную принадлежность [Матханова 2003, 102].

По мнению Т.В.Булыгиной, глагольному сказуемому свойственно

подчеркивание преходящего, «случайного» характера отношения, организующего ситуацию реальной действительности, и «его прикрепленность к конкретному временному отрезку». Именное сказуемое, напротив, характеризуется относительной независимостью от времени, отсутствием «четких временных границ существования связи между субъектом и приписываемым ему признаком», который при этом представлен как постоянный, не подверженный изменению во времени [Булыгина 1982, 14-15]. Таким образом, в то время как «... с «типичным» употреблением глагольных предикатов действительно связывается представление о динамичности», обозначение, в первую очередь, действий, событий, процессов, и организация моделей соответствующей семантики, «с «типичным» употреблением неглагольных предикатов – представление о статичности (стабильности) соответствующего положения вещей» [Булыгина 1982, 13], обозначение состояний, приписывание свойства предмету. Данная семантическая дифференциация структурных типов сказуемого образует оппозицию, семантически маркированным членом которой является именное сказуемое, представляющее семантику статичности, выражая свойства и состояния, а немаркированным членом – глагольное сказуемое, способное выразить семантику и действия, и события, и состояния, и изменения состояния [Левицкий 2001, 77].

4.2.4. Роль семантических актантов в семантической структуре предложения

Выявление и описание семантической структуры предложения, как уже отмечалось, не ограничивается определением типологии предикатов, большое значение придается и отношениям между предикатом и его актантами (или, по терминологии предикатной логики, аргументами). По признанию многих лингвистов, именно это отношение конституирует предложение. В семантической структуре предложения количество семантических актантов определяется типом ситуации объективной действительности. Ситуация может содержать только один

предмет и представлять собой проявление этого предмета: рус. *Оляпка была настороже* (В.К.Арсеньев: Электрон. ресурс) (И.П.Сусов называет этот тип ситуации имманентным), или объединять два или три предмета, связанных между собой признаком-отношением (относительная ситуация) [Сусов 1973, 18]: рус. *Пьяница растягивает пальто...* (Т.Толстая: Электрон. ресурс).

Под актантами понимаются «живые существа или предметы, которые участвуют в процессе в любом качестве...» [Теньер 1988, 117]. Актанты, под которыми ученый имел в виду семантические сущности, но описывал с формальной точки зрения, непосредственно подчинены глаголу, находящемуся в вершине дерева зависимостей, и, в отличие от традиционного подхода, подлежащее приравнивается к другим актантам. Соответственно, понятие «актант» объединило и понятие субъекта, и понятие объекта действия. Таким образом, в синтаксической науке закрепилась мысль о том, что в содержании предложения имеют место некоторые отношения между предметами, квалифицируемыми как участники события. Сирконстанты – это «обстоятельства (времени, места, способа ...), в которых разворачивается процесс» [Теньер 1988, 117] и которые признаются ненужными, избыточными, так как они не входят в структуру предложения.

Рассуждая о трансформационном синтаксисе, Ч.Филлмор в своей работе "Some Problems for Case Grammar" указывает на следующие его положения: пропозиция – это логическая основа предложения, «пропозиционное ядро простого предложения состоит из предиката (глагол, прилагательное или существительное), который дополняется распространителями. Последние, в свою очередь, связаны с данным предикатом при помощи какой-либо одной из семантических функций, известных как падежи (глубинной структуры)» [Fillmore 1971, 37]. Важным компонентом семантической структуры предложения, таким образом, является ролевая структура аргументов. Ее выявление проходит в опоре на категории современной генеративной семантики, в частности, на

семантические (глубинные) падежи. Исследованиям в этой области посвящены работы Ч.Филлмора, первоначально предложившего 6 падежей, В.Г.Гака, включившего в глубинную структуру предикат и 7 реальных актантов [Гак 1969, 80], И.П.Сусова, признающего, что предикат, «обладая определённым валентностным потенциалом, стремится создать своё окружение», в которое и входят предметные семантемы, называемые семантическими актантами и отображающие участников ситуации, а понятию «семантический падеж» ставится в соответствие термин «релятема» [Сусов₁: Электрон. ресурс], У.Л.Чейфа, который также считает, что приоритетной ролью в развертывании предложения обладает предикатный элемент (в понимании У.Л.Чейфа – глагол или предикат): природа глагола определяет характер остального состава предложения, так как она определяет, какие имена будут сопровождать глагол, каковы будут отношения этих имен к глаголу и какова будет семантическая типология этих имен [Чейф 1975, 115], и выделяет семь падежей [Чейф 1975, 121-191], В.В.Богданова, предложившего классификацию из 14 семантических функций [Богданов 1977, 52-55], Ю.С.Мартемьянова, Н.С.Широглазовой и др.

Несмотря на трудности в определении того или иного семантического актанта и отсутствие единой системы, данная теория представляется удачной и плодотворной для исследования семантической структуры предложения ввиду того, что семантические актанты (глубинные падежи) являются явлением универсальным, присущим всем языкам, даже тем, в системе морфологических категорий которых нет категории падежа. Думается, что этот подход обладает большими объяснительными возможностями и позволяет глубже понять и точнее вскрыть внутренние механизмы сложной и неоднородной семантической структуры предложения.

Первое, что не должно ускользнуть от внимания исследователя, это необходимость проведения четкой границы между элементами трех уровней: объективной действительности, семантической структуры и формальной

структуры предложения. Для обозначения участников реальной ситуации мы, вслед за А.А.Холодовичем (1974), Н.С.Широглазовой (2004), употребляем термин «*партиципант*». Для обозначения непредикатных семантически элементарных субстанциональных единиц семантической структуры предложения, которая является структурой языковой, в данной работе применяется термин «*семантический актант*», представляющий на содержательном уровне партиципантов ситуации действительности и описывающий их существенные черты [Мартемьянов 1970, 215]. Семантические актанты общи, неконкретны, условны, так как являются смысловыми категориями. На формально-синтаксическом уровне семантические актанты воплощаются в *синтаксических актантах*, являющихся членами предложения [Богуславский 1985, 11].

Вырабатывая классификации семантических актантов, ученые опираются на разные факторы: характер предиката (У.Чейф), одушевленность – неодушевленность (В.В.Богданов, А.В.Бондарко, В.Б.Касевич), агентивность – фактитивность. Система семантических актантов может также основываться на двух дифференциальных признаках: одушевленность/неодушевленность и активность/инактивность соответствующего партиципанта. Дальнейшее деление основывается на «особенностях функционирования» партиципанта в ситуации действительности [Широглазова 2004, 60].

Анализ классификаций Ч.Филлмора, У.Чейфа, В.В.Богданова, И.П.Сусова, Н.С.Широглазовой позволяет различать в семантической структуре в зависимости от характера и роли участника внеязыковой ситуации следующие семантические актанты:

Агентив (А): одушевленный, активный партиципант, в сферу функционирования которого входят действие, психологическое, эмоциональное или моральное воздействие, инициатором и производителем которых он является (англ. *Awkwardly Tim led her towards the corner* (I.Murdoch, 133), *Some women were laughing in the pit* (O.Wilde, 175)).

Пациентив (P): одушевленный, инактивный партиципant, являющийся носителем качества, свойства, объектом действия, физического и психологического воздействия, владения, восприятия, находящийся в некотором состоянии (англ. *Cal Ericson was truly hopeless with machines* (J.Smiley, 44), рус. *Тогда Маргарита опять увидела Воланда* (М.А.Булгаков, 387)).

Экспериенсив (Exp): одушевленный, инактивный партиципant, который испытывает чувства, расположение или нерасположение к чему-л., является «носителем эмоций и субъектом восприятия» [Сусов₁: Электрон. ресурс] окружающего мира (англ. *The Van Horns worshiped money* (J.Grisham, 54), *He [James] felt genially disposed toward Adolf* (P.G.Wodehouse)).

Бенефактив (Ben): одушевленный, инактивный партиципant, «который находится в состоянии обладания чем-либо, и который также обретает или лишается чего-то в силу случая, а не в результате чьего-либо намеренного действия» [Широглазова 2004, 57] (англ. *Lori Stanley had a pony* (J.Smiley, 290), *He has acquired 100 shares of stock* (АНД: Электрон. ресурс), рус. *У помещика есть дочь – бледная, задумчивая красавица* (А.И.Куприн)).

Адресатив (Ad): одушевленный, инактивный партиципant, «получающий или утрачивающий что-л. в результате деятельности другого участника» [Широглазова 2004, 58] (англ. *Aunt March usually gave the sisters a present of twenty-five dollars apiece at New Year's* (L.M.Alcott), рус. *Верхний экземпляр кот с поклоном подал Воланду* (М.А.Булгаков, 408), *Тут ты безо всякой причины подарил этому плуту тридцать тысяч* (Л.Н.Толстой₁, 174)).

Элементив (El): неодушевленный, активный «(обычно природный, стихийный) производитель действия» [Богданов 1977, 54], носитель собственной энергии (рус. *Ветер рвал ее одежду, трепал ее волосы* (В.Быков), нем. *Der Wind riß ihm den Hut vom Kopf* [Москальская 1974, 94]).

Объектив (O): неодушевленный, неактивный носитель состояния или свойства, предмет воздействия со стороны других участников (англ. *He opened the*

second letter (P.G.Wodehouse), нем. *Sie brauchte das Geld* (P.Süskind: Электрон. ресурс)).

Инструментив (Ins): неодушевленный, неактивный партиципant, используемый в деятельности как орудие, инструмент или вспомогательное средство (англ. *He scratched the concrete thoughtfully with his stick* (P.G.Wodehouse)).

Локатив (Loc): неодушевленный, неактивный партиципant, место, где происходит действия, локация состояния (англ. *My brother was in the breakfast-room* (Ch. Bronte), нем. *Er stand am Fenster* (P.Süskind: Электрон. ресурс)). Локатив является семантическим актантом (а не сирконстантом) и релевантен для семантической структуры только в том случае, когда его присутствие в семантической структуре обосновано обязательным наличием соответствующего партиципанта в денотативной ситуации.

Фактивив (F): одушевленный или неодушевленный партиципant, выделяемый рядом ученых (Ч.Филлмор, В.В.Богданов, И.П.Сусов и др.) и «выступающий как результат действия предиката» [Богданов 1977, 55], «предмет, возникший, прекративший существование» [Сусов₁: Электрон. ресурс] (англ. *He's building a summer house* (Multilex: Электрон. ресурс), рус. ... она родила девочку в конце зимы (Л.Н.Толстой₁, 123)).

Для настоящего исследования предложений с семантикой состояния особо важными представляются такие семантические актанты, отражающие партиципantов, пребывающих в разного рода состояниях, как пациентив, экспериенсив, бенефактив, объектив, а также локатив.

Семантическая канва предложения – предикатно-актантный состав – представляется базой номинирования в формальной структуре предложения ситуации действительности. Линия настоящего исследования «от значения к форме» позволяет перейти от глубинного уровня предложения к его синтаксическому уровню.

4.3. Уровень формальной структуры предложения и понятие структурной схемы

Структура ситуации посредством семантической структуры, в конечном счете, отражается в формально-синтаксической структуре предложения. Структура ситуации внешнего мира (предметы-субстанции и отношения между ними) объясняет наличие в языке двух взаимно противопоставленных классов языковых элементов – имени и глагола, организованных особым образом в составе предложения. Имена выражают предметы, а глаголы – признаки-отношения в широком смысле [Гак 1973, 359]. В предложении устанавливаются основывающиеся на закономерностях сочетаемости отношения между этими разрядами слов.

Рассматриваемое на формально-синтаксическом уровне предложение предстает перед нами как синтаксический ряд глагольной и именных словоформ, характеризующийся непрерывностью формальных связей. В синтаксическом строе языка, таким образом, имеется набор формальных структур, обуславливающих цельность предложений, спаянность их компонентов и, в то же время, обеспечивающих четкую членимость предложений. Необходимость решения вопросов о структурном минимуме, его объеме, количестве и природе их компонентов поместило в центр пристального внимания ученых проблему определения структурной основы предложения.

При сравнении предложений *They built a house*, *He wrote a book*, *Sarah made a cake* становится ясным то, что, несмотря на различия в описываемых ими ситуациях, у них есть что-то общее. Этим общим является лежащая в их основе структурная схема, представляющая типовую ситуацию. Из этого следует, что «структурная схема – модель – оказывается постоянным элементом предложения», в то время как «ее лексическое наполнение – переменным» [Гак 1986, 59].

При исследовании предложения в формально-структурном аспекте (то есть как единицы языка, а не речи), синтаксисты пользуются понятиями *предикативной основы, предикативного ядра, предикатного выражения, структурной схемы предложения, модели предложения, формулы предложения, ядерного предложения, базисного предложения*, то есть минимума, определяющего основные свойства этого построения и типологическое соотношение его с другими. Многие исследователи единодушны в признании того, что построение каждого предложения следует «общим инвариантным моделям» [Ломтев 1979, 6], поэтому любое предложение содержит в себе некий готовый отвлеченный образец, абстрактную схему, «предложение-тип», характеризуемый определенными формальными чертами [Сепир 1993, 53] и реализующийся в конкретном реальном высказывании.

В самом общем виде модель, или структурная схема, предложения понимается как «отвлеченный схематический образ предложения» [Гак 1986, 21], «отвлеченный образец, состоящий из минимума компонентов, необходимых для создания предложения» [Белошапкина 1977, 101] или «тот отвлеченный образец, по которому может быть построено минимальное самостоятельное и независимое сообщение» [Шведова 1970, 546]. Задача, таким образом, состоит в том, чтобы, проанализировав разнотипные предложения, определить тот минимум компонентов, который делает предложение самодостаточным и автономным и позволяет ему выполнять свою основную функцию – функцию называния внеязыковой ситуации.

Структура любого простого предложения, как отмечалось выше, характеризуется обязательной двучленностью: в основе предложения обязательно содержится последовательность двух элементов – имени и глагола, которые соединены особой предикативной связью и составляют предикативное ядро предложения. Предикативная основа (структурная схема) простого предложения трактуется как «имеющий свою формальную организацию и свое языковое

значение синтаксический образец, по которому может быть построено отдельное нераспространенное (элементарное) предложение» [РГ-80: Электрон. ресурс]. При этом отмечается, что чаще всего структурная схема организуется двумя формами слов, находящимися друг с другом в определенных синтаксических отношениях. Составляя предикативный минимум предложения, подлежащее и сказуемое занимают главенствующие, независимые позиции в двусоставном предложении. Если, к примеру, английское предложение *He winced at the mention of his grandfather* (O.Wilde, 220) свернуть до минимума *He winced*, то в нем сохранится двучленный комплекс, представляющий собой и структурное, и семантическое ядро.

Подлежащее и сказуемое являются взаимосвязанными и формально-грамматически, и семантически: с формальной точки зрения во многих языках имеет место морфологическое согласование сказуемого с подлежащим; с содержательной точки зрения подлежащее и сказуемое относятся друг к другу как определяемое и определяющее, образуя семантическое ядро двусоставного предложения в самом общем виде – «предмет и его признак». В этом заключается семантико-грамматическое единство двусоставного предложения.

При анализе предложения как бинарного субъектно-предикатного построения – комплекса подлежащего и сказуемого – остальные субстанции, связанные с приписываемым предмету мысли признаком, рассматриваются в качестве дополнений или распространений к сказуемому, которые образуют с ним единую группу: *Девушка | рисует портрет*. Из этого следует, что второстепенные члены носят субординативный характер и, подчиняясь предикативной паре, не входят в качестве конstituентов в структуру предложения, которая создается лишь предикативной связью [Колшанский 1979, 59].

Однако представляется, что представление модели предложения лишь как двухкомпонентного предикативного минимума не всегда достаточно для репрезентации той информации, которая заложена в предложении. В таких

предложениях, например, как англ. *Mor lifted the suitcases* (I.Murdoch, 106), нем. *Der Schuhmacher gab dem Manne einen Kreuzer* (G.Keller), рус. *Губернатор дал отцу отпуск* (С.Т.Аксаков, 151), наличие только двух компонентов – подлежащего и сказуемого – явно не достаточно для выражения (относительно) законченной мысли: предикативные сочетания **Mor lifted*, **Der Schuhmacher gab*, **Губернатор дал* не могут рассматриваться как полноценные, самодостаточные предложения с точки зрения их содержания: соответствующие денотативные ситуации в данном случае не ограничены только предметом и его признаком, но включают в себя и другие обязательные «нецентральные» компоненты. Подтверждение этому мы находим в утверждении о том, что «предложение, осуществляя свое смысловое назначение, организуется не согласованием канонизированных подлежащего и сказуемого, а сопряжением выраженных определенными синтаксическими формами слов значимых элементов, которые во многих случаях не совпадают с тем, что традиционно называется главными членами предложения» [Золотова 1973, 192]. Модель предложения, таким образом, определяется как «минимально достаточное сочетание взаимообусловленных синтаксических форм», образующее предложение с определенным типовым значением в ряду аналогичных единиц с тем же типовым значением [Золотова 1973, 124].

При определении структурной схемы предложения, таким образом, наряду с формальной стороной предложения (предикативной основой) учитывается и его семантическая сторона. В этом случае предполагается более широкое понимание минимума предложения как «предела семантической автономности, пригодности к выполнению номинативной функции» [Арутюнова 1972, 306]. Среди приверженцев этого подхода много отечественных и зарубежных ученых (Н.Д.Арутюнова, Т.П.Ломтев, Г.А.Золотова, В.И.Дегтярев, З.Д.Попова, В.И.Казарина, П.Адамец, М.Грепль, Я.Светлик, и др.). В концепции чехословацких ученых в структурную схему, к которой применяется термин

«формула предложения», включены все компоненты, служащие цели достижения информативного минимума, то есть и личный глагол, и падежные формы существительного с агентивным значением, и распространители сказуемого, в том числе и облигаторные объекты, и адвербиальные компоненты [Грепель 1967, Адамец 1973]. Основанием для включения словоформы в число компонентов конструктивного минимума, или минимальной схемы, предложения является наличие у нее «предложениясозидающей» функции [Одинцова 1996: Электрон. ресурс], устанавливаемой при помощи экспериментального приема редуцирования, свертывания высказываний без разрушения семантической достаточности и пригодности остатка.

Структурные схемы (модели) предложений являются языковым отображением всего многообразия ситуаций действительности, взятых в их типовом виде. Непременными структурными конститuentами предложения с этой точки зрения являются имена всех предметов, участвующих в ситуации, и само имя признака-отношения, выраженное глаголом. Следовательно, структура предложения, набор и форма его компонентов находятся в зависимости от семантического характера глагола-сказуемого, который на основе логики отношений признается центральным членом предложения, и его валентностных свойств [Гак 1986, 5]. На уровне формального устройства предложения, соответственно, наблюдается различие между одновалентными, двухвалентными, трехвалентными глаголами. Так, например, ситуации, в которых устанавливается состояние некоторого предмета вне связи его с другими предметами, воплощаются в предложениях с непереходным (и, следовательно, одновалентным) глаголом, который соответствует одноместному предикату семантической структуры: *Человек спит, Глаза его сияли* (И.С.Тургенев, 131), *Особенно волновался Колька* (А.И.Приставкин, 131), поэтому модель предложения создается сочетанием двух структурно-смысловых центров. Ситуации, вовлекающие в себя несколько участников, выражаются в предложениях с двух-, трехвалентным

глаголом-сказуемым: например, в предложениях *Мальчик любит мороженое, Она [Настасья Карповна] понравилась Марфе Тимофеевне* (И.С.Тургенев, 54) эмоциональное отношение, выраженное глаголом, требует наличия и субъекта отношения, и объекта, а необходимость имен вытекает из того, что у этих участников отношения должны быть наименования. Однако формы имен определяются не отношением, а самим глаголом, его выражающим: в рассматриваемых случаях глаголы *любить* и *понравиться* детерминируют употребления имени субъекта отношения соответственно в форме а) именительного и б) дательного падежа.

Традиционно считается, что подлежащее выражается формой именительного падежа и согласуется со сказуемым, однако, например, в русском и немецком языках существуют предложения типа *Ему было весело, Mich fröstelt* («Меня знобит»), называемых безличными. Если рассматривать эти предложения с точки зрения традиционного синтаксиса, то мы не найдем здесь привычного нам подлежащего, выраженного номинативом. Элемент в косвенном падеже (*ему, mich*) некоторыми учеными неправомерно признается лишь распространителем, не входящим в состав предикативного минимума предложения по той причине, что между этим компонентом и глаголом-сказуемым нет согласования и не усматривается предикативная связь. Эта точка зрения опровергается В.Классовским, Ю.А.Левицким и, в частности, А.М.Мухиным, утверждающим, что между ними существует предикативная связь подобно той, что существует между сказуемым и традиционным подлежащим в именительном падеже [Мухин 1968, 134]. Аргументом за включение имени в форме косвенного падежа в структурную схему предложения является то, что оно является носителем предикативного ему признака. Поэтому не стоит абсолютизировать именительный падеж как единственно возможное выражение подлежащего [Гиро-Вебер 1979, 65] ввиду сосуществования даже в одном языке конструкций с различными строевыми характеристиками: номинативных, аффективных,

эргативных конструкций [Мещанинов 1978, 210; Левицкий 2003, 373]. Отталкиваясь от семантического содержания, вкладываемого в понятие главных членов предложения, и признав существование альтернативных грамматик, можно заключить, что в качестве подлежащего, представляющего в предложении субъект, используются существительное или местоимение не только в форме именительного падежа (*Авилов разделся и лег* (А.И.Куприн: Электрон. ресурс), *Его форменная одежда была ему не по росту* (Протокол и этикет, 88)), но и в форме косвенного падежа [Левицкий 2003, 371]: *Нам было страшно* (А.И.Приставкин, 145), *Марку было наплевать* (Протокол и этикет, 89).

В данной работе, говоря о минимуме предложения, мы используем синонимичные термины «*модель*» и «*структурная схема*». Под *формулой* предложения будем понимать символизированную схему, способ записи модели предложения. Под моделью предложения вслед за многими лингвистами мы будем понимать, таким образом, «основную единицу ... структурного описания» предложения [Москальская 1974, 7], представляющую собой абстрактную схему, отвлеченный образец построения минимальных самостоятельных, независимых и самодостаточных предложений, основу предложения, образованную взаимосвязью имени и глагола, в некоторых случаях – и других компонентов, без которых не может реализоваться значение предложения. Понятие «модель предложения» позволяет свести практически бесконечное количество разнообразных предложений того или иного языка к конечному перечню синтаксических структур. Согласно этому, каждое предложение соответствует определенной структурной схеме, набор которых для каждого языка конечен и специфичен. Описание предложения в структурном аспекте естественным образом предполагает установление их структурных типов.

Проблема типологии моделей предложения, в решении которой единодушия не наблюдается, охватывает такие вопросы, как разработка критериев вычленения обязательного структурного минимума предложения, вопрос о количестве

моделей и моделиобразующих центров, возможность соотнесения отдельных структурных схем предложения с определенными типами категориальных значений предложения и способы описания модели [Москальская 1974, 23]. Ввиду различного понимания термина «модель предложения» и неразработанности системы критериев разграничения моделей и их вариантов число выделяемых моделей предложения в разных языках и у разных авторов может достигать двух-трех десятков.

Проанализировав существующие определения модели предложения, разработанные лингвистами на материале разных языков, можно прийти к выводу, что для построения простого предложения во многих языках мира, необходима в первую очередь конструкция, состоящая из двух основных компонентов – *N-V*, то есть имени и глагола, являющаяся минимальной структурной моделью предложения [Левицкий 2001, 57]. Однако, как мы уже убедились, во многих случаях наличие лишь предикативного сочетания подлежащего и сказуемого нельзя признать достаточным, и, следовательно, требуется учитывать и другие члены отношения. В структурную схему предложения входят лишь те элементы, без которых данной структурной схемы нет. При установлении структурной схемы предложения непременно принимаются во внимание синтаксические связи словоформ и факторы, предопределяющие их обязательную или факультативную сочетаемость.

Для выявления структурной схемы предложения предлагается метод эксперимента на свертывание фраз, то есть исключение из структуры предложения компонентов для установления необязательных компонентов, удаление которых не влияет на полноценность смысла предложения, и компонентов, участие которых в построении самостоятельного предложения, изоморфного некой ситуации действительности, следует признать обязательным. Это представляется возможным только на основе анализа конкретных высказываний. Таким образом, базисом для анализа типов предложений служит

речевой материал, и при описании системы типов предложения лингвист не может не прибегнуть к индуктивным приемам.

Анализ предложений, имеющий целью определение структурной схемы, опирается на их морфологический (частеречный) состав. Для описания и классификации моделей предложения и их конstituентов следует определиться с системой средств изображения. В лингвистике широко используется запись структурной модели предложения в виде символических формул в терминах частей речи (морфологических классов слов):

N – символ именных компонентов (именных групп),

V – символ глаголов,*

Adj – символ адъективных компонентов,

Num – символ числительного,

Part II – символ причастия прошедшего времени,

Adv – символ наречий и наречных выражений,

Pr – символ местоимений,

prep – символ предлогов.

Названия частей речи, обозначенные латинскими буквами и сочетаниями букв, репрезентируют модель предложения: *The taxi drove up* (I.Murdoch, 106) – *N* – *V*. Часто при фиксации структурных схем возникает необходимость снабдить некоторые символы дополнительными элементами. Так, существование и особая роль связочных глаголов в предложении требует введения в формулу особого символа – *V_{link}* (следует также провести различие между полнозначным глаголом *быть* – *be* и глаголом-связкой *быть* – *be_{link}*: ... *молитва такая есть* (М.М.Пришвин₁, 59) – *N* – *be* и *Он был недурен собою* (И.С.Тургенев, 3) – *N* – *be_{link}* – *Adj*). Ввиду наличия нескольких именных компонентов в модели

* Характерным является выведение определений, квантификаторов и обстоятельств из именной и глагольной составляющих структурной схемы предложения

предложения их символы снабжаются показателями-индексами: N_1 , N_2 , N_3 и т.д. Модель предложения *Федор Иванович дал ей на себя вексель* (И.С.Тургенев, 153) предстает в виде формулы $N_1 - V - N_2 - N_3$.

В отличие от морфологии, которая уже располагает достаточно ясным пониманием сущности типов ее единиц и сферы их функционирования, синтаксис все еще нуждается в определении конечного инвентаря моделей предложения, составленного на структурной основе. Каждый язык обладает своей собственной системой структурных моделей предложения. Несмотря на случаи совпадения тех или иных моделей в разных языках, эти системы в целом отличны друг от друга. Поэтому одной из насущных задач синтаксической теории является составление перечня структурных моделей предложения в различных языках, их подробное описание и выявление специфики языков в этой области. Однако теория синтаксиса не ограничивается лишь этой задачей, так как особо важным представляется выявление универсальных моделей предложения, общих для множества языков. Ввиду того, что семантические классы глаголов и их валентностные возможности сходны в разных языках, что объясняется лежащими в их основе универсальными онтологическими закономерностями, можно прийти к перечню моделей предложения, претендующему на универсальность.

При исследовании синтаксической репрезентации состояния мы рассматриваем предложение как семантико-грамматическое единство, т.е. не ограничиваемся семантическим моделированием предложений, но уделяем должное внимание и типовым структурным схемам, которые выбираются соответственно данной семантике.

Однако невозможно было бы не отметить отсутствие прямого, однозначного соответствия между смысловой и формальной структурами предложения. Это утверждение восходит к высказанной С.И.Карцевским идее асимметричного дуализма языкового знака [Карцевский 1965], заключающейся в том, что соответствие между означаемым и означающим неизбежно нарушается, и

эти две стороны знаков языка соотносятся друг с другом по разным пропорциям: а) одно означающее : несколько означаемых (омонимия), б) несколько означающих : одно означаемое (синонимия). Действительно, в языке существуют такие явления как омонимия структурных схем предложения, то есть соответствие предложений с разной семантикой (разных семантических типов предложения) одной и той же структурной схеме, и синонимия, при которой одно типовое значение может быть выражено несколькими различными поверхностными структурами.

Кроме того, означаемое и означающее имеют свои принципы членимости и свои формы структурной организации, что в свою очередь порождает определенную автономию сторон знака: в формальной структуре глагол осуществляет связь словоформ, представляющую собой формальное синтаксическое отношение, а в содержательной структуре имеют место связи предиката и семантических актантов, то есть семантические отношения. Но лишь рассмотрение предложения в комплексе его формальных и семантических признаков обеспечивает полноту исследования синтаксической репрезентации понятийной категории «состояние».

Выводы по Главе 1

Способность человеческого сознания обобщать лежит в основе одной из важнейших составляющих познавательной деятельности человека – категоризации как упорядоченного представления разнообразных явлений действительности через сведение их к меньшему числу разрядов, являющихся фундаментальными категориями познания. Универсальность понятийных категорий обусловлена тем, что они представляют основные элементы и параметры мира и отражаются в любом (или практически в любом) языке. Состояние является одной из таких общих категорий, отражающей особую форму существования субстанции, характеризующуюся целостностью, неизменностью признаков на протяжении

некоторого отрезка времени. Таким образом, «состояние» — объект специального категориально-семантического исследования — рассматривается в работе как одна из фундаментальных концептуально-семантических характеристик бытия, как понятийная категория, которая отражает некоторое событие и лежит в основе построения предложения, воплощаясь в пропозицию с соответствующим типом предиката, так как именно синтаксическая единица — предложение — ориентирована на полноценное языковое конструирование событий.

Предложение рассматривается как самостоятельный языковой знак, обладающий формой и содержанием. Семантическое содержание предложения является сложным комплексом ввиду того, что речь здесь идет о представлении в предложении некоторой ситуации, события или процесса, имеющих своих участников — партиципантов, находящихся в тех или иных отношениях и обладающих некими свойствами. Структура смысла предложения приравнивается к термину «семантическая структура» и представляет собой форму, в которой воплощается мысль о мире при ее выражении средствами языка и которая принадлежит к области речемыслительных универсалий. Универсальная значимость смысловой структуры предложения объясняется наличием в реальном мире типовых ситуаций, по отношению к которым семантическая структура является изоморфной. Но как отражение внеязыковой действительности семантическая структура является специфическим образованием, со своими свойствами, законами и особенностями. Она образуется компонентами двух типов: семантическим предикатом, который признается фундаментальной частью семантической структуры, обобщенно представляющей признак или отношение, лежащие в основе ситуации действительности, и семантическими актантами, которые являются представителями участников ситуации и набор которых детерминируется предикатом. Субстанциальные компоненты семантической структуры отличаются друг от друга и могут быть объединены в классы на основе их роли в структуре и смысловых отношений к предикату.

Семантическая классификация предложений строится на основе семантического типа предиката, играющего центральную, организующую роль в семантической структуре. Поддержав ставшее уже традиционным деление предикатов на динамические и статические, мы выделили в группе динамических предикатов: **действия** (активную целенаправленную деятельность), **события** (инактивные мгновенные изменения состояний или свойств) и **процессы** (инактивные длительные изменения состояний или свойств), а в сфере статических предикатов – **качества (свойства) и состояния**.

Состояния квалифицируются как статичные, целостные, ограниченные временными рамками положения вещей. Среди других характерных признаков данного типа предикатов выделяем длительность, неагентивность, ориентированность на субъект.

Семантическая структура воплощается в структурной схеме предложения, которая образуется объединением конструктивных синтаксических форм по правилам сочетаемости смыслов для выражения той или иной семантики, имеет в своем составе некоторый состав позиций для заполнения, формируется определенными словоформами в их отношении друг к другу, строится на основе общего, типового значения и дает нам представление об определенном классе событий – действии, процессе, состоянии и др.

При составлении перечня и характеристике структурно-семантических моделей предложений с семантикой состояния, в данной работе используется сочетание ономаσιологического подхода (содержание→форма) и семасиологического подхода, заключающегося в исследовании языка от формы к содержанию, опора на поверхностную структуру предложения, представляющую реальную данность, доступную непосредственному наблюдению, и обязательный учет сложного характера соотношения между структурной моделью и семантической структурой предложения.

Глава 2. ТИПОЛОГИЯ СОСТОЯНИЙ И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НА СЕМАНТИЧЕСКОМ И ФОРМАЛЬНО-СТРУКТУРНОМ УРОВНЯХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 1. Типология состояний

Анализ фактического материала показал, что состояние является структурно и семантически неоднородной категорией, поддающейся субкатегоризации, то есть разбиению разнообразных ситуаций состояния на подвиды, обладающие определенной спецификой.

У некоторых исследователей класс состояний оказывается очень широким и гетерогенным. Например, у У.Чейфа (1975) к состояниям отнесены также и качества, то есть состояние приравнено к стательным предикатам вообще. Другие ученые сводят этот класс лишь к физическому и психическому состоянию некоторого предмета [Казарина 2002, 53].

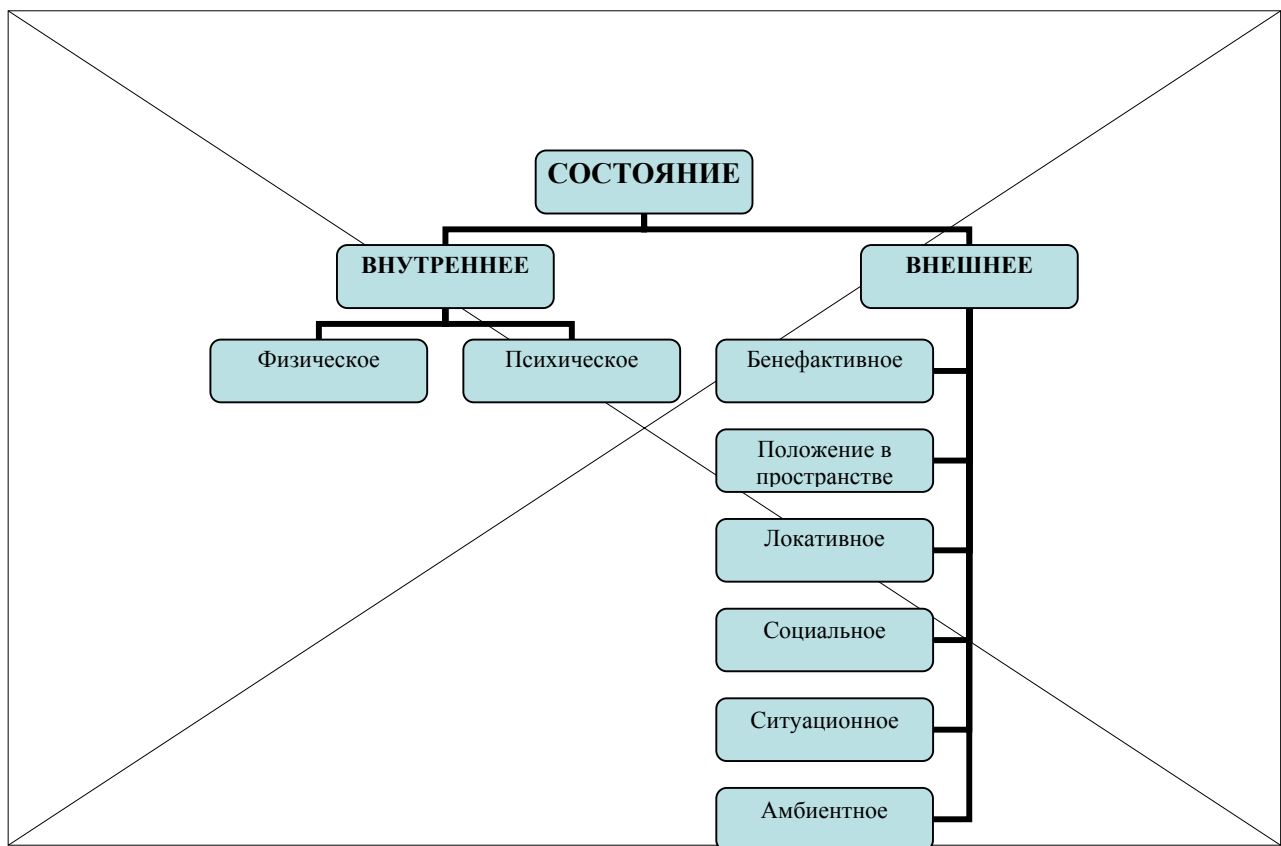
Необходимо, как нам кажется, выработать логичную, последовательную и, в то же время, емкую систему видов и подвидов состояния, основанную на четкой иерархии признаков – по принципу «от общего к частному», признаков, характеризующих различные отношения между предметом и испытываемым им состоянием. Наиболее общим основанием, которое позволило бы на первом этапе разделить состояния на максимально большие группы, мы склонны считать различие в сферах существования состояния. Во-первых, выделяется **внутреннее состояние**, затрагивающее внутренний мир некоторого предмета (в большинстве случаев – одушевленного), локализованное внутри него и не выходящее за рамки его телесной и духовной сферы. Во-вторых, можно говорить о **внешнем состоянии**, которое локализовано за пределами тела предмета и присуще объекту действительности как целому [Симанов: Электрон. ресурс].

В рамках внутреннего состояния (той группы, которую называют собственно состояниями) несомненным представляется различие **физических**

(физиологических) и психических состояний. Первая группа объединяет состояния, относящиеся к телу, организму, а также его отдельным частям и органам. Психические состояния охватывают состояние души и ума: чувственно-эмоциональную, ментальную и волевую сферы.

Внешние состояния также предполагают дальнейшую дифференциацию в связи с тем, что в фокусе оказывается статичная манифестация того или иного одушевленного или неодушевленного предмета в пространстве или особых отношениях этого предмета с другими предметами. Так, к внешним состояниям мы относим **бенефактивное** состояние (состояние обладания), **положение** предмета в пространстве, **локативное** состояние (местонахождение предмета), **социальное** состояние, **амбиентное** состояние (состояние среды) и ряд других более мелких и разнородных состояний, которые можно объединить в группу **ситуационных** состояний (См. Схему 3).

Схема 3. Типология состояний.

Так, в основе типологии состояний лежит признак «сфера существования состояния». Дальнейшая субкатегоризация состояний опирается на онтологическую природу статичной манифестации предмета и отношений предмета к испытываемому им состоянию, а также учитывает характер носителя состояния.

§ 2. Сфера внутреннего состояния

Выражение в языке внутреннего физического и психического состояния описано в лингвистической литературе преимущественно в лексикологическом и аспектологическом планах [Васильев 1981, 43-49; Авилова 1976, 86-94; СГЗЯ Глагол 1989, 278-281 и др.]. Поэтому в фокусе внимания авторов этих работ было исследование глаголов с их значениями. Мы же рассматриваем способы выражения семантики физического и психического состояния в сложной синтаксической единице – предложении, при этом опираясь не только на предикат как непрменный компонент предложения, но и на природу носителя состояния. Носителем внутреннего состояния является одушевленный партиципant: человек или животное, находящий выражение в существительных или местоимениях.

2.1. Физическое (физиологическое) состояние

Физическое (физиологическое) состояние, в отличие от состояния души и ума определяется как состояние одушевленного партиципанта, локализованное в его организме, теле (и его частях). В рамках физического состояния партиципанта можно выделить два вида состояний: *экспериенциальные* состояния и *неэкспериенциальные* состояния. Состояние назовем экспериенциальным, если носитель его не просто пребывает в нем, а что-то испытывает, ощущает нечто, имеющее место в его теле. Напротив, неэкспериенциальное состояние представляет собой пребывание лица в состоянии, охватывающем весь его организм и не подразумевающим физических ощущений в той или иной части его

тела. Отнести то или иное физиологическое состояние к ощущениям помогает метод перефразирования: возможность включения в предложение глаголов *ощущать, чувствовать, испытывать*. Так, предложение *Мне больно* можно перефразировать в предложение *Я ощущаю/испытываю боль*, что свидетельствует о принадлежности данного состояния к экспериенциальной группе. С другой стороны, невозможность данной трансформации, но возможность трансформации при помощи сочетания *быть в каком-либо состоянии* свидетельствует о принадлежности состояния к группе неэкспериенциальных: *Шадрин оставался без сознания* (В.Васильев: Электрон. ресурс) → *Шадрин оставался в бессознательном состоянии*.

2.1.1. Неэкспериенциальное физическое состояние

Положения дел данного типа обобщаются в двухкомпонентной семантической структуре, состоящей из предиката и одного семантического актанта. Двухкомпонентность семантической структуры объясняется тем, что в изоморфных им реальных положениях дел имеется лишь один участник, его состояние замыкается на самом себе и не направлено на других партиципентов. Семантическая модель предложений, описывающих физическое состояние одушевленного партиципанта, имеет вид $P - state_{phys}$, таким образом, одушевленный партиципанта в семантическую структуру предложения входит в семантической роли пациентива – P . В роли этого одушевленного инактивного партиципанта могут выступать человек и животные.

В группу неэкспериенциальных физиологических состояний входят состояние жизни и смерти, состояние сна и бодрствования, состояние сознания, состояние трезвости и опьянения, состояние здоровья и болезни, определение которых в данной работе основывается на словарных дефинициях, приведенных в [ТСРЯ 1993; СРЯ 1999; АНД 1994; LDCE 1992]:

- **состояние жизни и смерти.** Предложения этой семантической группы

описывают особые формы существования объектов действительности. Жизнь квалифицируется как «физиологическое существование человека, животного, всего живого» [ТСРЯ 1993, 197]. Смерть, напротив, понимается как отсутствие жизнедеятельности организма, ее прекращение. В предложениях с этим значением, таким образом, некий партиципant описывается как находящийся в состоянии жизнедеятельности или лишенный жизни. Наличие этих состояний отличает человека, животных (как, впрочем, и некоторые неодушевленные предметы – растения) от неорганической материи.

- **состояние сна и бодрствования.** Сон и бодрствование представляют собой особые формы функционирования живого организма, имеющие временный характер. Состояние сна определяется как легко обратимое состояние физиологической неактивности и расслабленности, покоя и отдыха, отмеченного практически полным прекращением работы сознания. Бодрствование подразумевает состояние без сна, при котором включено сознание партиципанта и отмечается адекватная реакция на внешние раздражения.

- **состояние сознания.** В эту семантическую группу мы объединяем, с одной стороны, такое физиологическое состояние партиципанта, при котором он находится в здравом уме и памяти, способен отдавать себе отчет в своих поступках, понимать, что происходит вокруг, воспринимать действительность, так как его органы чувств находятся в рабочем состоянии, а с другой – состояние потери сознания, безотчетности, неспособности воспринимать действительность.

- **состояние трезвости/нетрезвости.** Это состояние лица, характеризующееся отсутствием или наличием одурманенности сознания, возбужденности, а также ослаблением физических и умственных способностей из-за алкоголя и других дурманящих веществ.

- **состояние здоровья/болезни.** Предложения этой семантической разновидности описывают либо хорошее состояние организма, его физическое (и психическое) благополучие, отсутствие болезни, либо плохое, болезненное,

патологическое состояние организма, отклонение от нормального его состояния.

Семантика неэкспериментального физиологического состояния находит выражение в следующих структурных схемах предложения:

1. $N - V_{link} - Adj/Part II$. Модель включает в себя связочный глагол и предикативно употребленное прилагательное или причастие. Данная структура используется для выражения состояний жизни или смерти, сна и бодрствования, сознательного или бессознательного состояния, состояний трезвости и нетрезвости, здоровья и нездоровья.

Репрезентация состояния жизни и смерти характеризуется наличием в предложении таких стативных прилагательных, как англ. *alive, unperished, dead, stone-dead*, нем. *tot, lebendig, lebend*, рус. *живой, мертвый* (как в краткой, так и полной формах):

англ. *You're alive, my son* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс), *Ah! poor man! he has been dead these eight years and better* (J.Austen, 107)

нем. *Der König ist tot* (P.Süskind: Электрон. ресурс)

рус. *Старик еще жив* (ТСРЯ, 196), *Но немец был мертв* (В.Васильев: Электрон. ресурс)

Выражение состояния сна и бодрствования моделью с глаголом-связкой и адъективным компонентом характерно для английского и немецкого языков. В именной части сказуемого в этом случае встречаются английские стативные предикативные прилагательные *asleep, adoze, (wide-)awake, astir*, немецкие прилагательные *wach, munter*, а также причастие I *schlafend*:

англ. *The girls are still asleep* (J.Smiley, 287), *She was awake the whole night* (J.Austen, 55)

нем. ... *da sind wir schon wach* (C.L.Schleich: Электрон. ресурс)

Семантика сознательного/бессознательного состояния реализуется в данной структурной схеме в английском и немецком языках (случаев употребления данной модели в русском языке не выявлено). В ряд прилагательных,

употребляемых в рассматриваемой группе предложений, входят англ. *(un)conscious, senseless, (in)sensible, subconscious, aswoon, out*, нем. *bewußtlos, ohnmächtig* и др.:

англ. *He was conscious to the last* (Multilex: Электрон. ресурс), *She was unconscious for several minutes* (LDCE, 1149)

нем. *Dort war die Mutter noch ohnmächtig* (J.Gotthelf: Электрон. ресурс)

К адъективным компонентам предложений с семантикой состояния трезвости/нетрезвости относятся: англ. *drunk, intoxicated, tipsy, screwed, stoned, awash, sotted, sober*, нем. *betrunken, besoffen* (груб.), *berauscht, nüchtern*, рус. *пьяный, одурманенный, опьяненный, хмельной, (не)трезвый* и др.:

англ. *He [the American] was a little drunk* (G.Green, 52), *Tequila was stoned for years* (J.Grisham, 37)

нем. ... *er war kläglich betrunken* (Th.Mann: Электрон. ресурс), *Er [Nikolaj Kusmitsch] war also völlig nüchtern* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс)

рус. *Он [отец] теперь пьян* (Ф.М.Достоевский, 117), *Вы, может быть, хмельны* (Ф.М.Достоевский, 354)

Семантика здоровья/нездоровья реализуется в данной структурной схеме во всех рассматриваемых языках. Хорошее физическое состояние и нездоровье партиципанта выражается такими прилагательными в функции предикатива, как англ. *healthy, ill, sick, diseased*, нем. *(un)gesund, krank*, рус. *(не)здоровый, больной* (возможна как краткая, так и полная форма прилагательных):

англ. *The children are quite healthy* (A.S.Hornby, 397), *Our dear Joe Evans is dangerously ill* (E.Terry: Электрон. ресурс)

нем. *Im Herbst dieses Sommers war er ... gesund* (J.H.Maskau₂: Электрон. ресурс), *Meine Tochter ist krank* (L.Tieck), *Er ist lungenkrank* (НРРНС, 263)

рус. *Ребенок нездоров* (ТСРЯ, 416), *Матушка отчаянно больна* (С.Т.Аксаков, 256)

Болезненное состояние партиципанта выражается также сочетанием

связочного глагола, предикативно употребленного прилагательного и факультативного члена – существительного, обозначающего ту или иную болезнь: в русском языке оно выступает в форме творительного падежа (*Дети больны группом* (ТСРЯ, 53)); в английском и немецком языках это существительное сопровождается предлогом (англ. *He is ill with influenza* (Multilex: Электрон. ресурс)).

2. $N_1 - V_{link} - prep N_2$ – модель, в которую входит связочный или полусвязочный глагол (отмечается, кроме того, использование синкретных глаголов – полнозначных глаголов, одновременно выполняющих связочную функцию), именной компонент, который обозначает носителя состояния – пациентива и выполняет функцию подлежащего, и предложно-именное сочетание, выражающее состояние, в котором пребывает партиципant.

Данный способ синтаксического выражения характерен для выражения:

а) состояния жизни и состояния, близкого к смерти:

англ. *He is nigh death* (Mutilex: Электрон. ресурс), *For ten weeks he was at death's door* (W.S.Maugham₂: Электрон. ресурс)

нем. *Er ist am Lebend* (БНРС, 555)

рус. ... *Николай, брат, при смерти* (Л.Н.Толстой₂, 54)

б) состояния сна и бодрствования:

англ. ... *and little Aggie was in her wake* (H.James₂: Электрон. ресурс)

нем. *Er war zwischen Wachen und Traum* (БНРС, 936)

Указанная модель употребляется и для выражения состояния сна некоторых животных: рус. *Медведи в спячке*.

в) состояния сознания. Позицию N_2 в этом случае занимают такие существительные, как англ. *faint, swoon*, нем. *Bewußtsein, Ohnmachtszustand*, рус. *сознание, обморок*, которые употребляются с предлогами. Такое состояние партиципанта, при котором он осознает происходящее вокруг него, воспринимает действительность и отвечает за свои поступки, описывается предложениями, в

составе которых отмечено использование таких предложно-именных сочетаний, как рус. *в сознании, в памяти*, нем. *bei Bewußtsein*:

рус. *Она еще в сознании, Он был в полной памяти* (Ф.М.Достоевский, 154)

нем. *Aber ich war ganz bei Bewußtsein* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс)

В состав предложений, в которых описывается состояние сознания лица, характеризующее отсутствием контроля над своими действиями со стороны самого лица, входят такие предложно-именные сочетания, как англ. *in a faint, in a coma*, рус. *в обмороке, без сознания, без чувств, без памяти, в забытьи* и т.д.:

англ. *He is in a (dead) faint* (Multilex: Электрон. ресурс), *The deliveryman was still in a coma* (J.Grisham, 69)

рус. *Больной без сознания* (ТСРЯ, 770), *Больной без памяти* (ТСРЯ, 504), *К полночи больная лежала без чувств и почти без пульса* (Л.Н.Толстой₁, 422)

г) состояния трезвости/нетрезвости. Предложения с данной семантикой имеют в своем составе предложное сочетание типа англ. *in the ale, in one's pots, up the pole*, рус. *под хмельком, под мухой* и др.:

англ. *He is in the ale* (Multilex: Электрон. ресурс)

рус. *Большинство переселенцев были под хмельком* (А.И.Приставкин, 135)

д) состояния здоровья/нездоровья. В предложно-именное сочетание здесь входят такие существительные-классификаторы, как, например, англ. *health*, нем. *Gesundheit*, рус. *здравие, состояние* и др.) с предлогом и прилагательным, служащим определением существительному. Прилагательное указывает на тип состояния и является семантически обязательным, однако в русском языке при употреблении существительного *здравие* прилагательное может подвергаться редукции:

англ. *I'm in good health* (G.Greene, 88)

нем. *Er war bei gutter Gesundheit* (БНРС, 380)

рус. *Семейство как, в здравии?* (М.А.Шолохов, 265), *... лошадь в самом хорошем состоянии* (Л.Н.Толстой₁, 186)

3. *N – V*. Модель конструируется существительным или местоимением в номинативе и статичным непереходным непередельным глаголом. Глагольное выражение характерно для состояния сна и бодрствования, здоровья и нездоровья.

В предложениях, описывающих состояние сна и бодрствования одушевленного партиципанта, глагольную позицию заполняют англ. *sleep, slumber, drowse, doze, be up*, нем. *schlafen, schlummern, wachen*, рус. *спать, дремать, отдыхать* в значении «восстанавливать свои силы сном», *бодрствовать, не спать*):

нем. *Das Kind schlief* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс), *Ruhig schlummerten seine Kinder* (J.Gotthelf: Электрон. ресурс), ... *wir wachen* (C.L.Schleich: Электрон. ресурс)

рус. *Джулия спокойно спала* (В.Быков: Электрон. ресурс), *Там, на солнце, у выхода, как растение, дремала старуха* (Е.И.Замятин: Электрон. ресурс), ... *один из пилотов будет все время бодрствовать* (В.Васильев: Электрон. ресурс)

англ. *The pretty pigeon is sleeping* (J.Cheever, 20), *Grandfather was dozing in front of the television* (LDCE, 308), *I was up till three last night* (Multilex: Электрон. ресурс)

Форма Continuous английских глаголов с семантикой сна подчеркивает длительность протекания состояния.

Сравнив предложения с глаголом *sleep* “rest in sleep” и предложения с составным именным сказуемым *be asleep* “be in a state of sleep, sleeping”, можно прийти к выводу, что *be asleep* представляет бессознательное состояние, не зависящее от пациентива и не контролируемое им, а *sleep* – контролируемое состояние, а также его проявления (на это указывает, например, А.Г.Елисеева [Елисеева 1977, 12]). Кроме того, отмечается, что *sleep* и *be asleep* сочетаются с разными наречиями. Глагол *sleep* встречается с такими наречиями, характеризующими протекание сна [Елисеева 1977, 9], как *quietly, soundly, well, badly, peacefully, securely, uneasily* и др.: *He slept brokenly all night long* (Multilex:

Электрон. ресурс), *They slept peacefully* (Multilex: Электрон. ресурс). С сочетанием *be asleep* часто употребляются наречия, описывающие глубину погружения партиципанта в состояние сна: *almost, nearly, half, fast, sound* и т.д. [Елисеева 1977, 10]: *He was fast asleep* (Multilex: Электрон. ресурс), *Hop Higgins, the night watchman, was partially awake* (Sh.Anderson: Электрон. ресурс).

Состояние здоровья/нездоровья в английском языке выражается глаголами *ail, be down*, в русском языке – одновидовыми глаголами несовершенного вида *здоровствоваться, болеть, хворать*:

англ. *He ailed sadly during the winter* (Multilex: Электрон. ресурс)

рус. *Я хвораю* (М.А.Шолохов, 498)

Предложения, построенные по данной модели, могут включать в себя факультативный компонент – существительное, обозначающее болезнь, которой болеет партиципant. Так, в английском языке оно сопровождается глаголом, а в русском языке имеет форму творительного падежа:

англ. *They are both down with the flu* (Multilex: Электрон. ресурс)

рус. ... *он болел скарлатиной* (М.А.Булгаков, 129)

В немецком языке имя, называющее болезнь, следует за глаголом *leiden*, который им управляет. Оно употребляется, таким образом, в форме дательного падежа с предлогом *an*: нем. *Er leidet an Krebs* (НРРНС, 254).

4. $N - V_{imp-refl}$: двукомпонентная аффективная модель, отмеченная в русском языке, строится из безличного глагола (*спаться, дрематься*) и имени в дательном падеже: ... *и сладко спалось старику* (И.С.Тургенев, 61).

5. $N_1 - have (got) - N_2$. Данная модель имеет значение «болеть чем-либо, переносить болезнь» и состоит из именного компонента, выражающего пациентива, глагола *have (got) и haben* и существительного (в форме винительного падежа – для немецкого языка):

англ. *You've got a chill* (J.K.Jerome₂, 19), *They have slight colds at present* (A.S.Hornby, 397), *Cholera I had, with severe complications* (J.K.Jerome₂, 8), *He has*

measles (Multilex: Электрон. ресурс)

нем. *Das Kind hat Grippe* (Lingvo: Электрон. ресурс)

6. *prep N₁ – be – N₂*. Эта структурная схема характерна для русского языка, она описывает существование данного состояния у партиципанта. Глагольная позиция в предложении заполняется полнозначным глаголом *быть*. Партиципant, а) пребывающий в состоянии сна, испытывающий болезненное отсутствие сна, б) пребывающий в бессознательном состоянии, в) болеющего чем-то, реализуется в форме родительного падежа с предлогом *у*, а второй именной компонент, называющий состояние, имеет форму именительного падежа: а) *У медведя зимняя спячка*; *У меня бессонница*; б) *Ну, с ним обморок!* (Ф.М.Достоевский, 134) (имя носителя данного состояния имеет форму творительного падежа с предлогом *с*); *У нее обморок* (пациентив выражен формой родительного падежа с предлогом *у*); в) рус. *У него подагра* (М.М.Пришвин₂, 61), *У меня была скарлатина* (Л.Н.Толстой₁, 129).

Анализ фактического материала показал, что в рассматриваемых языках выражение неэкспериментального физиологического состояния опирается как на глагольное, так и составное именное сказуемое. Носитель состояния преимущественно выражен номинативом, кроме встречающихся в русском языке аффективной модели с дательным субъекта и модели «у X есть Y».

2.1.2. Экспериментальное физическое состояние

Экспериментальное физическое состояние характеризуется, как уже было отмечено выше, наличием у носителя состояния некоторого ощущения. Под ощущением следует понимать испытываемое кем-либо физическое состояние, биологически обусловленные сигналы о внутреннем состоянии организма [Васильев 1981, 43], сенсорные впечатления. Таким образом, предложения объединены тем, что некто испытывает какое-либо физическое ощущение. А испытывать некоторое состояние, являться носителем какого-либо ощущения

может именно одушевленный партиципant. На семантическом уровне он представлен семантическим актантом, называемым экспериенсивом.

Предпринятый нами анализ фактического материала позволяет выделить в сфере экспериенциального физического состояния ряд разновидностей, имеющих свою специфику. Так, мы различаем состояние жажды/голода и сытости, состояние сонливости, состояние общего самочувствия партиципанта, а также частные состояния самочувствия – ощущение физической силы и усталости, температурные ощущения, ощущения боли, дрожи, зуда и першения, головокружения и тошноты. Особую группу экспериенциальных состояний образует чувственное восприятие.

Базовая семантическая модель предложений, выражающих данный тип состояний, имеет вид *Exp – state_{phys-exp}* и описывает следующие виды состояний:

- **состояние жажды/голода и сытости.** Эта группа ощущений объединяет ощущение потребности в еде, потребности в питье и вызванное этой потребностью ощущение дискомфорта и слабости, сухости во рту, а также ощущение отсутствия этой потребности;
- **состояние сонливости.** Партиципant, находящийся в этом состоянии, испытывает потребность во сне, склонность ко сну и, соответственно, является вялым;
- **общее самочувствие.** Под самочувствием будем понимать общее состояние как физических, так и душевных сил человека [ТСРЯ 1993, 719], субъективное переживание состояния здоровья [Левитов 1964, 111]. Таким образом, самочувствие можно отнести не только к физиологическим состояниям, но и к психическим. Участник подобного положения дел является одушевленным, он испытывает состояние, которое может быть плохим или хорошим.

Структурные схемы предложений для выражения этих значений в исследуемых языках имеют следующие формулы:

1. *N – V_{link} – Adj* – модель, составляющими которой являются имя,

обозначающее экспериенсива, связочный глагол (англ. *be, feel*; нем. *sein, sich fühlen*, рус. *быть, чувствовать себя*) и прилагательное в функции предикатива.

В составе сказуемого предложений со значением жажды/голода и сытости употребляются такие прилагательные, как англ. *hungry, thirsty, droughty, gorged*, нем. *hungrig, durstig, satt*, рус. *голодный, сытый* (как в полной, так и краткой форме):

англ. *The dog is hungry, and very thirsty, too* (Multilex: Электрон. ресурс), *He [George] felt thirsty* (J.K.Jerome₂, 22)

нем. *Er [Felder] war durstig* (J.H.Maskau₁: Электрон. ресурс), *Ich bin satt* (НРРНС, 850)

рус. ... *он [Дед Щукарь] просто был голоден* (М.А.Шолохов, 441), ... *впервые за долгое время он [Давыдов] был по-настоящему сыт* (М.А.Шолохов, 314)

Семантический предикат состояния сонливости представлен составным именным сказуемым, в которое входит предикативно употребленное прилагательное (англ. *drowsy, sleepy, snoozy, popped*, нем. *schläfrig*, рус. *сонный, сонливый*):

англ. *I was pretty sleepy by that time* (M.Twain: Электрон. ресурс), *Tu looked a little sleepish* (J.Smiley, 75)

нем. *Ich bin schläfrig* (БНРС, 734)

рус. *Он ... казался сонливым* (И.С.Тургенев, 25)

Состояние общего самочувствия представлено следующими прилагательными: англ. *((un)well, fine, (un)fit, seedy, poorly, achy, all-overish, indisposed* и др.; нем. *(un)wohl*, и др.):

англ. *I'm very well in myself* (J.Galsworthy, 27), *I feel fine now* (LDCE, 374), *I was feeling wretchedly ill* (E.Terry: Электрон. ресурс)

нем. *Ich bin etwas unwohl* (БНРС, 889), *Er fühlte sich himmlisch wohl* (P.Süskind: Электрон. ресурс)

рус.... *я чувствовал себя совсем здоровым* (В.К.Арсеньев: Электрон. ресурс)

2. В немецком языке встречаются предложения, в которых именной компонент употребляется в дательном падеже, поэтому ее называют моделью с так называемым «дательным субъекта» [Гиро-Вебер 1979, 69]: *(Es) – be_{link} – N – Adj* с формальным подлежащим *es*, вариантом которой является модель *N – be_{link} – Adj*. На основе этой структуры строятся предложения, описывающие самочувствие партиципанта: *Mir ist es schlecht* (БНРС, 736), *Mir ist nicht ganz wohl* (НРРНС, 449).

3. *N – be_{link-imp} – Adj_{pred}* – модель, характерная для русского языка, лежит в основе предложений со значением самочувствия одушевленного партиципанта. Именной компонент здесь имеет форму дательного падежа. Роль предикатива выполняет специфическое стативное краткое прилагательное типа *плохо, хорошо, тяжело, легко* и т.д. [Мигирин 1970, 152; Левицкий 2003, 206] (некоторые ученые говорят здесь об особой «категории состояния» [Щерба 1957, 74-75], Виноградов 1972, 319-321], тяготеющей по синтаксическому назначению к глаголам [Мещанинов 1978, 327], о предикативном наречии [Гр-70, 309; ЭК: Электрон. ресурс]), а в глагольной позиции употребляется глагол *быть* в так называемой «безличной» форме: *Ей было хорошо* (И.С.Тургенев, 82).

4. *N – V – Pr_{ref} – Adv*. В русском языке присутствует модель, в которой экспериенсив выражен номинативом имени или местоимения, глагольную позицию занимает глагол *чувствовать* с возвратным местоимением *себя*, которое указывает на само лицо и замыкает состояние на его носителя. Кроме того, в структуру предложения в качестве обязательного ее компонента входит наречие, описывающее самочувствие партиципанта (*хорошо, прекрасно, сносно, плохо* и др.): *Иван при своей легкой ране чувствовал себя сносно* (В.Быков: Электрон. ресурс), *Грек чувствовал себя совсем нехорошо* (А.И.Куприн: Электрон. ресурс).

5. *N₁ – V – N₂*. Это – так называемый расщепленный способ репрезентации семантического предиката состояния, где идентификатором состояния выступают

личные глаголы со значением «чувствовать, ощущать, испытывать» (рус. *чувствовать, ощущать*; англ. *feel, experience, suffer*; нем. *fühlen, empfinden*), а конкретизатором – абстрактное существительное (N_2) – имя самого ощущения. Экспериенсив представлен компонентом N_1 . При помощи данной структурной схемы выражается значение жажды/голода, недомогания, сонливости:

нем. *Ich habe großen Durst* (НППНС, 116), *Er fühlte Hunger und Durst* (J.H. Mackay₂: Электрон. ресурс)

англ. *After running five miles we had quite a thirst* (LDCE, 1104), ... *they were suffering hunger and cold* (L.M. Alcott: Электрон. ресурс)

Глагол *suffer*, кроме того, может управлять существительным с предлогом *from*: *He suffered from a slight indisposition* (Multilex: Электрон. ресурс).

6. $N - V$. В предложениях данной модели состояние одушевленного партиципанта находит нерасчлененное выражение в простом глагольном сказуемом. Присутствие этой модели отмечено в английском языке для выражения состояния голода, длительного недоедания, жажды: *I'm famishing* (Multilex: Электрон. ресурс), *He [Clay] was starving* (J. Grisham, 88).

7. В немецком языке встречаются безличные предложения с формальным *es*, построенные по модели $(Es) - V_{imp} - N$, где именной компонент имеет форму аккузатива: *Es dürstet mich*. Часто имеет место инверсия, вызванная опущением формального *es*: *Mich hungert* (БНРС, 462).

8. $N - V_{imp-refl}$. Модель для выражения плохого самочувствия партиципанта, в составе которой имя существительное или местоимение в форме дательного падежа и безличный, возвратный и неопределенный по своему характеру глагол типа *нездоровиться, недужиться*, отмечена в русском языке: *В этот день мне нездоровилось немного* (В.К. Арсеньев: Электрон. ресурс).

9. $prep N_1 - be - N_2$. Рассматриваемая модель характерна для русского языка. Здесь экспериенсив оказывается выраженным именем в родительном падеже с предлогом *у*. Позиция N_2 заполняется существительным *самочувствие*, которое

сопровождается семантически обязательным прилагательным-определением, описывающим состояние участника (*хороший, плохой, неважный*): *У меня сегодня плохое самочувствие* (Lingvo: Электрон. ресурс).

Как уже отмечалось выше, мы различаем и более частные виды состояний, затрагивающих физическое самочувствие участника:

- ***ощущение физической силы/усталости*** – с одной стороны, ощущения бодрости тела, ощущение подъема сил, с другой – чувство утомления, ощущение слабости, упадка сил одушевленного участника, вызванное продолжительной или тяжелой работой, движением и т.д.;
- ***температурные ощущения*** – такое физиологическое состояние одушевленного участника, при котором он ощущает ту или иную температуру тела – тепло, холод, жар;
- ***ощущение дрожи*** – такое состояние, при котором участник ощущает «частое судорожное сокращение мышц» [ТСРЯ 1993, 182], вздрагивание тела, вызванное каким-либо состоянием, например, страхом, холодом и т.д.;
- ***ощущение зуда/першения*** – экспериенциальное состояние, представляющее собой ощущение болезненно-щекочущего раздражения кожи или слизистой;
- ***ощущение боли*** – физические ощущения страдания, дискомфорта, болевые ощущения в теле участника;
- ***ощущение головокружения и тошноты*** – испытываемое участником состояние, при котором он утрачивает чувство равновесия и представляет окружающее кружащимся, колеблющимся [ТСРЯ 1993, 137], а также близкое этому состояние дурноты.

В отличие от уже описанных выше групп состояний, ощущения физической силы и усталости, температурные ощущения, ощущения боли, дрожи, головокружения и тошноты могут затрагивать и организм в целом, и отдельные органы и части тела (в этом случае состояние-ощущение локализовано).

Ситуации, когда состоянием охвачен весь партиципant, соответствует семантическая модель *Exp – state_{phys-exp}*.

В случае локализованности ощущения в какой-нибудь части тела партиципанта семантическая модель соответствующих предложений имеет вид *Exp – state_{phys-exp-loc}*. При указании на так называемый «локатив внутренней среды» [Матханова 2003, 105] — орган или часть тела, в котором локализуется то или иное ощущение — выделение особого семантического компонента — локатива — в данном случае неоправданно, так как ощущение имеет место в теле, организме партиципанта-экспериенсива, представляющего собой цельный элемент. В данном случае часть элемента не может стать отдельным и самостоятельным участником ситуации и быть представленной в семантической структуре в качестве особой семантической роли. Это объясняется тем, что испытывает ощущение не орган, не часть тела, а одушевленное лицо (носитель состояния) благодаря своему психофизиологическому устройству.

В том случае, если выраженное в предложении физиологическое состояние локализовано в том или ином органе носителя состояния-ощущения, и экспериенсив, и сам орган могут быть представлены в предложении по-разному. На уровне формальной структуры экспериенсив может быть выражен эксплицитно, но может и не получить прямого выражения в структуре предложения. В свою очередь, и тот орган, в котором локализовано состояние, может получать и эксплицитное, и имплицитное выражение в структуре предложения.

Анализ предложений, описывающих состояние-ощущение одушевленного партиципанта, охватывающее весь его организм или его часть, привел к следующему перечню структурных схем:

1. *N – V_{link} – Adj/Part II*: модель, включающая в себя копулятивный глагол (англ. *be, feel*, нем. *sich fühlen*, рус. *быть, чувствовать себя*.) и прилагательное или причастие в роли именной части сказуемого, служит для выражения

семантики физической силы/усталости (англ. *strong, refreshed, tired, exhausted, weary*; нем. *müde, erschöpft*, рус. *усталый, утомленный*), температурных ощущений (англ. *cold, hot, feverish*), дрожи (англ. *shivery*), головокружения (*giddy, dizzy*), тошноты (англ. *airsick, queasy*):

англ. *I was most certainly refreshed and replenished* (E.Terry: Электрон. ресурс) /ощущение физической силы/; *He was feeling unutterably tired* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс) /ощущение усталости/; *I feel shivery* (Multilex: Электрон. ресурс) /ощущение дрожи/; *Rachel was feeling dizzy* (D.Brown, 71) /ощущение головокружения и тошноты/

нем. *Ich bin etwas müde* (Lingvo: Электрон. ресурс) /ощущение усталости/
 рус. *Она [Kumi] ... чувствовала себя слишком усталую* (Л.Н.Толстой₁, 83) /ощущение усталости/

2. В немецком языке для выражения вышеозначенных состояний имеется структура **(Es) – be_{link} – N – Adj**, с глаголом-связкой и факультативным формальным компонентом *es*, выполняющим функцию подлежащего: ... *es war ihm so frisch zumut* (J.F. von Eichendorf: Электрон. ресурс) /температурные ощущения/. Возможна также инверсия при отсутствии компонента *es*: *Mir ist kalt* (НРРНС, 221) /температурные ощущения/, *Mir ist übel* (НРРНС, 394) /ощущение тошноты/, *Mir ist schwindlig* (НРРНС, 608) /ощущение головокружения/.

3. Особо следует отметить аффективную модель предложения в русском языке **N – be_{link-imp} – Adj_{pred}**, которая включает в себя имя одушевленного участника в форме дательного падежа, глагол-связку и стивное предикативное прилагательное и является основой предложений, выражающих температурные и болевые ощущения, ощущения тошноты: *Ему жарко* (М.А.Булгаков, 496) /температурные ощущения/, *Ему было очень больно* (И.С.Тургенев, 16) /ощущение боли/

4. **N – V**. Способом грамматико-синтаксического представления температурных ощущений, ощущения дрожи здесь является предложение с

личным глаголом. В личных, согласованных предложениях имя испытывающего этот тип состояния экспериенсива в именительном падеже сочетается с одновидовыми неопределёнными глаголами со значением «испытывать чувство холода, страдать от холода» (рус. глаголы *мерзнуть*, *зябнуть*, нем. *frieren*), «быть в жару» (рус. *гореть* «быть в лихорадочном состоянии, испытывать жар», нем. *fiebern* «иметь высокую температуру, жар»), «испытывать дрожь» (англ. *shiver*, *shudder*, *tremble*, *quiver*, нем. *zittern*, *schaudern*, рус. *дрожать*):

англ. *I'm still shaking* (J.Smiley, 186) /ощущение дрожи/

нем. *Ich friere* (НРРНС, 166) /температурные ощущения/; *Er zitterte* (J.F. von Eichendorff: Электрон. ресурс) /ощущение дрожи/

рус. *Они ... все равно мерзли* (А.И.Приставкин, 229) /температурные ощущения/; *Она вся дрожала* (Е.И.Замятин: Электрон. ресурс) /ощущение дрожи/

В предложениях также могут присутствовать существительные с предлогом, указывающие на причину состояния:

англ. *I quivered with fear at the sound* (LDCE, 853) /ощущение дрожи/

нем. *Er zitterte vor Kälte* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс) /ощущение дрожи/

рус. *Джулия ... дрожала от стужи* (В.Быков: Электрон. ресурс) /ощущение дрожи/

Положение дел, в котором одушевленный носитель экспериенциального состояния испытывает ощущение в какой-либо части своего тела, представлено в предложениях содержащих в себе существительное в номинативе, называющее часть тела, в сопровождении либо притяжательного местоимения, либо существительного в родительном (для немецкого и русского языков, причем в русском языке оно может сопровождаться предлогом *у*) и притяжательном падежах (для английского языка), являющихся выражением экспериенсива:

англ. *My head aches* (Multilex: Электрон. ресурс) /ощущение боли/; *My nose tickles* (Multilex: Электрон. ресурс) /ощущение зуда/

нем. ... *und außerdem schmerzte ihr Leib* (P.Süskind: Электрон. ресурс)

/ощущение боли/; *Und seine Fäuste ... zitterten* (P.Süskind: Электрон. ресурс)
/ощущение дрожи/

рус. *Пальцы его заметно дрожали* (М.А.Шолохов, 310) /ощущение дрожи/;
У него ныла спина (М.А.Шолохов, 319) /ощущение боли/; *У Половцева зябли ноги*
(М.А.Шолохов, 85) /температурные ощущения/

При невыраженности экспериенсива предложение имеет следующий вид:
рус. *Тело зудит* (ТСРЯ, 239) /ощущение зуда/; *Жарко горели натруженные
ходьбой подошвы* (М.А.Шолохов, 243) /температурные ощущения и ощущение
боли/.

5. $N - V_{ref}$. Стоит отметить употребление данной структурной схемы в
русском и немецком языках: позицию V_{ref} заполняют возвратные глаголы
(например, *трястись*, *sich schütteln*):

рус. *Иван весь трясся* (В.Быков: Электрон. ресурс) /ощущение дрожи/

нем. *Renald schüttelte sich wie ein gefesselter Löwe* (J.F. von Eichendorff:
Электрон. ресурс) /ощущение дрожи/

При описании положения дел, в котором лицо испытывает некоторое
ощущение в какой-н. части своего тела, предложения имеют следующий вид: рус.
От густого аромата желтой азалии кружилась голова (В.Быков: Электрон.
ресурс) /ощущение головокружения/; *Губы у него трясутся* (Е.И.Замятин:
Электрон. ресурс) /ощущение дрожи/.

6. В русском и немецком языках отметим модель, грамматическое
наполнение которой можно описать так: занимающее синтаксическую позицию
подлежащего имя экспериенсива в косвенном – винительном (реже – дательном) –
падеже и глагол-сказуемое. В немецком языке это модель (Es) – V_{imp} – N . В
русском языке модель двукомпонентна: $N - V_{imp}$. Исследование показывает, что
подобное выражение находят температурные ощущения (в немецком языке – с
помощью глагола *frieren*), ощущения дрожи (в русском языке при помощи
глаголов *знобить*, *лихорадить*, *трясти*, в немецком – *frösteln*), ощущения

головокружения и тошноты (в немецком языке в построении предложения участвует глагол *schwindeln*, в русском – *тошнить*, *мутить*):

рус. *Больного знобит* (ТСРЯ, 237) /ощущение дрожи/; *Больного тошнит* (ТСРЯ, 834) /ощущение тошноты/

нем. *Es friert mich* (НРРНС, 166), /температурные ощущения/; *Den Sepli fröstelt es bei solcher Rede* (А. Achleitner: Электрон. ресурс) /ощущение дрожи/

Наличие в немецком языке подобных формально трехкомпонентных схем, выражающих ощущение одушевленного партиципанта, с факультативным *es* и прямым порядком слов объясняется стремлением предложения к двучленной структуре, в которой подлежащее выражено именительным падежом, а форма в косвенном падеже отходит на второстепенную роль. Это положение дел в немецком языке приводит нас к выводу о том, что в плане формально-синтаксическом он находится между русским языком с сильными синтетическими тенденциями и частотностью предложений, традиционно называемых безличными, и английским языком, тяготеющим к аналитизму и непременно требующим наличия подлежащего, пусть даже формального. Формальный *es* может опускаться: *Mich fröstelt* (НРРНС, 166) /ощущение дрожи/; *Ihn schwindelte* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс) /ощущение головокружения/. Интересным представляется то, что вышеупомянутый глагол *schwindeln* может сочетаться и с дативом, и с аккузативом, образуя вариантную пару: *Mir (mich) schwindelt* (НРРНС, 354). Отмечается, однако, что аккузативный вариант практически вышел из употребления как функционально незагруженный [Голякова 1981, 27].

В случае локализованности ощущения лицо, испытывающее ощущение, выражается в русском языке формой родительного падежа с предлогом *у*, а часть или орган тела – именем в именительном падеже или в предложном падеже в сопровождении предлогов *в*, *на*, *под* и др.: ... *а у меня уже ... и ноги ломит* (М.А.Шолохов, 489), *У него ... мучительно стучало в висках* (Ф.М.Достоевский, 576). В немецком языке лицо, испытывающее состояние, предстает в форме

дательного или винительного падежа, наименование части тела, в которой локализуется состояние, употребляется с предлогом: *Es kratzt mir im Halse* (Lingvo: Электрон. ресурс).

7. $N_1 - V - N_2$ – модель, где компонент N_1 называется экспериенсива, V – это неопределенные переходные глаголы англ. *feel, experience, have* в значении «ощущать, испытывать», нем. *fühlen, empfinden, verspüren, haben* «ощущать, испытывать», рус. *чувствовать, испытывать, ощущать*, N_2 – это абстрактное существительное, называющее само ощущение (температурные ощущения, ощущения физической силы и усталости, дрожи, боли, зуда и першения):

англ. *Rachel felt an uneasy chill* (D.Brown, 62) /ощущение дрожи/; *I feel nausea* (Multilex: Электрон. ресурс) /ощущение тошноты/

нем. *Er hat hohes Fieber* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс), *Ich habe Schüttelfrost* (НРРНС, 578) /температурные ощущения/

рус. *Он [Левин] чувствовал большую усталость от напряженного и ничем не вознагражденного внимания* (Л.Н.Толстой₂, 254) /ощущение усталости/; *Она [мать] всю ночь не спала и чувствовала тошноту и головокруженье* (С.Т.Аксаков, 120) /ощущение головокружения и тошноты/

Локализация экспериенциального состояния может осуществляться при помощи а) предложно-именного компонента, называющего органы и части тела, и б) заполнения позиции N_2 в английском и немецком языках такими сложными словами, содержащими имя локализатора ощущений, как англ. *headache, toothache, backache*; нем. *Kopfschmerzen, Zahnschmerzen, Magenschmerzen, Bauchschmerzen, Halsschmerzen* и др., а также сочетанием ‘прилагательное-определение + существительное (например, *боль*)’ (преимущественно для русского языка):

а) англ. *He has a sharp pain in the back* (Multilex: Электрон. ресурс) /ощущение боли/; *Josephine felt a queer tingling in her nose* (К.Mansfield: Электрон. ресурс) /ощущение зуда/

нем. *Grenouille hatte ... Schmerzen im Rücken* (P.Süskind: Электрон. ресурс)
/ощущение боли/

б) англ. *The poor child has a headache* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс)
/ощущение боли/

нем. *Ich habe Bauchschmerzen* (НРРНС, 65), ... *so hat sie drei Tage lang Kopfweh* (J.Gotthelf: Электрон. ресурс) /ощущение боли/

рус. ... *я чувствовал небольшой жар и головную боль* (С.Т.Аксаков, 268)
/температурные ощущения и ощущение боли/

8. *prep N₁ – be – N₂* – модель, которая характерна для русского языка. В ней то или иное экспериенциальное физиологическое состояние выражается сочетанием имени в форме родительного падежа с предлогом *у* для обозначения носителя состояния, полнозначного глагола *быть* и существительного, называющего ощущение: *У ребенка жар* (ТСРЯ, 193) /температурные ощущения/, ... *у него легкое головокружение* (А.И.Куприн: Электрон. ресурс) /ощущение головокружения/.

9. *N₁ – be_{link} – prep N₂*. Данная модель выражает ощущение одушевленного партиципанта сочетанием глагола-связки и предложного сочетания:

англ. *He was all in a tremor/tremble* (Multilex: Электрон. ресурс) /ощущение дрожи/; *He was obviously in pain* (J.Grisham, 29) /ощущение боли/

рус. *Больной в жару* (ТСРЯ, 193) /температурные ощущения/

Существенное отличие экспериенциальных состояний от неэкспериенциальных заключается в наличии в их сфере так называемых аффективных конструкций с именем-носителем состояния в форме косвенного падежа (в немецком и русском языках), что свидетельствует о том, что состояние окрашено особым образом – здесь имеет место акцентирование неконтролируемости, страдательного, практически пассивного оттенка состояния.

Чувственное восприятие.

В группу экспериенциальных физиологических состояний мы также

включаем чувственное восприятие как «отражение сознанием человека внешней среды, свойств и предметов внешнего мира» [Васильев 1981, 52], которое осуществляется посредством органов чувств. Оно выступает как осмысленный синтез разнообразных ощущений, получаемых от целостных предметов или воспринимаемых как целое явлений. В ходе активного отражения предметов и явлений действительности складывается некий их образ. Восприятие основано на работе органов чувств. В зависимости от того, какой из них работает активнее, перерабатывает больше информации, различают виды восприятия: зрительное, слуховое, обонятельно-вкусовое, осязательное (тактильное) восприятие. Способностью воспринимать мир в виде образов наделены только человек и высшие животные.

Восприятие субъективно, но оно всегда соотносится с воспринимаемыми предметами, с существующей вне нас действительностью. В отличие от ощущений, которые находятся в нас самих, восприятие направлено на объект. Следовательно, ситуация физического восприятия включает в себя, с одной стороны, одушевленного партиципанта, а с другой – объект восприятия, который может быть как одушевленным, так и неодушевленным.

Восприятие не обязательно стативно, однако нас интересует ситуация действительности, не характеризующаяся акциональностью и динамичностью (в отличие от предикатов-действий: например, *Марфа Тимофеевна долго молча посмотрела на нее* (И.С.Тургенев, 128); а также событийных предикатов чувственного восприятия, способом репрезентации которых являются глаголы совершенного вида: например, *Он услышал чей-то вкрадчивый голосок* (М.А.Шолохов, 235)). Напротив, семантический предикат соответствующей семантической структуры статичен, целостен и неагентивен по своей природе. Предикат экспериенциального состояния этого подвида предопределяет наличие двух семантических актантов, один из которых является одушевленным инактивным экспериенсивом, а другой – одушевленным инактивным пациентивом

или неодоушевленным инактивным объективом. Следовательно, семантические модели типового значения «чувственное восприятие» имеют следующий вид:

$$Exp - state_{phys-exp} - P \text{ и } Exp - state_{phys-exp} - O.$$

Приведенные выше семантические модели воплощаются в структурной схеме $N_1 - V - N_2$, которая относится к реляционному типу по той причине, что в предложениях, построенных на ее основе, выражается отношение между разными предметами. В предложениях этого типа встречаются следующие неопредельные глаголы: англ. *see, hear, feel, smell, scent, taste, perceive*, нем. *sehen, hören, fühlen, spüren, wittern, riechen, wahrnehmen*, рус. *видеть, слышать, осязать, чують, чувствовать, воспринимать* и др.

В русском и немецком языках экспериенсив (реципиент, субъект восприятия) выражается именем в именительном падеже, а пациентив и объектив – именем в винительном падеже:

рус. *Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград* (М.А.Булгаков, 542), *Сквозь клюкву Травка явственно чуюла хлеб* (М.М.Пришвин₂, 46)

нем. *Schon sah er sein Haus* (J.Gothelf: Электрон. ресурс), *Ich höre Waldhörner!* (J.F. von Eichendorff: Электрон. ресурс)

В английском языке оба именных компонента структурной модели имеют форму так называемого общего падежа: *Mathinks I see my father* (E.Terry: Электрон. ресурс), *I hear footsteps* (Multilex: Электрон. ресурс), *I scent cigarette smoke* (Multilex: Электрон. ресурс), *I think I smell gas* (LDCE, 994).

Семантика чувственного восприятия может находить выражение и в безличных предложениях типа рус. *Нам было видно дорогу*, в которых семантический предикат воплощается в составное именное сказуемое «быть + видно, слышно»: $N_1 - be_{link-imp} - Adj_{pred} - N_2$. Субъект восприятия оформлен косвенным падежом – формой дательного падежа. Предмет восприятия – пациентив или объектив – выражается формой винительного падежа: *Ему [Половцеву] было слышно каждое слово разговора* (М.А.Шолохов, 85). В

конкретных высказываниях имя экспериенсива может подвергаться эллипсису: *Ясно и отчетливо было видно каждое отдельное облачко* (В.К.Арсеньев: Электрон. ресурс). В отрицательных предложениях предмет восприятия выражается именем в форме родительного падежа: *Вас не слышно* (ТСРЯ, 758), *Месяца уже не было видно* (А.И.Куприн: Электрон. ресурс).

От подобных предложений следует отличать предложения, в которых находят выражение значения «быть доступным восприятию», «быть слышимым, слышимым, доступным для слухового восприятия, звучать», «быть видимым», «быть заметным, проявляться» и отмечается употребление возвратных глаголов *слышаться, виднеться, чувствоваться, ощущаться*: *Из соседней комнаты слышался резкий и веселый голос Разметнова* (М.А.Шолохов, 110), *В сыром воздухе уже чувствовались волнующие запахи весны* (М.А.Шолохов, 182). Модель таких предложений представлена формулой $N - V_{refl}$, в которой именной компонент, имеющий форму именительного падежа и выполняющий функцию подлежащего, является выражением предмета, доступного восприятию.

Другой реализацией значения «быть доступным органам чувств, различимым органами чувств» для русского языка является структурная модель $N_1 - be_{link} - Adj - N_2$, в которой в роли предикатива употребляются краткие формы таких прилагательных, как *видный, слышный*. Компонент N_1 (обозначение предмета, доступного восприятию) представлен именем в именительном падеже, а компонент N_2 (обозначение воспринимающего лица) – именем в дательном падеже, которое может опускаться: *Ваське он [машинист] отлично виден сквозь стеклянную перегородку* (А.И.Куприн: Электрон. ресурс), *Слышны шаги* (ТСРЯ, 758).

Семантические предикаты чувственного восприятия предполагают среди участников соответствующей ситуации роль воспринимающего партиципанта – экспериенсива и воспринимаемого партиципанта – объектива или пациентива. На поверхностном уровне, как показывает фактический материал, допускается разная

репрезентация чувственного восприятия: экспериенсив либо синтаксически выражен, либо опущен, попав «в позицию за кадром» [Падучева: Электрон. ресурс].

2.2. Психическое состояние

Физическому состоянию противопоставлены такие состояния человека, которые затрагивают его душевные переживания, чувства и эмоции, ум, рассудок, волю, то есть все то, что попадает в сферу психологических, а не физиологических статусов участника. Психическое состояние – обширная категория, объединяющая большое число разнородных положений дел и поддающаяся субкатегоризации. Так, традиционно проводят различие между чувственно-эмоциональной сферой, сферой ума и волевой сферой [Левитов 1964, 25].

Психическое состояние как статическая характеристика индивида в первую очередь связывается с чувствами и эмоциями (хотя и не ограничивается ими), которые являются особыми формами отражения реального мира (они отражают объективную реальность в переживаниях), занимающими важное место в жизни человека и его языке. Другой группой психических состояний является сфера умственных, или ментальных, состояний, связанных с сознанием, интеллектом, рассудком, памятью и т.д. В область нашего интереса также входят волевые психические состояния, связанные с желаниями, стремлением осуществить цели.

Психические состояния носят преходящий характер, так как вызываются стечением обстоятельств, особенностями сложившейся ситуации, имеют начало и конец; кроме того, они не отражают существенных особенностей личности. В группе физиологических состояний мы провели грань между экспериенциальными и неэкспериенциальными состояниями. Что касается психических состояний, то они все экспериенциальны, так как носитель такого состояния переживает, испытывает чувства, чувствует расположение или нерасположение к чему-либо или кому-либо, настроен на что-либо.

Соответственно, партиципant, участвующий в подобном положении вещей, в семантической структуре предложения представлен экспериенсивом.

2.2.1. Чувственно-эмоциональное состояние

Ситуации состояния, связанные с чувствами и эмоциями, могут быть имманентными, замкнутыми на лишь одном партиципанте, и относительными, представляющими отношение между двумя партиципантами. Вполне оправдано, таким образом, выделение в рамках чувственно-эмоционального психического состояния сферы эмоционального состояния и сферы эмоционального отношения.

Семантическая модель предложений с семантикой эмоционального состояния одушевленного партиципанта может быть представлена так:

Exp – state_{emot}.

Ситуации эмоционального отношения обобщаются языковым сознанием в следующих семантических моделях:

Exp – state_{emot} – P* и *Exp – state_{emot} – O.

Особенностью последних является их интенциональность, то есть направленность на нечто другое – на одушевленный (пациентив) или неодушевленный (объектив) объект. Эмоциональное отношение включает, таким образом, чувство и субъективную оценку одним партиципантом некоторого предмета, явления, события и т.д., его свойств и качеств.

2.2.1.1. Эмоциональное состояние

Богатую гамму всевозможных эмоциональных состояний, которые способен переживать человек, можно распределить по следующим категориям: настроения и чувства. Многообразие описательных характеристик-формулировок, используемых для словесного выражения эмоционального состояния, неисчерпаемо.

Эмоциональные состояния характеризуются полярностью: каждому

настроению, как и практически любому чувству, противостоят противоположные переживания, между которыми однако нет пропасти: границы между ними неустойчивы, ввиду этого, несомненно существование переходных случаев. Следует также отметить, что переживания отличаются глубиной и интенсивностью.

I. **Настроение** — это общее внутреннее душевное состояние, окрашивающее или диффузно пронизывающее все другие переживания, восприятие, мыслительные процессы и деятельность человека, являясь их фоном (настроение поэтому подобно общей тональности в музыке), характеризующееся слабой интенсивностью, значительной длительностью, неясностью и «безотчетностью» переживаний [Левитов 1964, 106] и оставляющее «в тени переживаемые при этом состоянии чувства» [Васильев 1981, 75]. Отнести то или иное эмоциональное состояние к группе настроений помогает метод перефразирования с использованием сочетания «в ... настроении / расположении духа». В рамках этого вида эмоциональных состояний мы выделяем:

1) хорошее настроение, которое, в частности, объединяет *веселье, оживление, воодушевление, эйфорию, бодрость* и т.д.;

2) плохое расположение духа, в котором можно выделить, в частности, *подавленность, мрачность, расстройство, фрустрацию, депрессию* и т.д.

Семантика этого типа эмоционального состояния реализуется в следующих моделях предложения:

1. $N - V_{link} - Adj/Part II$. В рассматриваемой модели партиципant, пребывающий в том или ином настроении, обозначается существительным или местоимением в номинативе, в предложении присутствует глагол-связка, а само настроение выражается прилагательным или причастием (англ. *cheerful, merry, animated, elated, disheartened, oppressed, glum*, нем. *lustig, munter, erheitert, verstimmt, mißmutig*, рус. *оживленный, воодушевленный, веселый, бодрый, подавленный, мрачный* и др.):

а) англ. *Mr. Cartier was very cheerful* (J.Smiley, 325), *We are merry and gay* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс)

нем. *Ich bin lustig* (Lingvo: Электрон. ресурс), *Er war aber erheitert ...* (Th.Mann: Электрон. ресурс), *Er ist munter* (Lingvo: Электрон. ресурс)

рус. *Вронский, Анна и Голенищев, возвращаясь домой, были особенно оживлены и веселы* (Л.Н.Толстой₂, 43)

б) англ. *He is very low-spirited* (H.James₁: Электрон. ресурс), *I've been terribly depressed* (Multilex: Электрон. ресурс), *He ... was strangely melancholy at time* (O.Wilde, 278), *You look very glum* (LDCE, 443)

нем. *Ich ... war arg verstimmt* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс), *Ich war recht verzweifelt* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс)

рус. *Кити чувствовала себя раздавленной* (Л.Н.Толстой₁, 86), *... он [Левин] был мрачен и молчалив* (Л.Н.Толстой₁, 174)

2. Настроение лица репрезентируется также в структурной схеме (**Es**) – **be_{link}** – **Adj** – **N**. Рассматриваемая структурная схема немецких предложений включает в себя факультативный элемент *es* и составное сказуемое с прилагательным в роли предикатива. Существительное, или местоимение, обозначающее лицо, находящееся в том или ином расположении духа, имеет форму дательного падежа: *Mir ist fröhlich zumute* (Lingvo: Электрон. ресурс).

3. Для русского языка характерна модель **N** – **be_{link-imp}** – **Adj_{pred}**. Эксперимент здесь также находит выражение в форме дательного падежа имени существительного или местоимения: а) *Да, мне очень весело теперь* (И.С.Тургенев, 81), б) *Во время же игры Дарье Александровне было невесело* (Л.Н.Толстой₂, 204).

4. **N** – **V**. Глагольную позицию в этой структурной схеме занимают такие непереходные глаголы, как англ. *tope*, *sulk*, *be down*, рус. *хандрить*:

англ. *The little boy sulked because he couldn't go to the circus* (LDCE, 1059), *He was very down after losing his job* (LDCE, 307)

5. $N_1 - be_{link} - prep N_2$. Данная модель, являясь синтаксическим синонимом предыдущих моделей, выражает настроение партиципанта сочетанием глагола-связки и предложного сочетания. В предложениях, построенных по рассматриваемой модели, именной компонент может быть представлен существительным-классификатором (англ. *state, spirits, humor, disposition*, нем. *Zustand, Stimmung, Laune*, рус. *настроение, дух*) с конкретизирующим настроение прилагательным или существительным:

а) англ. *He [Arthur] was in excellent spirits* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс), *They were all in high spirits and good humour* (J.Austen, 41)

рус. *В этот же раз [Федор Павлович] был в легком и приятно раскидывающемся настроении* (Ф.М.Достоевский, 122), *... ты в бодром духе* (Л.Н.Толстой₁, 384), *И господа, и слуги были в видимом и необыкновенно веселом одушевлении* (Ф.М.Достоевский, 118)

б) англ. *Jean's in a bad temper* (LDCE, 1089), *You are in a melancholy humour* (J.Austen, 68), *He was in a state of black depression* (D.H.Lawrence: Электрон. ресурс)

нем. *Ich bin nicht in Stimmung* (Lingvo: Электрон. ресурс), *... sondern weil er eben in einem so hilflos apathischen Zustand war* (P.Süskind: Электрон. ресурс)

рус. *Степан Аркадьич был в упадке духа* (Л.Н.Толстой₂, 308), *Правда, он [Маврикий Маврикиевич] был не в духе* (Ф.М.Достоевский, 476), *Он сегодня в расстройстве* (ТСРЯ, 687)

Присутствие в языке аналитического аналога предыдущих способов представления настроения – $be_{link} - Adj-N$ – объясняется невозможностью в некоторых случаях трансформации преобразования и репрезентации этого типа состояния при помощи сочетания $be_{link} - Adj/Adj_{pred}$: *Owen was in heroic mood* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс), *... the actor was in an expansive mood* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс).

6. $N_1 - be_{link} - Adj-N_2$. Структурная схема, в которой позицию N_2 занимает

имя (*Laune, Stimmung, Mut*) в родительном падеже (оно сопровождается прилагательным, указывающим на тот или иной вид настроения), характерна для немецких предложений: *Sie ist schlechter Laune* (Lingvo: Электрон. ресурс), *Er war nicht euphorischer Stimmung* (P.Süskind: Электрон. ресурс).

7. $N_1 - have - N_2$. Данная трехчленная модель отмечена в английском и немецком языках. Позицию N_2 заполняют такие существительные, как англ. *the grumps, the mumps, the blues, a miff, a grouch, the hip, the mopes*, нем. *Laune* и т.д.

англ. *She's got the grumps* (Multilex: Электрон. ресурс), *He had a fit of the blues* (Multilex: Электрон. ресурс)

нем. (*Wenn die Sonne scheint, habe ich gleich gute Laune* (LGWDF, 601)

8. Для русского языка характерна структурная схема **prep** $N_1 - be - N_2$, в которой экспериенсив представлен формой родительного падежа существительного или местоимения с предлогом *у*: *Все это время у него [Левина] были два отдельные настроения* (Л.Н.Толстой₂, 283).

II. **Чувство** можно определить как «внутреннее психическое состояние человека, его душевное переживание» [СРЯ 1999, 689], как «устойчивое субъективное отношение человека к чему-либо». Эмоции (франц. *emotion* - волнение, от лат. *emoveo* – потрясаю, волную) представляют собой аффективную форму проявления чувств, «переживание того или иного чувства в определенный момент, в конкретной ситуации» [СЭ 1989, 415]. К эмоциям относятся такие психологические состояния человека, которые имеют ярко выраженную субъективную окраску, отражают процесс и результаты его практической деятельности в форме непосредственных бессознательных или осознанных переживаний, ощущений приятного или неприятного, отношения человека к миру и людям и сопровождают все чувства, переживания и внешние проявления жизнедеятельности человека. Чувства в отличие от эмоций характеризуются большей длительностью, устойчивостью, осознанностью и предметностью, т.е.

связываются с представлением или идеей о некотором объекте.

Чувства охватывают широкий спектр явлений, психических феноменов, отличающихся друг от друга по характеру и содержанию. В основе классификации чувств лежат основные состояния – удовольствие, получаемое от удовлетворения потребностей, появляющееся, когда подтверждаются ожидания человека, и неудовольствие, связанное с невозможностью удовлетворения некоторой потребности [Лук 1972, 27]. В соответствии с этим, выделяются области положительных и отрицательных чувств, между которыми располагается область чувственно-нейтральных состояний. Мир чувств очень сложен и многообразен, поэтому весьма интересным представляется вопрос об их субкатегоризации.

Основываясь на результатах анализа фактического материала, затрагивающего имманентное состояние, опираясь на словарные дефиниции, представленные в Толковом словаре русского языка (1993), и на исследования психологов А.Н.Лука, Н.Д.Левитова, в сфере **положительных чувств** можно выделить несколько групп:

- **удовольствие** – чувство, возникающее от приятных ощущений, переживаний, мыслей, удовлетворения стремлений. Разновидностью удовольствия признаем *счастье* – состояние высшего удовольствия, *блаженство* – сильное чувство наслаждения, полное счастье;

- **радость** – приятные душевные ощущения участника, веселое чувство большого душевного удовлетворения от исполненного стремления и желания. Этот вид чувств охватывает *ликование* (сильное и длительное чувство радости, торжествование), *восторг* (бурно и кратковременно протекающее переживание радости), *восхищение* (чувство высшего удовлетворения, граничащее с восторгом) и *экстаз* (высшая степень восторга с ощущением внутреннего подъема, повышенного самочувствия, с переживанием собственной значительности, но без психического оживления);

- **облегчение** – состояние легкости [ТСРЯ 1993, 440], освобожденности от чего-либо;

- **безопасность** – состояние, которое характеризуется отсутствием угрозы опасности, чувство защищенности.

В область **чувственно-нейтральных состояний** попадают следующие чувства:

- **спокойствие** – «уравновешенное, спокойное состояние духа, отсутствие забот, тревог» [ТСРЯ 1993, 783], умиротворенность;

- **возбужденность** – состояние одушевленного партиципанта, при котором он испытывает нервный подъем, нетерпение, сильное чувство пыла, рвения, воодушевления и т.д.

К **отрицательным чувствам** относятся:

- **неудовольствие** – чувство, возникающее от неудовлетворения стремлений [Лук 1972, 73], отсутствие удовлетворенности. Одной из разновидностей неудовольствия является *несчастье* – чувство сильного недовольства, сопровождающееся грустью, подавленностью;

- **разочарование** – чувство горечи и неудовлетворенности ввиду чего-то несбывшегося, неудавшегося, вызванное потерей веры в кого- или что-либо;

- **раздражение** – чувство негодования, возмущения, недовольства, сильной досады. Разновидностями этого чувства являются *гнев* (сильное чувство недовольства, негодования, крайнего возмущения), *ярость* (бурное переживание гнева);

- **печаль** – чувство душевной горечи, возникающее при длительном отсутствии приятных переживаний, а также, например, при разлуке и т.д.;

- **горе** – чувство скорби, горести, страдания, возникающее от осознания невозможной утраты. Этот вид чувств также охватывает *огорчение* (душевная боль, вызванная неудовлетворением желания, не имеющая характера безнадежности), *отчаяние* (бурное переживание горя, крайняя безнадежность,

ощущение безвыходности);

- **обида** – чувство огорчения, оскорбленности, вызванное несправедливостью или неудовлетворением желания, на которое имеется право;

- **тоска** – чувство, характеризующееся подавленностью, угнетенностью, тягостными ощущениями (в том числе и тревоги);

- **одинокость** – несчастное, грустное чувство одинокого человека;

- **беспокойство** – душевное волнение, некоторого лица, причиной которого являются предчувствия опасности, ожидание чего-либо неизвестного и т.д. В данную группу включим также *тревогу* – томящее чувство внутреннего волнения и беспокойства, локализующееся в груди, сопровождающееся опасениями пессимистического характера о неопределенности будущего;

- **опасность** – чувство, обусловленное возможностью или угрозой чего-либо плохого, какого-либо вреда, несчастья;

- **потрясение** – глубокое, тяжело переживаемое чувство волнения, вызванное внезапным и неприятным событием, которое приводит человека в расстроенное и часто беспомощное состояние;

- **страх** – неприятное чувство внутреннего напряжения, обусловленное опасностью, угрозой чего-либо плохого, какого-либо несчастья. Сюда следует отнести *испуг* как внезапное чувство страха, *ужас* как бурное переживание страха, характеризующееся неспособностью лица контролировать свои поступки, *панику* как крайний, неудержимый страх;

- **стыд** – чувство неловкости, неудобства, смущения от сознания предосудительности своего поступка или вины или по причине своей робости. Чувство стыда имеет несколько степеней – от *застенчивости* и *смущения* до *позора*.

Отдельно выделяются положения дел, в которых некоторое лицо испытывает мучения, муки, нравственную боль, болезненно переживает что-то, и объединить их в группу *душевных страданий*.

Проверка принадлежности предложений к группе чувств осуществляется компонентным анализом лексического значения элементов предложения, составляющих его сказуемое, а также возможностью применения трансформации перефразирования: *Мне стыдно* → *Я испытываю чувство стыда*; *Tom was joyful* (M.Twain) → *Tom felt joy* → *Tom had a feeling of joy*.

К основным структурным схемам, описывающие чувства одушевленного существа, относятся:

1. $N - V_{link} - Adj/Part II$. Расшифровывается эта формула так: именной компонент N представляет экспериенсива, V_{link} – связочный глагол (англ. *be, feel, seem*, нем. *sein, scheinen*, рус. *быть*, а также рус. *чувствовать себя*, нем. *sich fühlen* и некоторые другие). В качестве адъективного компонента этой модели употребляются прилагательные и причастия II, называющие то чувство, которое испытывает партиципant и выступающие в роли именной части составного сказуемого:

а) **положительные чувства** (позицию *Adj/Part II* занимают такие предикативы, как англ. *pleased, glad, happy, relieved, secure, safe*, нем. *zufrieden, glücklich, froh, leicht, erleichtert, geborgen*, рус. *довольный, счастливый, восторженный, рад, спокойный* и т.д.)

англ. *James was pleased* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс) /чувство удовольствия/; *He felt perfectly happy* (O.Wilde, 190) /чувство счастья/; *Corky looked gleeful* (D.Brown, 134) /чувство радости/; *He felt safe now* (O.Wilde, 226) /чувство безопасности/

нем. *Er fühlte sich so leicht und glücklich wie nie zuvor in seinem Leben* (J.H.Маскау: Электрон. ресурс) /чувство легкости и удовольствия/; *Ich bin entzückt* (НРРНС,138) /чувство радости/; *Er war ... unendlich erleichtert* (P.Süskind: Электрон. ресурс) /чувство облегчения/; *Sie fühlten sich geborgen* (P.Süskind: Электрон. ресурс) /чувство безопасности/

рус. *Старик исправник был очень доволен* (Ф.М.Достоевский, 433) /чувство

удовольствия/, *Паллистер был рад* (В.Васильев: Электрон. ресурс), *Она восторженна немножко* (И.С.Тургенев, 57) /чувство радости/

б) **чувственно-нейтральные состояния** (позицию *Adj/Part II* занимают такие предикативы, как англ. *calm, soothed, easy, agitated, exalted*, нем. *ruhig, gefaßt, erregt*, рус. *спокойный, возбужденный, взволнованный*)

англ. *But I am calm* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс), *She was soothed ...* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс) /чувство спокойствия/; *Mr Vince was genuinely agitated* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс) /чувство возбужденности/

нем. *Er war ganz ruhig* (J.H.Маскау₁: Электрон. ресурс) /чувство спокойствия/; *Felder war maßlos erregt* (J.H.Маскау₁: Электрон. ресурс) /чувство возбужденности/

рус. *Лиза была спокойна по обыкновению* (И.С.Тургенев, 88) /чувство спокойствия/; *Больной сильно возбужден* (ТСРЯ, 90) /чувство возбужденности/

в) **отрицательные чувства** (позицию *Adj/Part II* занимают такие предикативы, как англ. *miserable, grieved, offended, hurt, anxious, lonely, lonesome, worried, alarmed, nervous, overwhelmed, disappointed, frustrated, irritated, annoyed, freaked, exasperated, afraid, aghast, frightened, ashamed, embarrassed*, нем. *traurig, gekränkt, beschämt, einsam, erschüttert, enttäuscht, empört, erzürnt, verlegen, unbehaglich, befangen*, рус. *несчастный, опечаленный, грустный, обиженный, обеспокоенный, злой, раздраженный, смущенный, опозоренный, пристыженный, одинокий, напуганный* и т.д.)

англ. *She is distressed* (L.M.Alcott: Электрон. ресурс) /душевное страдание/; *Mrs. March looked grave and grieved* (L.M.Alcott: Электрон. ресурс) /чувство печали/; *Sometimes I feel so darned lonely* (G.Greene, 84) /чувство одиночества/; *My client is very nervous, Clay* (J.Grisham, 103) /чувство беспокойства/; *Rachel felt frustrated* (D.Brown, 65) /чувство разочарования/; *Sally was really afraid now* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс) /чувство страха/; *Owen Bentley was feeling embarrassed* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс) /чувство стыда/

нем. *Ich war traurig und beschämt* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс) /чувство печали и стыда/; *Er fühlt sich schwer, tief gekränkt* (DDUW, 956) /чувство обиды/; *Sie war enttäuscht* (LGWDF, 284) /чувство разочарования/; *Frau Margarete Brigge war empört* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс) /чувство раздражения/; *Sie waren alle ein bißchen verlegen* (P.Süskind: Электрон. ресурс) /чувство стыда/

рус. *Кумаец был очень опечален* (В.К.Арсеньев: Электрон. ресурс) /чувство печали/, *Отец был бледен и смущен* (С.Т.Аксаков, 144) /чувство смущения/; *Зауер ... зол* (А.Беляев₂: Электрон. ресурс) /чувство раздражения/; *Бедный зверек был страшно напуган* (В.К.Арсеньев: Электрон. ресурс) /чувство страха/

Следует заметить, что в предложения, построенные по рассматриваемой модели, может быть включен еще один – факультативный – именной компонент, выражающий причину чувства, лицо или предмет, на которые направлено испытываемое партиципантом чувство. Само состояние при этом является эксплицитно каузированным. Анализ фактического материала показывает, что в английском, немецком и русском языках этот именной компонент сопровождается предлогом (англ. *with, at, by, about, of*, нем. *über, von, auf, im*, рус. *на*):

англ. *Elinor did feel a little ashamed of her brother* (J.Austen, 148) /чувство стыда/; *They are all worried about money* (J. Cheever, 42) /чувство беспокойства/

нем. *Ich bin entzückt über Ihr Angebot* (LGWDF, 285) /чувство радости/; *Sie war erhitzt vom Tanzen* (DDUW, 483) /чувство возбужденности/; *Er war besorgt um seinen Zögling* (J.H.Маскау₁: Электрон. ресурс) /чувство беспокойства/

рус. *Он сердит на сына* (ТСРЯ, 737) /чувство раздражения/

В русском языке такой именной компонент выражается формой творительного или дательного падежа без предлога: *Он ... был как будто чем-то обижен* (И.А.Бунин, 216) /чувство обиды/; *Она очень была сегодня тобою огорчена* (Ф.М.Достоевский, 551) /чувство горя/.

Структурной разновидностью модели $N - V_{link} - Adj/Part II$ является модель $N_1 - V_{link} - Adj/Part II - (prep) N_2$: в структуре таких предложений, описывающих

душевное состояние, при котором его носитель охвачен, обуян, переполнен каким-либо чувством, содержится составное именное сказуемое, которое конструируется глаголом-связкой и прилагательным/причастием прошедшего времени, а также предложным или беспредложным субстантивом, называющим конкретное душевное состояние.

Английские предложения включают в качестве предикатива содержат либо прилагательное *full*, либо причастие II глаголов *fill*, *overcome*, *overwhelm* и субстантивный компонент с предлогом *of*, *by/with*: *I'm so full of happiness* (L.M.Alcott: Электрон. ресурс) /чувство счастья/; *He is overcome with grief* (Multilex: Электрон. ресурс) /чувство печали/; *She was filled with horror and dismay, bitter anger, remorse for her callous indifference to George's death* (W.S.Maugham₂: Электрон. ресурс) /чувство страха, раздражения, раскаяния/.

Для немецкого языка характерно употребление таких причастий, как *erfaßt*, *erfüllt*, *überkam* и субстантивного компонента с предлогом *von*: *Er ist von der Freude erfaßt* (Lingvo: Электрон. ресурс).

В русском языке в качестве предикатива выступают краткие страдательные причастия прошедшего времени на *-н/-ен/-т*: *переполнен*, *охвачен*, *обуян*. Наименование ощущения выражается существительным в творительном падеже без предлога. В некоторых случаях имеет место метонимический перенос: экспериенсив представлен существительным *душа*: *Душа ее была переполнена счастьем* (Л.Н.Толстой₁, 51).

2. **(Es) – be_{link} – Adj – N**. Модель с формальным подлежащим *es* встречается в немецком языке (возможна и модель без *es* и с измененным порядком слов – **N – be_{link} – Adj**): *Ihm war froh* (НРРНС, 166) /чувство радости/; *Mir ist traurig zumute* (НРРНС, 540) /чувство печали/, *Mir ist bänglich zumute* (НРРНС, 64).

3. В русском языке отмечено употребление аффективной модели для выражения чувств партиципанта, где именной компонент – существительное или местоимение – представляющий экспериенса, имеет форму дательного падежа:

$N - be_{link-imp} - Adj_{pred}$. В данную структурную схему входят также глагол-связка (*быть*) и предикативное прилагательное: *Ей так легко и спокойно было* (Л.Н.Толстой₁, 113) /чувство спокойствия/; *Мне очень грустно* (Ф.М.Достоевский, 716) /чувство печали/; *Мне, право, даже страшно* (И.С.Тургенев, 88) /чувство страха/.

Предложения рассматриваемой модели, описывающие чувственные состояния, допускают распространение именным компонентом, представляющим лицо или предмет, вызывающий чувство в партиципante-экспериенсиве. Этот именной компонент сопровождается предлогом (например, *за, из-за, по причине*): *Ему было неловко за свою слабость, стыдно за слезы ...* (М.А.Шолохов, 525), *Ей стыдно было за те самые заплатки и заштопанные места ...* (Л.Н.Толстой₂, 186).

4. $N - V - Pr_{refl} - Adv$. Это – предложения, в составе которых – глаголы с возвратными местоимениями и наречия, описывающие то или иное чувство. Возвратное местоимение указывает на самого партиципante-экспериенсива, иными словами – на обращенность состояния на его носителя, на замкнутость состояния. Носитель состояния выражен существительным или местоимением в именительном падеже. Подобные предложения мы находим в русском языке: *Он ... чувствовал себя тревожно, неловко* (М.А.Шолохов, 258) /чувство беспокойства и стыда/. Важно отметить функциональную синонимию рассматриваемой модели и аффективной модели с дательным субъекта $N - be_{link-imp} - Adj_{pred}$, имеющую место в русском языке: *В большом городе он чувствовал себя одиноко* (ТСРЯ, 457) и *Да, вам, верно, очень одиноко* (И.А.Бунин, 391).

5. $N_1 - V - N_2$. В предложения, основанные на этой трехкомпонентной модели, входят глаголы ощущения (англ. *feel, have, undergo, suffer*, нем. *fühlen, empfinden, haben*, рус. *испытывать, ощущать, чувствовать*) и два именных компонента, первый из которых обозначает лицо – носителя состояния, а второе представлено абстрактным существительным, называющим то или иное чувство.

а) **положительные чувства** (позицию N_2 занимают такие существительные,

как англ. *satisfaction, joy, delight*, нем. *Zufriedenheit, Freude, Seligkeit*, рус. *удовольствие, наслаждение, восторг, облегчение*)

англ. *I felt an inward satisfaction* (Ch.Bronte: Электрон. ресурс) /чувство удовольствия/; *He experiences joy* (Multilex: Электрон. ресурс) /чувство радости/

нем. *So empfand Aschenbach eine dunkle Zufriedenheit ...* (Th.Mann: Электрон. ресурс) /чувство удовольствия-удовлетворения/; *Sie ... hatten dann große Freude* (J.Gotthelf: Электрон. ресурс) /чувство радости/

рус. *Панишин чувствовал полное удовольствие* (И.С.Тургенев, 130-131) /чувство удовольствия/; *Она [Китти] испытывала восторг* (Л.Н.Толстой₁, 51) /чувство радости/; ... *но вместе с тем она [Варенька] испытывала и чувство облегчения* (Л.Н.Толстой₂, 134) /чувство облегчения/

б) чувственно-нейтральные состояния

англ. *During the whole of this time, Scrooge ... underwent the strangest agitation* (Ch. Dickens: Электрон. ресурс) /чувство возбужденности /

в) **отрицательные чувства** (позицию N_2 занимают такие существительные, как англ. *shame, disillusionment, disappointment*, нем. *Kummer, Unruhe, Angst, Schmach*, рус. *беспокойство, волнение, тоска, страх, стыд, смущение*)

англ. *During the fifteen minutes that followed, the proud and sensitive little girl suffered a shame and pain* (L.M.Alcott: Электрон. ресурс) /чувство стыда/; *Rachel felt a gnawing disillusionment* (D.Brown, 158) /чувство разочарования/

нем. ... *dann fühlte er Kummer und Unruhe* (Th.Mann: Электрон. ресурс) /чувство горя и беспокойства/; *Aber er hatte Angst, richtige Angst* (J.H.Maskau₁: Электрон. ресурс) /чувство страха/

рус. *Я ... чувствовал внутреннее беспокойство* (С.Т.Аксаков, 233) /чувство беспокойства/; *И все время я испытывал чувство страха и стыда* (А.Беляев₁: Электрон. ресурс) /чувство страха и стыда/

6. $N - V$. В данной модели имя-носитель экспериенциального состояния сочетается с личным неопределённым непереходным глаголом, выражающим

чувства удовольствия, печали, горя, беспокойства, раздражения и нек. др.:

англ. *I suffered immensely* (O.Wilde, 209) /душевное страдание/; *I'd be worrying all the time* (K.Mansfield: Электрон. ресурс) /чувство беспокойства/

нем. *So litt ... Christine manchen langen Tag und manche lange Nacht* (J.Gotthelf: Электрон. ресурс) /душевное страдание/

рус. *Миссис страдала больше всех* (И.А.Бунин, 232) /душевное страдание/; *Я грустил* (С.Т.Аксаков, 233) /чувство печали/; *Алеша ... и досадовал еще более* (Ф.М.Достоевский, 57) /чувство раздражения/

Следует также отметить присутствие факультативного именного компонента в данной схеме, выражающего либо причину состояния, либо предмет или лицо, на которые направлено чувство:

англ. *Gossett was worrying about the telegrams* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс) /чувство беспокойства/

рус. *Сперва братья переживали за свою Глашу* (А.И.Приставкин, 131) /чувство беспокойства/

7. $N - V_{refl}$ – модель, в составе которой – имя в номинативе, обозначающее партиципанта, переживающее данное чувство, и неопределенный непереходный возвратный глагол. Состояние субъекта здесь замыкается на нем самом. В русском языке семантический предикат воплощается в глаголах *сердиться, беспокоиться, волноваться, тревожиться, мучиться, томиться* и др. Для немецких предложений характерно присутствие таких возвратных глаголов, как *sich freuen, sich empören, sich aufregen, sich beunruhigen, sich sorgen, sich schämen, sich quälen*:

рус. *Маменька, ... вы все сердитесь* (С.Т.Аксаков, 154) /чувство раздражения/; *Я тоже боюсь* (А.И.Приставкин, 79) /чувство страха/

нем. *Er ärgerte sich* (P.Süskind: Электрон. ресурс) /чувство раздражения/; *Ich fürchte mich* (M. Rilke: Электрон. ресурс) /чувство страха/

В английском языке использование данной модели для выражения чувств партиципанта не выявлено.

Компонент N в двух описанных выше структурных схемах, как отмечает Л.М.Васильев, может быть представлен неодушевленными существительными, выступающими метонимическими субститутами одушевленных (например, *душа, сердце*): *Душа моя страдает* [Васильев 1981, 101], *Сердце радуется!* (С.Т.Аксаков, 35).

В данную ядерную модель может входить дополнительный компонент, указывающий либо на причину состояния, либо на лицо или предмет, на который направлено чувство. Этот именной компонент часто сопровождается предлогом:

нем. *Der Lehrer ärgerte sich über seine frechen Schüler* (LGWDF, 68) /чувство раздражения/; *Ich schäme mich für meine Worte* (НРРНС, 845) /чувство стыда/

рус. *Она сердится из-за пустяков* (ТСРЯ, 737), *Он ... сердился на мальчиков* (А. П. Чехов, 316), /чувство раздражения/; *Сильно я тревожился также о матери* (С.Т.Аксаков, 123) /чувство беспокойства/

В русском языке факультативный компонент может быть представлен формой родительного падежа: ... *я вас не стыжусь* (Ф.М.Достоевский, 539).

8. $N_1 - V_{link} - prep N_2$. Состояние-чувство, как показывает анализ фактического материала, можно выразить предложением, в составе которого два именных компонента, первый из которых называет экспериенсива, а второй входит в предложно-именное сочетание (англ. *in a rapture, on the boil, in despair, in anguish, in shock, in a huff, out of place*, рус. *в восторге, в возбуждении, в отчаянии, в унынии, в беспокойстве, в волнении, в страхе, в тоске*). В глагольной позиции встречаются такие глаголы, как англ. *be, feel*, рус. *быть* и выполняющие роль связки полнозначные глаголы *находиться, пребывать*:

англ. *I was in a rapture all the way* (L.M.Alcott: Электрон. ресурс) /чувство радости/; *My father was in despair* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс) /чувство горя/; *She was in anguish over her missing child* (LDCE, 32) /душевное страдание/; *I was still in shock* (J.Smiley, 186) /чувство потрясения/

В русском языке компонент N_2 выражен формой предложного падежа: *Еще*

утром сегодня она [Аня] была в восторге (А. П. Чехов, 313) /чувство радости/;
Первое время ... Дарья Александровна была в отчаянии (Л.Н.Толстой₁, 266)
 /чувство горя/; *Но, несмотря на это, мать всю эту зиму находилась в страшном
 беспокойстве и волнении* (Л.Н. Толстой₁, 47) /чувство беспокойства/, *Он [Иван
 Федорович] был в страшной тоске* (Ф.М.Достоевский, 585) /чувство тоски/.

Предложно-именное сочетание может включать в себя имя-классификатор, например, англ. *state*, рус. *состояние*: англ. *He is in a highly wrought-up state* (Multilex: Электрон. ресурс), *She was in a state of fuss* (Multilex: Электрон. ресурс) /чувство возбужденности/; рус. *Все это время, до отъезда матери, я находился в тревожном состоянии* (С.Т.Аксаков, 59) /чувство беспокойства/.

2.2.1.2. Состояние эмоционального отношения

Состояние эмоционального отношения представляет собой, с одной стороны, чувство, испытываемое партиципантом, а с другой – его отношение к другому партиципанту посредством этого чувства (как известно, чувствами определяется отношение человека к окружающему миру). Такие положения вещей, как и предикаты, которые их выражают, называют несобственно релятивными [Гайсина 1981, 58] и относят к классу эмоциональной «связи» [Селиверстова 1982, 143]. Семантическая модель предложений этой семантики включает в себя три компонента: *Exp – state_{emot} – P / O*, где *P* – одушевленный партиципант-пациентив, а *O* – неодушевленный партиципант-объектив, являющиеся объектами данного вида состояний.

В группе эмоциональных отношений оказываются следующие чувства:

а) положительные чувства

- **симпатия** – чувство доброжелательства, внутреннее расположение к кому-либо (человеческому существу или животному), основой которого является удовольствие, например, от общения ним;

- **любовь** – чувство глубокой привязанности, эмоционально-духовной

устремленности одушевленного партиципанта на другое лицо (а также на предмет, идею или явление), сердечного влечения, а также пристрастие по отношению к кому-либо или чему-либо, чувство расположения к кому-либо или чему-либо. В эту группу резонно включить такие чувства, как *привязанность*, *обожание*, *страсть*;

- **жалость** – чувство сострадания, вызываемое чьим-нибудь несчастьем, страданием, переживание по поводу чувств другого человека или животного. Ближе к жалости *сочувствие* – участливое отношение к несчастьям других;

- **уважение** – чувство, почтительное отношение, возникающее в результате высокой оценки достоинств другого лица. Уважение является зонтиковым понятием для целого ряда чувств – от легкого почтения до благоговения [Лук 1972, 75];

- **благодарность** – такое состояние партиципанта, при котором он чувствует к кому-то признательность за оказанное добро, услугу, внимание;

- **гордость** – чувство глубокого удовлетворения, удовольствия от кого- или чего-либо (лица, предмета, качества, события), например, от того, что партиципант сделал, причем часто достижение этого успеха потребовало значительных усилий.

б) отрицательные чувства

- **неприязнь** – чувство, противоположное симпатии, антипатия, недружелюбие, недоброжелательность по отношению к кому-либо, а также *отвращение* – крайне неприятное чувство по отношению к кому- или чему-либо;

- **ненависть** – чувство, противоположное любви, чувство сильной враждебности, нерасположения, злобы по отношению к кому- или чему-либо. Различают также *презрение* как глубоко пренебрежительное отношение к кому- или чему-либо из-за сознания собственного превосходства;

- **ревность** – чувство мучительного сомнения, неуверенности в чьей-либо любви, верности;

- **зависть** – чувство недовольства, возмущения, досады, вызванное успехом, благополучием, владениями, возможностями другого, особенно на фоне своих неудач;

- **боязнь** – чувство страха, беспокойства перед кем- или чем-либо [ТСРЯ 1993, 56].

В отдельную группу эмоциональных отношений выделяется **безразличие** – равнодушие, безучастное отношение к кому-чему-нибудь [ТСРЯ 1993, 40], состояние, при котором основные влечения партиципанта остаются незатронутыми.

Положения дел эмоционального отношения имеют следующие формально-структурные реализации в предложении:

1. $N_1 - V - N_2$. Трехчленная семантическая модель воплощается в трехкомпонентной структурной модели, где первый именной компонент которой обозначает лицо, находящееся в некотором состоянии, а второй – объект этого эмоционального отношения. Семантический предикат получает выражение в таких неопределенных, переходных глаголах, как англ. *like, love, adore, worship, hate, loathe, despise, detest, abhor, respect, revere, esteem, venerate, pity, feel for, commiserate with, fear, dread*, нем. *lieben, mögen, vergöttern, anbeten, mitfühlen, mitempfinden, achten, ehren, schätzen, hassen, verachten, bemitleiden, bedauern, fürchten*, рус. *любить, обожать, уважать, почитать, ненавидеть, презирать, жалеть* и др. Предикаты состояния, выражаемые подобными глаголами имеют стативный непроцессуальный характер: они не описывают процесс, протекающий во времени. Этим и объясняется невозможность их употребления в английском языке в форме Continuous.

Именованная пациентива или объектива, соответственно, занимают позицию прямого дополнения. В русском и немецком языках существительные и местоимения, в которых воплощается пациентив или объектив, употребляются в винительном падеже.

а) положительные чувства

англ. *I love Miss Jane Tuxton* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс), *The Van Horns worshiped money ...* (J.Grisham, 54) /чувство любви/; *I respect you with all my heart* (L.M.Alcott: Электрон. ресурс) /чувство уважения/

нем. *Vor allem liebte sie der hochberühmte Friedrich Barbarossa* (A. von Arnim: Электрон. ресурс), *Er mag gern Eis* (НРРНС, 279) /чувство любви/; *Mein Vater schätzte ihn [den Graf]* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс) /чувство уважения/; *Ich bedauere ihn* (Lingvo: Электрон. ресурс) /чувство жалости/

рус. *Автоматчики роты по-своему тоже любили девушку* (В.Быков: Электрон. ресурс), *Отец уважал труды крестьян* (С.Т.Аксаков, 164) /чувство уважения/; *Шоферу Веру ребята жалели ...* (А.И.Приставкин, 149) /чувство жалости/

б) отрицательные чувства

англ. *I do not like crooked, twisted, blasted trees* (J.Austen, 64) /чувство неприязни/; *I loathe the filthy natives* (W.S.Maugham₁, 62) /чувство ненависти/; *How I envy you* (LDCE, 340) /чувство зависти/; *I feared them* (J.Smiley, 229) /чувство боязни/

нем. *Anna haßte diese Tanzweise* (A. von Arnim: Электрон. ресурс), *Der Herr verachtet den Knecht, und der Knecht haßt den Herrn* (J.H.Маскау₂: Электрон. ресурс) /чувство ненависти/; *Den Mann fürchteten sie [Christine] am meisten* (J. Gotthelf: Электрон. ресурс) /чувство боязни/

рус. *Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна* (Ф.М.Достоевский, 212), *Патриот очень уж презирал своих сограждан* (И.С.Тургенев, 36) /чувство ненависти/

В русском языке глагольную позицию также заполняют непереходные глаголы (такие, как *симпатизировать, сочувствовать, завидовать*), второйменной компонент при этом употребляется в форме дательного падежа: ... *отец сочувствовал мне больше* (С.Т.Аксаков, 211) /сочувствие/; *Сверх того, Глафира*

завидовала брату (И.С.Тургенев, 27) /чувство зависти/.

2. $N_1 - V - prep N_2$. Рассматриваемая структурная схема отличается характером глагола – здесь употребляются непереходные глаголы, а существительные и местоимения, служащие косвенными дополнениями, сопровождаются предлогами. Эмоциональное отношение выражается такими глаголами, как англ. *sympathize, ache*, нем. *sympathisieren, bangen*, рус. *благоговеть* и др.:

англ. *She sympathizes with poor Mary* (Multilex: Электрон. ресурс), *She ached for the hurt little dog* (Multilex: Электрон. ресурс) /чувство жалости/

нем. *Die Kinder bangten nach der Mutter* (DDUW, 231) /чувство боязни/

рус. *Смуров, разумеется, благоговел пред Колей Красоткиным* (Ф.М.Достоевский, 488) /чувство уважения/

3. $N_1 - V_{refl} - (prep) N_2$. В предложениях этого типа употребляются такие возвратные глаголы, как англ. *pride oneself, pique oneself, preen oneself*, нем. *sich fürchten, sich hüten*, рус. *гордиться, бояться, опасаться, страшиться, сомневаться*. В русских предложениях компонент N_2 имеет форму родительного или творительного падежа, в немецком – форму дательного падежа с предлогом, в английском он употребляется в форме общего падежа с предлогом:

рус. *Отец гордился им [Федей]* (И.С.Тургенев, 38) /чувство гордости/; *Ты науков боишься* (Л.Н.Толстой₁, 44) /чувство боязни/

нем. *Sie fürchtete sich vor ihm* (J.H.Маскау₂: Электрон. ресурс) /чувство боязни/

англ. *Your father ... prides himself on his business ability* (W.S.Maugham₂: Электрон. ресурс), /чувство гордости/

4. $N_1 - V - N_2 - prep N_3$. Модель образуется глаголом (например, англ. *feel, cherish, have*, нем. *fühlen, empfinden*, рус. *чувствовать, испытывать, питать* и др.), открывающим места для трех именных компонентов: N_1 является выражением экспериенса, N_2 представлен отвлеченным существительным со

значением положительного или отрицательного эмоционального отношения к кому- или чему-либо (в русском и немецком языках оно употребляется в винительном падеже), третий именной компонент – предложное сочетание, обозначающее лицо или неодушевленный предмет, по отношению к которому некий партиципant испытывает чувство. Компонент N_2 представлен такими существительными, как англ. *pity, compassion, sorrow, sympathy, love, fondness, respect, reverence, pride, hatred, aversion, disgust, repulsion*; нем. *Mitleid, Mitgefühl, Teilnahme, Liebe, Achtung, Anbetung, Stolz, Ekel, Abscheu, Haß, Verachtung*; рус. *жалость, сочувствие, сострадание, любовь, уважение, гордость, безразличие, равнодушие, неприязнь, ненависть, отвращение, презрение* и др. Компонент N_3 – выражение лица или предмета, к которому испытывается чувство, сопровождается предлогами: англ. *to, towards, for, of, in*, нем. *für, mit, gegen, von*, рус. к:

а) положительные чувства

англ. *She felt a great pity for the kind, unselfish creature* (W.S.Maugham₂: Электрон. ресурс) /чувство жалости/; *Henry always had a fondness for "the old actor"* (E.Terry: Электрон. ресурс) /чувство любви/

нем. *Sie hat Mitleid mit dir* (A.Achleitner: Электрон. ресурс) /чувство жалости/; *Ich empfand eine ungestüme Sympathie für die Erwachsenen* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс) /чувство симпатии/

рус. *Кити, как это часто бывает, испытывала необъяснимую симпатию к этой т-ле Вареньке* (Л.Н.Толстой₁, 219) /чувство симпатии/, ... он [Левин] имел большое уважение к своему, известному всей России, одноутробному брату писателю ... (Л.Н.Толстой₁, 20) /чувство уважения/

б) отрицательные чувства

англ. *She has a dislike of / for cats* (LDCE, 293) /чувство неприязни/; *An Indian servant, ..., for some reason or other, has a deadly hatred for the whole family* (E.Terry: Электрон. ресурс) /чувство ненависти/; *I have a great fear of spiders* (LDCE, 372) /чувство боязни/

нем. *Ich habe eine Abneigung gegen ihn* (Lingvo: Электрон. ресурс) /чувство неприязни/; *Ja, er empfand Zephyrs schmerzenden Neid auf den Nebenbuhler* (Th.Mann: Электрон. ресурс) /чувство зависти/

рус. *Иван Федорович давно уже чувствовал страшную к нему ненависть* (Ф.М.Достоевский, 576) /чувство ненависти/; *В такие минуты Яков Лукич испытывал к нему еще больший страх и невольное уважение* (М.А.Шолохов, 127) /чувство боязни и уважения/

Модель $N_1 - V - N_2 - prep N_3$ может иметь и другое лексико-грамматическое наполнение: глагольная позиция заполняется в русском языке возвратным глаголом *относиться*, в английском языке – *treat, hold, regard* и нек. др. Первый именной компонент формальной структуры соответствует экспериенсиву, второй именной компонент соответствует пациентиву или объективу, а третий именной компонент представлен абстрактным существительным с предлогом (англ. *with*, рус. *с*), называющим чувство одушевленного партиципанта к другому партиципantu:

англ. *She treated her, therefore, with all the indulgent fondness of a parent towards a favourite child on the last day of its holidays* (J.Austen, 127) /чувство любви/

рус. *Он [Давыдов] относился к ней с плохо скрываемой неприязнью* (М.А.Шолохов, 79) /чувство неприязни/

5. $N_1 - V - Adv - (prep) N_2$ – модель, характерная для русского и английского языков, в которой эмоциональное отношение находит выражение в сочетании русского возвратного глагола *относиться* и английского глагола *treat* с наречием, являющимся в данной модели обязательным компонентом и уточняющим род отношения одного партиципанта к другому. Компонент N_2 сопровождается при этом предлогом *к*: *Анна Михайловна ... всегда безразлично относилась к Кузьменьшам* (А.И.Приставкин, 51) /чувство безразличия/.

Между рассматриваемой моделью и предыдущей моделью ($N_1 - V_{refl} - N_2 - prep N_3$) в русском языке наблюдается отношение функциональной синонимии:

Они [иманские китайцы] относились к нам крайне враждебно (В.К.Арсеньев: Электрон. ресурс) и Они относились к нам с враждебностью. Английские модели $N_1 - V - Adv - (prep) N_2$ и $N_1 - V - N_2 - prep N_3$ также являются синонимичными: *He treated her reverently* и *He treated her with reverence*.

6. $N_1 - V_{link} - Adj/Part II - (prep) N_2$, где компонент N_1 обозначает одушевленного партиципанта, компонент N_2 – лицо, предмет или событие, по отношению к которому испытывается чувство, а состояние партиципанта воплощается в сочетании глагола-связки и прилагательного или причастия (англ. *sorry, fond, proud, grateful, obliged, jealous, envious, afraid, half-hearted, indifferent*, нем. *verliebt, stolz, dankbar, eifersüchtig, futterneidisch, kalt, gleichgültig*, рус. *влюбленный, гордый, благодарный, признательный, безучастный*). Для русского языка характерно употребление в позиции N_2 для выражения пассива и объектива – имени в форме косвенного падежа, для английского языка – имени с предлогом, для немецкого языка – имени в косвенном падеже с предлогом:

а) положительные чувства

англ. *Uncle Dick's fond of the parrot* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс) /чувство любви/, *Lucy was very proud of her brother* (W.S.Maugham₂: Электрон. ресурс) /чувство гордости/, *He felt ... almost grateful, to Violet* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс) /чувство благодарности/

нем. *Er ist in sie bis über die Ohren verliebt* (Lingvo: Электрон. ресурс) /чувство любви/, *Er war jetzt direkt stolz auf sich* (P.Süskind: Электрон. ресурс) /чувство гордости/, *Ich bin dir sehr dankbar* (НРРНС, 491) /чувство благодарности/

рус. *Этот Дарданелов, человек холостой и не старый, был страстно и уже многолетне влюблен в госпожу Красоткину* (Ф.М.Достоевский, 479), /чувство любви/, *Она была благодарна ему* (В.Быков: Электрон. ресурс) /чувство благодарности/

Предложения, выражающие значение благодарности, могут получать распространение именным компонентом, обозначающим то, за что один

партиципant чувствует благодарность к другому: англ. *I am much obliged to you for your advice* (H.James₁: Электрон. ресурс) /чувство благодарности/.

б) отрицательные чувства

англ. *Ann has got a very nice job – I'm envious of her* (LDCE, 564) /чувство зависти/, *He's deathly afraid of wasps and hornets* (J.Smiley, 123) /чувство боязни/

нем. *Er ... war eifersüchtig auf sie* (J.H.Mackay₁: Электрон. ресурс) /чувство ревности/, *Sie waren auch nicht eifersüchtig oder futterneidisch auf ihn* (P.Süskind: Электрон. ресурс) /чувство зависти/

в) чувство безразличия

англ. *He was rather half-hearted about the idea* (Multilex: Электрон. ресурс), ... *she is indifferent to the future* (J.K.Jerome₁: Электрон. ресурс)

нем. *Sie ... war gegen ihn so kalt und gleichgültig ...* (L. Tieck: Электрон. ресурс)

рус. *Но Оскар был безучастен ко всему* (А.Беляев₁: Электрон. ресурс)

Данная модель входит в синонимический ряд наряду с моделями $N_1 - V - N_2$ – *prep* N_3 и $N_1 - V - prep$ N_2 : например, *I feel very sympathetic toward you* (Multilex: Электрон. ресурс), *She had a sneaking sympathy for the rascal* (Multilex: Электрон. ресурс) и *In his heart he rather sympathized with Constable Cobb* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс).

Отмечена также структурная разновидность модели $N_1 - V_{link} - Adj/Part II - (prep) N_2$, которую можно представить следующей формулой: $N_1 - be_{link} - Part II - prep N_2 - prep N_3$. Роль сказуемого в предложениях выполняет глагол-связка и причастие (англ. *filled*, нем. *erfüllt* и нек. др.). При этом партиципant охвачен чувством, и переживание чувства характеризуется интенсивностью:

англ. *At the same time he was filled with a great tenderness for Nan* (I. Murdoch, 106) /чувство нежности/

нем. *Er war so erfüllt von Ekel, Ekel vor der Welt und vor sich selbst* (P.Süskind: Электрон. ресурс) /чувство ненависти/

7. $N_1 - be_{link} - prep N_2 - prep N_3$. Модель, характерная для английского языка, с тремя именными компонентами, один из которых служит языковым выражением семантической роли экспериенсива, второй – названием переживаемого чувства, употребляемым с предлогом, третий – имя лица, по отношению к которому первый партиципant испытывает чувство, с предлогом: *He was in love with Miss Carter* (I.Murdoch, 107) /чувство любви/; *I was still ... in awe of Henry Irving personally* (E.Terry: Электрон. ресурс) /чувство уважения и боязни/. В некоторых случаях компонент $prep N_3$ может быть опущен, и в предложении выражается лишь эмоциональное состояние партиципанта: *Jerry Moore is in love!* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс) /чувство любви/.

8. $N_1 - be_{link-imp} - Adj_{pred} - N_2$. В русском языке примерами предложений, построенных на основе этой модели, являются: *Но мне жалко тебя, Марго* (М.А.Булгаков, 518). Характерным для подобных предложений является употребление имени экспериенсива в форме дательного падежа, пациентива (или объектива) – в форме винительного падежа и глагола-связки *быть*, не согласованного с компонентом N_1 , и предикативного стативного прилагательного.

9. В русском и немецком языках существует конверсивная по отношению к модели $N_1 - V - N_2$ конструкция $N_1 - V_{(refl)} - N_2$, имеющая следующее грамматическое наполнение: глагольный компонент схемы представлен немецкими непереходными глаголами *gefallen*, *imponieren*, русскими непереходными глаголами *нравиться* (возвратный), *импонировать*, *претить*, обладающими особыми морфологическими и синтаксическими свойствами, имя N_1 в форме косвенного – дательного – падежа представляет экспериенсива, а имя N_2 в форме именительного падежа выражает одушевленного или неодушевленного партиципанта, который непроизвольно располагает к себе или приходится по вкусу, так что у партиципанта, обозначенного N_1 , по отношению к нему соответствующее чувство. Можно заключить, что исходным в данном случае является предмет, обозначенный N_2 :

рус. *Мне нравятся блондины плотного телосложения* (Cosmopolitan, 266),
*Но, против своей воли, он здесь, у себя дома, еще более импонировал ей, чем
 прежде* (Л.Н.Толстой₂, 191) /чувство симпатии/, [Я] ... *претил вам прежде*
 (Ф.М.Достоевский, 271) /чувство неприязни/

нем. *Dem Bürgermeister gefiel seine gute Bildung, sein freundliches Auge, noch
 mehr seine Handschrift* (A. von Arnim: Электрон. ресурс) /чувство симпатии/ (ср.:
Ich liebte dich so sehr (J.F. von Eichendorff: Электрон. ресурс) с направлением
 эмоционального отношения от экспериенсива к пациентиву/объективу)

В английском языке значение симпатии, неприязни выражается лишь
 действительной конструкцией с именем, обозначающим экспериенсива, в форме
 общего падежа.

Исследование показывает, что предложения с семантикой эмоционального
 отношения выражают переживание одушевленным партиципантом чувства,
 которое обусловлено отношением его к другому партиципанту (одушевленному
 или неодушевленному). Таким образом, эти предложения находятся на стыке
 семантических областей состояния и отношения, что подтверждается
 возможностью их перефразирования с использованием а) глаголов *испытывать*,
чувствовать (*Иван жалеет Марию – Иван испытывает к Марии жалость, John
 admires Mary – John feels admiration for Mary*), б) глагола *относиться* (*Иван
 жалеет Марию – Иван относится к Марии с жалостью, John admires Mary –
 John treats Mary with admiration*). Результаты анализа предложений
 свидетельствуют о том, что компоненты «чувство» и «отношение», слитые
 воедино в семантическом предикате, в структуре предложения находят как
 синкретное, так и дискретное выражение: *I admire his honesty* (Lingvo: Электрон.
 ресурс) и *I have always regarded him with the greatest admiration* (LDCE, 874).

2.2.2. Ментальное состояние

Ментальные состояния представляют собой состояния ума, охватывают

интеллектуальную сферу одушевленного участника. Утверждается, что трудно найти чистое умственное состояние, так как в таком психическом состоянии очень часто присутствуют эмоциональные и волевые компоненты, однако существование умственных состояний, влияющих на познавательную деятельность и выражающих ее, не вызывает сомнений [Левитов 1964, 68].

Состояние ума одушевленного участника определяется как состояние его сознания. Рассматриваемое положение дел может включать в себя либо одного участника, либо двух участников. Поэтому семантическая структура предложений, описывающих это положение дел, включает в себя одного или двух семантических актантов. Семантические модели предложений с семантикой умственного состояния имеют следующий вид:

Exp – state_{ment}

Exp – state_{ment} – P и *Exp – state_{ment} – O*.

В группу состояний ума следует включить так называемые «интеллектуальные чувства» [Левитов 1964, 69], состояние рассудка, состояния, связанные с вниманием, а также понимание, знание, память.

I. Интеллектуальные чувства – это такие умственные состояния, которые являются неотъемлемой стороной познавательной деятельности, затрагивают ментальную сферу человека, его отношение к истинному, ложному, удивительному, понятному или непонятному и в которых немаловажную роль играют и эмоциональные компоненты. Подобно эмоциональным состояниям-чувствам, интеллектуальные чувства бывают имманентными и релятивными, затрагивают либо одного участника, либо двух участников, связанных чувством-отношением. К интеллектуальным чувствам отнесем:

- **заинтересованность** – состояние, которое характеризуется наличием особого – увлеченного – внимания, интереса к кому- или чему-либо, желанием «вникнуть в суть, узнать, понять» [ТСРЯ 1993, 254], сознанием значимости интересующего предмета [Левитов 1964, 74] и приятным эмоциональным

переживанием;

- **любопытство** – достаточно непродолжительное психическое состояние, стремление узнать что-то новое, проникнуть в неизведанную данным партиципантом область, ориентироваться в ситуации. Любопытство может, кроме того, характеризоваться навязчивостью;

- **вина** – чувство, в основе которого осознание своего проступка. Ближе к нему находится *угрызение совести* – сложное чувство, в основе которого лежит осознание вины и *раскаяние* в содеянном – мучительное чувство признания своей вины, сожаления по поводу своего поступка, совмещенное с осуждением своего поведения;

- **озадаченность** – состояние умственного замешательства, вызываемое чем-то необычным и неожиданным и характеризуемое непониманием чего-либо, сознанием бессилия перед некоторой задачей, дезорганизацией умственной деятельности;

- **растерянность** – чувство беспомощности от волнения, потрясения, проявляющееся в неустойчивости внимания и суетливости. Разновидностью данного интеллектуального чувства является *смятение* – паническая растерянность;

- **удивление** – такое ментальное состояние одушевленного партиципанта, при котором он переживает впечатление, чувство, потрясение, причиной которого стало нечто неожиданное, непонятное или странное, несоответствие реального и ожидаемого положений дел. В данный разряд состояний входят также *изумление* (состояние крайнего удивления), *ошеломление* (внезапно наступающее состояние сильного удивления, озадаченности);

- **недоумение** – состояние сомнения, колебания, а также удивления и сожаления вследствие невозможности понять, в чем дело [ТСРЯ 1993, 415]. Недоумение – мучительное непонимание ситуации и своего состояния, которое представляется необычным и сопровождается тревогой, страхом. Рассудочный

компонент в нем преобладает над эмоциональным;

- **доверие** – чувство уверенности в чьей-либо добросовестности, правдивости, искренности [ТСРЯ 1993, 172];

- **недоверие** – безотчетное чувство, в основе которого лежит сомнение в искренности, правдивости, подозрение о враждебных намерениях другого лица;

- **вера** – состояние ума, подразумевающее убежденность в чем-либо, прочно сложившееся мнение о ком- или чем-либо, уверенность в истинности, существовании кого- или чего-либо;

- **надежда** – сложное ментальное чувство, переживаемое человеком, ожидающим что-либо, что может принести успех, обеспечить положительный благоприятный исход чего-либо. В этом состоянии психики ментальный компонент находится в вершине, в то время как эмоциональный компонент занимает периферийное место;

- **убежденность** – уверенность в истинности, твердая вера в кого- или что-либо, прочно сложившееся мнение касательно чего-либо;

- **сомнение** – сложное состояние психики человека, которое характеризуется неуверенностью в истинности чего-либо, раздумьем о правильности чего-либо, сознанием неубедительности, неприятным переживанием неудовлетворенности [Левитов 1964, 92];

- **умственное напряжение** – такое психическое состояние, которое предполагает сознание трудности, повышенную сосредоточенность умственных сил и может быть либо приятным, либо неприятным;

- **скука** – пассивное психическое состояние, характеризующееся понижением интереса, внимания к действительности [Левитов 1964, 88], «томлением от отсутствия дела» [ТСРЯ 1993, 751], сознанием ненужности и неинтересности того, с чем партиципant имеет дело.

Семантика ментальных чувств репрезентируются следующими моделями предложений:

1) $N - V_{link} - Adj/Part II$. Модель с одним именным компонентом и называющим конкретное состояние адъективным компонентом в сочетании с копулятивным глаголом (англ. *be, feel, seem, look*, нем. *sein, sich fühlen*, рус. *быть, чувствовать себя* и др.). В роли предикатива встречаются такие прилагательные и причастия, как англ. *interested, curious, guilty, baffled, mystified, adrift, abashed, lost, surprised, bored, flat*, нем. *neugierig, schuld, bestürzt, verwirrt, irre, erstaunt, verblüfft, erschüttert*, рус. *заинтересованный, виноватый, озадаченный, сбитый с толку, удивленный*:

англ. *Mr Prosser seemed genuinely interested* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс) /чувство заинтересованности/, *The lawyer and cops were curious* (J.Grisham, 7) /чувство любопытства/, *Vanderbank felt almost guilty* (H.James₂: Электрон. ресурс) /чувство вины/, *The geologists were baffled* (D.Brown, 13) /чувство озадаченности/, *Now Rachel felt lost* (D.Brown, 60) /чувство растерянности/, *Demoyte seemed taken aback for a moment* (I. Murdoch, 22) /чувство удивления/

нем. *Er war ganz einfach neugierig* (P.Süskind: Электрон. ресурс) /чувство любопытства/, *Ich bin schuld* (Lingvo: Электрон. ресурс) /чувство вины/, *Er war erst fast bestürzt* (J.H.Маскау₁: Электрон. ресурс) /чувство озадаченности/, *Felder war ganz verwirrt* (J.H.Маскау₁: Электрон. ресурс) /чувство растерянности/, *Felder war ganz verblüfft* (J.H.Маскау₁: Электрон. ресурс) /чувство удивления/

рус. *Теодор, я перед вами виновата, глубоко виновата* (И.С.Тургенев, 113) /чувство вины/, *Я совершенно озадачен* (Е.И.Замятин: Электрон. ресурс) /чувство озадаченности/, *Зауер, Шмитгоф и даже наивная Фит были удивлены* (А.Беляев₁: Электрон. ресурс) /чувство удивления/

В предложения, построенные на основе данной модели, могут входить факультативные именные компоненты, называющие причину чувства:

англ. *I'm completely fogged by this French sentence* (Multilex: Электрон. ресурс) /чувство озадаченности-недоумения/, *I was amazed at his calmness* (LDCE, 28) /чувство удивления/

нем. *Der Bauer war von dem grausigen Fund so verwirrt ...* (P.Süskind: Электрон. ресурс) /чувство озадаченности/

рус. *Он был очень изумлен и недоволен поздним появлением заказчиков и их необычной просьбой* (А. И. Куприн: Электрон. ресурс) /чувство удивления и неудовольствия/

2) В том случае, если ситуация представляет собой отношение одного партиципанта к другому, предложения строятся по структурной схеме $N_1 - V_{link} - Adj/Part II - prep N_2$, где второй именной компонент с предлогом, называет того партиципанта (одушевленного или неодушевленного), по отношению к которому испытываются те или иные ментальные чувства. Важно подчеркнуть обязательный характер компонента N_2 , без которого нет этого отношения:

англ. *I'm interested in other people's experiences and inconsistencies* (L.M.Alcott: Электрон. ресурс) /чувство заинтересованности/, ... *he [the peremptory official] is a little doubtful of his address* (J.K.Jerome₁: Электрон. ресурс) /чувство сомнения/

3) $N - V_{refl}$. Глагольный компонент данной модели, встречающейся в русском и немецком языках, представлен возвратными глаголами:

рус. ... *а я сам удивляюсь* (М.А.Шолохов, 353), *Кстати, я ... немножко дивлюсь* (Ф.М.Достоевский, 591) /чувство удивления/

нем. *Ach ja, ich langweile mich* (J.H.Maskau₂: Электрон. ресурс) /чувство скуки/

4) $N_1 - V_{refl} - (prep) N_2$. В том случае, когда в предложении отражается ситуация, в которой участвуют два партиципанта, один из которых испытывает некоторое интеллектуальное чувство по отношению к другому, модель в его основе содержит, кроме глагольного компонента, два обязательных именных элемента:

нем. *Aber er hatte sich immer ganz besonders für Literatur interessiert* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс) /чувство заинтересованности/, *Ich verließ mich also*

auf mein Gefühl (R.M.Rilke: Электрон. ресурс) /чувство надежды/

рус. *Все мы на вас надеялись* (Ф.М.Достоевский, 497) /чувство надежды/,
Живет молодой мужчина, неженатый, холостой, бабами не интересуется...
 (М.А.Шолохов, 157) /чувство незаинтересованности/, ... *и она сомневалась в*
мадам Шталь (Л.Н.Толстой₁, 229) /чувство сомнения/

5) *N – V*. Другой способ воплощения рассматриваемой группы состояний в предложении представляет собой структурную схему, в которой глагольная позиция заполняется непереходным непердельным невозвратным глаголом:

рус. *(Гляну, гляну) скучает барчук!* (И.А.Бунин, 326) /чувство скуки/, ... *я ...,*
разумеется, недоумеваю ... (Ф.М.Достоевский, 111) /чувство недоумения/

нем. *Der Arzt zweifelte nicht mehr* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс) /чувство сомнения/

б) Отмечается наличие трехкомпонентной модели *N₁ – V – (prep) N₂*, включающей в себя также и имя партиципанта (в предложении оно выполняет функцию а) прямого дополнения, б) косвенного дополнения, в) косвенного дополнения с предлогом), по отношению к которому испытывается чувство:

а) англ. *We doubt the propriety of the term* (Multilex: Электрон. ресурс) /чувство сомнения/, *I believe you, by George!* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс) /чувство доверия/, *He mistrusted the European temperament* (H.James₁: Электрон. ресурс) /чувство недоверия/

б) рус. *Он так слепо доверял своей жене ...* (И.С.Тургенев, 49) /чувство доверия/

нем. *Ich glaube seinen Worten* (НРРНС, 501) /чувство доверия/, *Die Menschen ... mißtrauten einander* (P.Süskind: Электрон. ресурс) /чувство недоверия/

в) англ. *I hope for you with all my heart* (H.James₁: Электрон. ресурс) /чувство надежды/, ... *he believed in ghosts* (J.K.Jerome₁: Электрон. ресурс) /чувство веры/,
M. Gandinot ... believed in his fellow-man (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс) /чувство доверия, надежды/

нем. ... *aber Anna hofft auf Zeichen und Wunder* (A. von Arnim: Электрон. ресурс) /чувство надежды/, ... *ich an ihnen zweifelte* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс) /чувство сомнения/

рус. ... *я по-прежнему верю в добро, в истину* (И.С.Тургенев, 72) /чувство веры/

7) $N_1 - V - N_2$. Данная трехкомпонентная модель отличается тем, что семантический предикат воплощается в ней в глаголе ощущения и абстрактном существительном, выступающем в качестве предикатного актанта, не представляющего в структуре предложения субстанциального участника ситуации:

англ. *I felt a certain curiosity* (J.K.Jerome₁: Электрон. ресурс) /чувство любопытства/, *I have a few lingering doubts* (Multilex: Электрон. ресурс) /чувство сомнения/

нем. *Er hat Langeweile* (НРРНС, 247) /чувство скуки/

рус. [*Иван Федорович*] ... *чувствует сильнейшее любопытство* (Ф.М.Достоевский, 253) /чувство любопытства/

8) Существует также и четырехкомпонентная модель $N_1 - V - N_2 - prep N_3$, представляющая ситуацию, в которой один партиципant испытывает интеллектуальное чувство по отношению к другому партиципant, обобщенному языковым сознанием в семантической роли объектива или пациентива и обозначенному в структуре предложения именем с предлогом (англ. *in, of*, нем. *für, zu*, рус. *к, за*):

англ. *The solitary woman felt an interest in the ambitious girl* (L.M.Alcott: Электрон. ресурс), /чувство заинтересованности/, *He has a strong belief in all-round education* (Multilex: Электрон. ресурс) /чувство веры/, *His mother has high hopes of this child's dramatic future* (E.Terry: Электрон. ресурс) /чувство надежды/

нем. *Für keinen anderen Sport hatte er das geringste Interesse* (J.H.Mackay₁: Электрон. ресурс) /чувство заинтересованности/, ... *ich hatte so ein blindes*

Vertrauen zu dem Mädchen (A. von Arnim: Электрон. ресурс) /чувство доверия/

рус. ... *старый Кузьма, собираясь отходить в другой мир, чувствует искреннее раскаяние за свое прошлое с Грушенькой* (Ф.М.Достоевский, 344) /чувство раскаяния/

Возможность перефразирования с использованием глагола типа *относиться с* (*I have a distrust of airplanes* (LDCE, 297) → *I treat airplanes with distrust*) свидетельствует о реляционном характере состояния, при котором обязательными являются оба участника, представленные в структуре предложения компонентами N_1 и N_3 .

9) $N_1 - be_{link} - prep N_2$. В предложениях, основанных на данной структурной схеме, семантический предикат «интеллектуальное чувство» воплощается в сочетании связочного глагола и предложного сочетания, где N_2 является предикатным актантом:

рус. *Алеша тоже был в большом смятении* (Ф.М.Достоевский, 205) /чувство растерянности/, *Он [Левин] был в совершенном недоумении* (Л.Н.Толстой₂, 254) /чувство недоумения, сомнения/

нем. *Er ist in fassungslosem Staunen* (Lingvo: Электрон. ресурс) /чувство удивления/

англ. *He is in great perplexity* (Lingvo: Электрон. ресурс) /чувство растерянности и недоумения/

Для английского языка характерны предложения, в составе которых имеются такие фразеологические предложные сочетания, как *in a maze, at a stand, in a muddle, at sea, at a loss: The French correspondents were at a loss* (G.Greene, 78), *She was all at sea mentally* (Th.Dreiser: Электрон. ресурс) /чувство растерянности/.

10) $(Es) - be_{link} - Adj - N$. Рассматриваемая модель безличных предложений с формальным подлежащим *es* встречается в немецком языке. Часто компонент *es* подвергается редукции, что приводит к изменению порядка слов – $N - be_{link} - Adj$): *Mir ist langweilig* (НРРНС, 814) /чувство скуки/.

11) В русском языке также встречаются безличные предложения на основе модели $N - be_{link-imp} - Adj_{pred}$ с предикативным прилагательным и носителем состояния в форме косвенного падежа: ... *ему скучно* (Ф.М.Достоевский, 407).

Указанные безличные модели предложений участвуют в выражении семантики «интеллектуального чувства» нечасто (как показывает анализ фактического материала, они затрагивают лишь выражение чувства скуки). Причиной этому может быть тот факт, что, в отличие от большинства эмоциональных состояний-чувств, интеллектуальные чувства являются более контролируемыми со стороны носителя состояния, и подчеркивание пассивности партиципанта использованием форм косвенных падежей не является обязательным.

II. Состояние рассудка – психическое состояние одушевленного партиципанта, затрагивающее его умственные способности, способность к осмыслению чего-либо, разум. В этой группе объединены нормальное состояние рассудка (здравый, ясный ум, рассудок) и ненормальное состояние рассудка (помрачение рассудка, сумасшествие). Ситуация действительности подобного типа включает в себя одного участника – носителя состояния, поэтому изоморфная ей семантическая структура предложения содержит один непредикатный компонент, играющий семантическую роль экспериенса. Семантическая модель, таким образом, представлена формулой $Exp - state_{exp}$. Указанная семантическая модель воплощается в следующих структурных схемах предложения:

1) $N_I - V_{link} - Adj/Part II$. Предложения, построенные по данной схеме, содержат связочный глагол и прилагательное или причастие в роли именной части сказуемого (англ. *mad, insane*, нем. *verrückt, irre*, рус. *сумасшедший, безумный, помешанный*):

англ. *Yes, and mad she was* (D.H.Lawrence: Электрон. ресурс)

нем. *Mutter, Sie ist verrückt* (A. von Arnim: Электрон. ресурс), *Er ist irre im Kopf* (Lingvo: Электрон. ресурс)

рус. *Он точно сумасшедший* (Л.Н.Толстой₁, 414), *Помешанный он был тогда, совсем помешанный* (Ф.М.Достоевский, 527)

2) $N_1 - be_{link} - prep N_2$. Репрезентация семантики состояния рассудка в данной модели происходит при помощи глагола-связки и предложного сочетания, субстантивный компонент которого называет состояние ума:

англ. *You must be out of your mind!* (Multilex: Электрон. ресурс)

нем. *Du bist nicht bei Sinnen!* (Lingvo: Электрон. ресурс)

рус. *[Я] Совершенно в полном своем уме-с* (Ф.М.Достоевский, 570), ... *подсудимый не в своем уме ...* (Ф.М.Достоевский, 652), *Он [Смердяков] ... не в своем рассудке* (Ф.М.Достоевский, 575)

В предложно-именном сочетании именным компонентом также выступает имя-классификатор, определяемое прилагательным или существительным: рус. *Левин продолжал находиться все в том же состоянии сумасшествия* (Л.Н.Толстой₂, 3), *Был же он положительно не в здравом состоянии ума* (Ф.М.Достоевский, 643).

III. Следующую группу состояний, связанных с вниманием, представляют задумчивость, сосредоточенность, рассеянность, настороженность:

- **задумчивость** – состояние лица, при котором его ум занят и поглощен мыслями, думами, размышлениями;

- **сосредоточенность** – состояние лица, при котором его внимание, мысли, ум направлены, устремлены на что-то одно;

- **рассеянность** – состояние лица, неспособного сосредоточиться, собраться с мыслями. Оно также характеризуется утратой умственной ориентировки;

- **настороженность** – состояние лица, проявляющего бдительность, находящегося в напряженно-внимательном ожидании чего-либо опасного,

возможных проблем.

Анализ фактического материала показывает, что предложения, описывающие такого рода положения дел действительности, строятся по следующим моделям:

1) $N_1 - V_{link} - Adj/Part II - (prep N_2)$. Состояние ума здесь выражено составным именным сказуемым, в состав которого входит прилагательное или причастие (англ. *preoccupied, thoughtful, collected, absent, absent-minded, alert, watchful*, нем. *nachdenklich, zerstreut*, рус. *задумчивый, рассеянный, сосредоточенный, настороженный* и др.):

англ. *She was thoughtful for a while* (Multilex: Электрон. ресурс) /состояние задумчивости/, *He was ... collected* (Multilex: Электрон. ресурс) /состояние сосредоточенности/, *He is suspiciously alert* (Multilex: Электрон. ресурс) /состояние настороженности/

нем. *Er war nachdenklich* (A. von Arnim: Электрон. ресурс), *Er sieht nachdenklich aus* (Lingvo: Электрон. ресурс) /состояние задумчивости/, *Renald war zerstreut* (J. F. Von Eichendorff: Электрон. ресурс) /состояние рассеянности/

рус. *Он [молодой человек] был задумчив и как бы рассеян* (Ф.М.Достоевский, 34) /состояние задумчивости и рассеянности/, *... он [Лаврецкий] казался рассеянным* (И.С.Тургенев, 84) /состояние рассеянности/

Кроме подобных предложений, встречаются и предложения, обозначающие погруженность в состояние, причем в роли предикативного члена выступают такие причастия, как англ. *absorbed, lost, immersed, plunged, sunk, rapt*, нем. *versunken*, рус. *погружен, поглощен*, сопровождаемые существительным, называющим состояние, чаще всего – состояние задумчивости, с предлогом, в русском языке – иногда и без предлога:

англ. *Newman ... seemed lost in meditation* (H.James₁: Электрон. ресурс), *Alec seemed immersed in thought* (W.S.Maugham₂: Электрон. ресурс)

нем. *Er ist tief in Gedanken versunken* (Lingvo: Электрон. ресурс)

рус. *Возможно, что этот сидящий был ... слишком погружен в размышление* (М.А.Булгаков, 537)

Второй именной компонент может появляться в предложениях, описывающих состояние сосредоточенности, причем позицию подлежащего могут занимать не только существительные-антропонимы, но и такие существительные, как *внимание*, *мысли* и некоторые другие: англ. *At that minute Jo was particularly absorbed in dressmaking* (L.M.Alcott: Электрон. ресурс), *All her attention was centred on her family* (Multilex: Электрон. ресурс); рус. *Вронский ... был страстно, хотя и сдержанно, увлечен предстоящими скачками* (Л.Н.Толстой₁, 178), *Все внимание мое было поглощено кабанами и следами тигра* (В.К.Арсеньев: Электрон. ресурс).

2) $N_1 - be_{link} - prep N_2$. Состояние, связанное с вниманием одушевленного лица, может также воплощаться в предложениях с предложно-именным сочетанием в функции предикатива:

англ. *He was still deep in gloomy thought* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс) /состояние задумчивости/, *Newman was on his guard* (H.James₁: Электрон. ресурс) /состояние настороженности/

нем. ... *in dieser Zeit ist jeder auf seiner Hut* (A. von Arnim: Электрон. ресурс) /состояние настороженности/

рус. *Со времени приезда брата он [Левин] был в раздумье ...* (Л.Н.Толстой₁, 253-254) /состояние задумчивости/

3) $N - V$. Двухкомпонентная модель включает в себя именной компонент и неопределенный непереходный глагол. Выражение интеллектуального состояния рассматриваемой группы при помощи этой структурной схемы отмечено в английском языке: *The great man still mused* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс) /состояние задумчивости/.

4) $N - be_{link} - Adv_{pred}$. В состав рассматриваемой модели, которая обнаруживается в русском языке, входит употребляющийся исключительно в предикативной позиции адвербиальный компонент, который в сочетании с

глаголом-связкой является реализацией семантического предиката: *Оляпка была настороже* (В.К.Арсеньев: Электрон. ресурс) /состояние настороженности/.

IV. Состояния, в число которых входят понимание, знание, память. Мы проводим границу между статичными и динамичными предикатами в сфере понимания, знания и памяти: *Он еще помнил ее всю, со всеми малейшими ее особенностями* (И.А.Бунин, 348) и *Эльза вспомнила сосредоточенное, вдруг постаревшее лицо Штирнера* (А.Беляев: Электрон. ресурс). Состояния понимания, знания и памяти (в отличие от событий) характеризуются статичностью, неизменностью, отсутствием развития в некоторый период времени. Эти состояния, как отмечает У. Л. Чейф [Чейф 1975, 168], носят экспериенциальный характер. Рассмотрим каждое из перечисленных состояний, чтобы в дальнейшем перейти к анализу моделей предложений, призванных служить их выражением:

- **понимание** – это ментальное состояние, характеризующееся ясным представлением, мнением о положении вещей, о смысле, содержании, значении чего-либо;

- **знание** – состояние осведомленности как результат чувственного познания, мыслительной деятельности лица, вследствие которых лицо обладает некоторыми сведениями, познаниями об окружающей его действительности, имеет представление о ком- или чем-либо. Отмечается, что оно подразумевает уверенность в истинности информации [Апресян 1995, 47; Ивашенко 2005, 158-159];

- **заблуждение** – состояние лица, имеющего неправильное, ошибочное мнение;

- **память** – умственное состояние, при котором партиципant хранит, удерживает в уме, не забывает впечатления, информацию, полученные об окружающем мире.

Семантическая модель предложений данных типов состояний трехкомпонентна: она включает в себя семантический предикат экспериенциального состояния – *state_{ment}*, семантических актантов *Exp* – испытывающего состояние одушевленного партиципанта и *P/O* – одушевленного или неодушевленного объекта состояния) и преимущественно находит выражение в предложениях, структурные схемы которых содержат в себе минимум два именных компонента:

1) $N_1 - V - N_2$. Глагольная позиция заполняется такими переходными глаголами, как рус. *знать, ведать, понимать, помнить*, нем. *wissen, kennen, verstehen*, англ. *know, understand, comprehend, realize, remember* и др.:

англ. *I understand you* (J.Austen, 135) /понимание/, *He had known Basil Hallward for months ...* (O.Wilde, 103) /знание/, *I remember her aunt very well, Biddu Henshawe* (J.Austen, 128) /память/, *You mistake me* (Multilex: Электрон. ресурс) /заблуждение/

В русском и немецком языках компонент N_2 , обозначающий пациентива или объектива, имеет форму винительного падежа:

рус. *Вы понимаете меня...* (И.С.Тургенев, 98) /понимание/, *Как ни парадоксально, сегодня мы как никогда мало знаем историю* (Компьютерра, 48) /знание/, *Я помню вас хорошо* (И.С.Тургенев, 20) /память/

нем. *Ich verstehe eine solche Frage kaum* (J.H.Маскау₂: Электрон. ресурс) /понимание/, *Er kannte ein Dutzend Ammen und Waisenhäuser* (P.Süskind: Электрон. ресурс) /знание/

2) $N_1 - V_{refl} - (prep N_2)$. В рассматриваемых языках семантический предикат воплощается в возвратном глаголе (англ. *deceive oneself*, нем. *sich erinnern, sich irren*, рус. *заблуждаться, ошибаться, обманываться*), а компонент N_2 может сопровождаться предлогом:

англ. *You're just deceiving yourself ...* (LDCE, 265) /заблуждение/

нем. *Dagegen erinnere ich mich sehr gut an die Mutter meines Vaters*

(R.M.Rilke: Электрон. ресурс) /память/, *Aber er irrte sich* (J.H.Маскау₁: Электрон. ресурс) /заблуждение/

рус. ... *она заблуждается* (Л.Н.Толстой₁, 268), *Вы ошибаетесь, Федор Иванович* (И.С.Тургенев, 80) /заблуждение/

3) $N_1 - have - N_2 - prep N_3$. В рассматриваемой структурной схеме компоненты *have* – N_2 (позицию N_2 заполняют такие существительные, как англ. *knowledge, idea*, нем. *Kenntnis, Verständnis, Einsicht, Ahnung*, рус. *знание, понятие, представление*) выступают выражением семантического предиката знания, понимания, памяти, а компонент N_3 сопровождается предлогом:

англ. *She ... had only the vaguest knowledge of European geography* (G.Greene, 25) /знание/, *I have a strong recollection of him* (Multilex: Электрон. ресурс) /память/

нем. *Und doch hat jeder in seinem Beruf Kenntnisse von merkwürdigen Dingen* (C.L.Schleich: Электрон. ресурс), *Von diesen Dingen hatte dieser Pelissier selbstredend keine Ahnung* (P.Süskind: Электрон. ресурс) /знание/

рус. ... *он имеет самые точные понятия о семейной жизни* (Л.Н.Толстой₂, 47) /знание/

Для русского языка характерна модель $prep N_1 - be - N_2 - prep N_3$, где центральную позицию занимает полнозначный глагол *быть*, носитель состояния выражен именем в родительном падеже с предлогом *у*: ... *у Сергея Ивановича были определенные понятия о народе, его характере, свойствах и вкусах* (Л.Н.Толстой₁, 244) /знание/

4) $N_1 - be_{link} - Adj/Part II - ((prep) N_2)$. Данная модель английских и немецких предложений содержит в позиции предикатива прилагательное или причастие II (англ. *mistaken, wrong, deceived, astray, aware, abreast*, нем. *unterrichtet*), а компонент N_2 употребляется с предлогом:

англ. *You are mistaken* (Multilex: Электрон. ресурс) /заблуждение/, *He's abreast of developments in his field* (Multilex: Электрон. ресурс) /знание/

нем. ... *er war unterrichtet über alle Veranstaltungen und über den Verlauf einer*

jeden (J.H.Маскау₁: Электрон. ресурс) /знание/

5) $N_1 - be_{link} - prep N_2 - ((prep) N_3)$. Представление состояния знания, заблуждения в предложении может происходить на основе модели с предложным сочетанием в роли предикатива:

англ. *He was under a delusion* (Multilex: Электрон. ресурс) /заблуждение/,
He's in the know (Multilex: Электрон. ресурс) /знание/

нем. *Er ist auf dem laufenden* (Lingvo: Электрон. ресурс), *Ich bin im Bilde*
(P.Süskind: Электрон. ресурс) /знание/

рус. *Насчет же заседания вы в полном заблуждении* (М.А.Булгаков, 189)
/заблуждение/, *Псионники всегда были в курсе событий* (В.Васильев: Электрон.
ресурс) /знание/

2.2.3. Волевое состояние

Волевыми состояниями мы признаем состояния психики одушевленного партиципанта, связанные с сознательным стремлением к осуществлению чего-либо, со способностью или неспособностью осуществить желания, цели. В сферу волевого состояния попадают следующие экспериенциальные состояния: желание, решительность/нерешительность, уверенность/неуверенность.

Особую группу волевых состояний представляют *желания*. Это понятие признается одним из «базовых концептов состояния, которые ... характеризуются большой значимостью в жизни и деятельности человека» [Макеева 2005, 181]. Желание в данной работе квалифицируется как испытываемое участником ситуации стремление к обладанию или осуществлению чего-либо, как ощущение каких-либо внутренних потребностей. Стоит особо отметить, что желание является осознанным, контролируемым состоянием партиципанта. В ситуации участвуют одушевленный неактивный партиципant-носитель состояния – экспериенсив и одушевленный или неодушевленный неактивный партиципant-предмет желания – пациентив или объектив. Соответственно, семантическая

модель этой разновидности состояния имеет следующий вид: *Exp – state_{vol} – P/O* (от англ. *volitional* – «волевой»).

Данная семантическая модель реализуется в структурных схемах, представленных ниже:

1) $N_1 – V – N_2$. Предложения семантической группы желания имеют в своем составе именную компонент, обозначающий экспериенсива, глагол с семантикой желания и именную компонент, обозначающий объект желания. Среди глаголов с семантикой желания можно отметить следующие переходные непереходные глаголы: рус. *хотеть, желать, жаждать*, нем. *wollen, wünschen, mögen*, англ. *want, desire, crave* и др.

англ. *She wanted a husband and a family* (J.Grisham, 16), *They want enough rice* (G.Green, 105), *We all desire happiness* (LDCE, 277), *I crave help!* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс), *He coveted the new convertible* (AHD: Электрон. ресурс)

В немецком языке лицо-носитель желания выражается формой именительного падежа, а пациентив/объектив – винительного падежа, в русском языке отмечается употребление родительного падежа, реже – винительного):

нем. *Ich möchte Tee* (НРРНС, 893)

рус. *Я хотел, я именно хотел убийства!* (Ф.М.Достоевский, 573), *Я желаю развода* (Л.Н.Толстой₁, 375)

2) $N_1 – V – prep N_2$. В отличие от предыдущей модели, данная модель включает в себя непереходный глагол (англ. *wish, long, crave, hanker, thirst, lust, gape* и др.), который требует употребления зависимого от него именного компонента с предлогом (чаще *for* и *after*): *I longed for those diaries!* (E.Terry: Электрон. ресурс), *I'm craving for a cup of tea* (Multilex: Электрон. ресурс).

3) $N_1 – V – N_2 – prep N_3$. В рассматриваемой четырехкомпонентной модели английских и немецких предложений глагольный компонент представлен такими глаголами, как англ. *have, feel*, нем. *haben*. Позиция N_2 заполняется абстрактными существительными, например, англ. *wish, lust, desire, hankering*, нем. *Wunsch, Lust*

и др. Распространяющий компонент N_3 с предлогом указывает на объект желания:

англ. *He has lust for gold* (Multilex: Электрон. ресурс)

нем. *Der Herr Jaegermeister hatte noch einen Wunsch* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс)

4) $N_1 - V_{imp-refl} - N_2$. Предложения со значением внутренней потребности в чем-либо, желания чего-либо в русском языке могут содержать безличный возвратный глагол *хотеться*, имя, обозначающее экспериенсива, в дательном падеже и имя пациентива/объектива в форме родительного падежа: *Вот им хочется этого грязного мороженого* (Л.Н.Толстой₂, 331).

В другую группу волевых состояний мы объединяем **решительность** / **нерешительность** и **уверенность** / **неуверенность** на основании того, что данные состояния являются одновременно и чувствами, что подтверждается возможностью употребления в предложениях глаголов со значением «чувствовать, испытывать». Соответственно, партиципant, находящегося в рассматриваемых состояниях, относится к экспериенсивам, так как он испытывает специфическое переживание.

Решительность – состояние лица, которое характеризуется твердостью, отсутствием колебаний, готовностью принять решение, осуществить задуманное, желание или решение. Нерешительность – противоположное ей состояние. В данных состояниях присутствуют и эмоциональный, и интеллектуальный, и волевой компоненты, однако преобладают последние два. Семантическая модель, лежащая в основе предложений данной семантики, двукомпонентна: **Exp – state_{vol.}**

Уверенность – испытываемое одушевленным партиципantом активное волевое состояние, отличающееся твердостью, отсутствием сомнений и колебаний (например, по отношению к благополучному исходу чего-либо). Неуверенность – чувство, характеризующееся колебанием, нерешительностью, отсутствием твердости, связанное с трудностями выбора, принятия решения и поэтому дезорганизующее человека. Кроме волевого компонента, в состояниях

уверенности и неуверенности содержатся и ментальный, и эмоциональный компоненты. Подобные ситуации действительности обобщаются языковым сознанием в семантическую модель *Exp – state_{vol} (– O)*.

Предложения с данной семантикой представлены следующими моделями:

1) *N – V_{link} – Adj/Part II*. В данную модель входит именной компонент, выражающий экспериенсива, связочный глагол и адъективный компонент (англ. *determined, dead-set, confident, certain, hesitant*, нем. *entschlossen, entschieden, sicher*, рус. *уверен, неуверен*):

англ. *He is more determined than ever* (Multilex: Электрон. ресурс) /состояние решительности/, *I am confident* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс) /состояние уверенности/

нем. *Der König fühlte sich entschlossen* (A. von Arnim: Электрон. ресурс) /состояние решительности/ *Er fühlte sich sicher* (P.Süskind: Электрон. ресурс) /состояние уверенности/

рус. *Колька был уверен* (А.И.Приставкин, 124) /состояние уверенности/

При выражении состояния решительности-нерешительности сочетанием связочного глагола и прилагательного или причастия, кроме того, в предложении может присутствовать инфинитив (или инфинитивный оборот) *Inf*, обозначающий нечто, задуманное одушевленным партиципантом: англ. *Pete was determined (to win)* (J.Smiley, 76).

При выражении состояния уверенности-неуверенности модель может включать именной компонент с предлогом – *prep N₂*: англ. *And you feel very confident about the future?* (H.James₁: Электрон. ресурс), рус. *... я вполне уверен в конечной победе* (М.А.Булгаков, 366).

2) *N₁ – be_{link} – prep N₂*. Предложения рассматриваемой структуры включают в себя предложное сочетание, где *N₂* указывает на состояние решительности-нерешительности:

англ. *The patron was in two minds* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс), *I'm all*

in a dither about the concert (LDCE, 298)

рус. *Левин все еще был в нерешительности* (Л.Н.Толстой₂, 215)

3) $N - V$ – представление семантического предиката волевого состояния решительности-нерешительности глагольным сказуемым. Заполнение данной модели в английском и немецком языках происходит при помощи непереходных глаголов: англ. *hesitate, pendulate, seesaw*, нем. *schwanken, zögern*:

англ. *Newman hesitated a while* (H.James₁: Электрон. ресурс)

нем. *Er [Zwar] schwankte* (A. von Arnim: Электрон. ресурс), *Er zögerte eine Weile* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс)

5) $N - V_{refl}$. Модель с именным компонентом и возвратным глаголом характерны для русского языка: рус. *Эмма колебалась* (А.Беляев₁: Электрон. ресурс).

6) $N_1 - V - N_2 - (prep N_3)$. Чувство уверенности партиципанта выражается здесь при помощи глагола ощущения и абстрактного существительного (N_2): рус. *Сам Пир чувствовал некоторую неуверенность* (В.Васильев: Электрон. ресурс).

Рассмотрев предложения с семантикой внутреннего состояния, можно отметить несколько моментов: а) наиболее гибкой, подвижной областью оказывается сфера психических состояний (эмоциональных, волевых и ментальных), которая может равно описываться предложениями, содержащими как глагольное, так и составное именное сказуемое; б) семантические модели внутреннего состояния являются двух- или трехкомпонентными: имманентные состояния, локализованные в партиципанте, представлены семантическим предикатом и одним семантическим актантом (пациентивом или экспериенсивом); реляционные состояния, направленные от одного партиципанта к другому, подразумевают два семантических актанта (исходного – экспериенсива и пациентива/объектива); в) среди глаголов для обозначения внутреннего состояния часто используемыми и типовыми являются такие, как рус. *чувствовать*,

испытывать, англ. *feel, experience*, нем. *fühlen, empfinden*. Это объясняется тем, что самой своей семантикой они указывают на внутреннее состояние одушевленного существа, на его ощущения и чувства и на отсутствие его волевой активности.

§ 3. Сфера внешнего состояния

Как уже было отмечено, внешнее состояние затрагивает не внутренний мир партиципанта, а внешние проявления его существования. Поэтому носителями такого состояния может быть как одушевленный, так и неодушевленный партиципant.

При рассмотрении внешних состояний в поле нашего зрения попадают: положение партиципанта в пространстве, локативные состояния, бенефактивные состояния, социальные состояния, амбиентные состояния и целый ряд разнородных состояний, которые мы называем ситуационными.

3.1. Положение в пространстве

Ситуацию действительности, в которой отмечается положение, постановка предмета действительности безотносительно к другим предметам, которая определяется нами как пространственное положение, мы отграничиваем от местоположения, нахождения предмета по отношению к другим предметам. То или иное положение тела или его частей в пространстве трактуется нами как состояние, потому что оно не характеризуется фазовостью осуществления и изменением во времени и не может быть причислено к динамическим. Оно характеризуется статичностью, отсутствием передвижения партиципанта, состоянием его покоя. Кроме того, положение в пространстве ориентировано на партиципанта, находящегося в нем, и только на него. Следовательно, это – ситуации с одним одушевленным или неодушевленным партиципантом: этот

партиципant находится в какой-то позе (в вертикальном, горизонтальном, сидячем положении) и не является агентивным, так как ничего не производит, и экспериенциальным, так как ничего не испытывает. Таким образом, семантическая структура предложений, описывающих подобные ситуации, манифестируется двумя членами: ее компонентами являются семантический актант (пациентив или объектив) и предикат состояния, который мы обозначим *state_{pos}*, от англ. *posture* – поза, положение. Соответственно, содержание предложений представлено моделями *P – state_{pos}* и *O – state_{pos}*, которые воплощаются в следующих структурных схемах:

1) *N – V*. Позицию именного компонента занимают одушевленные и неодушевленные конкретные существительные, а также местоимения, представляющие носителя состояния. Глагольную позицию заполняют такие неопредельные непереходные статичные глаголы, как англ. *stand, lie, sit, hang*, нем. *stehen, liegen, sitzen, hängen*, рус. *стоять, лежать, сидеть, висеть*.

англ. *I was standing* (J.Smiley, 159)

нем. *Der Baumeister und der Prior saßen, der Zeit vergessen, bis Mitternacht ...*

(A. von Arnim: Электрон. ресурс)

рус. *Рудольф стоял* (А.Беляев₁: Электрон. ресурс), *О лежала* (Е.И.Замятин: Электрон. ресурс), *Столб стоит прямо* (ТСРЯ, 798)

2) *N – V_{link} – Adj/Part II*. Положение партиципанта в пространстве здесь выражается сочетанием связочного глагола и прилагательного или причастия:

англ. *The hat was tilted at a slightly jaunty angle ...* (D.H.Lawrence: Электрон. ресурс), *Vanderbank remained erect* (H.James₂: Электрон. ресурс)

рус. *Головы наклонены вниз* (М.А.Шолохов, 113)

3) *N₁ – V_{link} – prep N₂*. Семантический предикат «положение в пространстве» реализуется также при помощи предложно-именного сочетания: англ. *The post is on the tilt* (Multilex: Электрон. ресурс).

Отметим, кроме того, разновидность рассматриваемой модели с

предложным атрибутивным сочетанием в роли предикатива, главным членом которого является существительное-классификатор: англ. *posture, position*, нем. *Stellung, Lage, Pose*, рус. *положение, поза*: англ. *He was in a sitting posture* (Multilex: Электрон. ресурс), *The pole was now in a standing position* (AHD: Электрон. ресурс).

3.2. Локативное состояние

В действительности существуют также ситуации, в которых предмет где-то находится, пребывает, присутствует, занимает какое-то место в пространстве. Соответственно, мы рассматриваем их как местоположение предмета в пространстве относительно других предметов. Представляется, что отнести эту ситуацию в ранг состояний позволяет то, что нахождение предмета в том или ином месте характеризуется неизменностью на протяжении некоторого времени (здесь не рассматриваются ситуации, носящие постоянный характер), дуративностью и определяет сам предмет (инактивный по природе), прежде всего, как нечто или некто, пребывающее в данном состоянии. Но здесь наличествует и пространственное отношение одного партиципанта к другому [Варшавская 1985, Селиверстова 1982]. Как отмечает О. Н. Селиверстова, здесь имеется связь предмета с тем или иным пространством [Селиверстова 1982, 151]. Поэтому семантическая структура состоит из трех компонентов – семантического актанта, выражающего лицо или предмет, о местонахождении которого идет речь (пациентива или объектива), семантического предиката локативного состояния и семантического актанта, соответствующего месту нахождения первого партиципанта (локатива). Таким образом, семантические модели рассматриваемого типа предложений можно представить так: *P – state_{loc} – L* и *O – state_{loc} – L*. Партиципant, функция которого определена как локатив, является обязательным компонентом ситуации и представляет разнообразные элементы реального мира: природные предметы, предметы, созданные человеком и т.д.

Однако, как отмечается некоторыми учеными, локатив по причине своей семантико-синтаксической неоднозначности может выступать «не только как актанта, но и как сирконстант (обстоятельство)» [Варшавская 1985, 46]. Реализация указанных семантических моделей на формально-структурном уровне предложения манифестируется в следующих структурных схемах:

1) $N_1 - V - prep N_2$. В центре модели находится глагол со значением местоположения (типа рус. *быть, пребывать, лежать*, англ. *be, sit, stand* (в значении «находиться»), *run* (в значении «располагаться, простираться»), нем. *sein, liegen* и др.). Следует отметить, что глагол *быть* в этом случае является полнозначным, так как он обозначает отдельное реальное представление о положении некоторого предмета, «длящуюся во времени связь между предметом или лицом и пространством» [Селиверстова 1982, 149]; соответственно, сказуемое является простым глагольным. Именной компонент N_2 как воплощение в структуре предложения семантического актанта локатива сопровождается предлогом.

англ. *Marv Carson was in his office* (J.Smiley, 364), *The carriage is at the door* (W.S.Maugham₁, 120)

нем. *Er ist zu Hause* (НРРНС, 356), *Ich bin in Paris* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс)

рус. *Я утром ... была в лесу* (И.А.Бунин, 248), *Полки стоят за рекой* (ТСРЯ, 798)

В таких предложениях, кроме глаголов нахождения, недифференцированных с точки зрения пространственного положения, употребляются также глаголы *стоять, сидеть* и т.д., имеющие значение «находиться в какой-либо позе, в каком-либо положении». В семантике предложений в этом случае неподвижность предмета в том или ином положении, поза, постанова лица или неодушевленного предмета совмещается с нахождением его в пространстве, отношением к какому-либо месту:

англ. *The manager was standing in the broad, brilliantly-lighted porch* (K. Mansfield: Электрон. ресурс), *The urn stands on a pedestal* (AHD: Электрон. ресурс)

нем. *Der Tisch stand in meinem Zimmer, zwischen den Fenstern* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс), *Felder lag im Bett bis gegen Mittag* (J.H.Маскау₁: Электрон. ресурс)

рус. *Туфли стояли на ночном столике рядом с недопитой чашкой кофе и пепельницей* (М.А.Булгаков, 327), *Старуха лежала на полу около порога* (М.А.Шолохов, 279), *Талон лежит на столе* (Е.И.Замятин: Электрон. ресурс)

2) $N_1 - V_{refl} - prep N_2$. В отличие от предыдущей структурной схемы, данная модель содержит возвратный глагол: рус. *находиться, располагаться, а также валяться*, нем. *sich befinden*:

рус. *Иван Петрович находился тогда в Париже* (И.С.Тургенев, 34), *Их хозяйство располагалось у правого борта, за рядом последних кресел* (В.Васильев: Электрон. ресурс)

нем. *Ich befand mich fast den ganzen Tag im Parke* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс)

3) $N - V/V_{refl} - Adv$. Спецификой данной модели является вхождение в нее облигаторного адвербиального компонента со значением места, которое и является выражением локативного состояния и без которого подобное предложение не могло бы быть полноценной смысловой единицей.

англ. *The persons are here, Monsieur* (O.Wilde, 222), *... the dogs were outside* (J.Smiley, 135), *We sat there for half-an-hour* (J.K.Jerome₂, 11)

нем. *Ich sitze hier* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс), *Morgen früh waren sie dort* (J.H.Маскау₂: Электрон. ресурс), *Sie [Mademoiselle Buch] war weit weg* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс)

рус. *Они далеко* (А.И.Приставкин, 89), *Наконец, она рядом, здесь* (Е.И.Замятин: Электрон. ресурс)

3.3. Бенефактивное состояние

Бенефактивное состояние представляет собой состояние партиципанта, при котором он обладает, владеет чем-либо, имеет что-то в собственности. Подобное положение дел мы относим к состояниям по нескольким причинам. Во-первых, оно статично и не подразумевает изменения, во-вторых, оно длится, в-третьих, оно, занимая отрезок на временной оси, является временным, непостоянным, в-четвертых, партиципant, имеющий что-то в собственности, является инактивным, не производящим деятельности (ср.: бенефактивную динамичную ситуацию – *Вернувшись домой к Петру Облонскому, ... Степан Аркадьич нашел записку от Бетси* (Л.Н.Толстой₂, 308) и бенефактивную статичную ситуацию – *У меня в Кесарии есть большая библиотека* (М.А.Булгаков, 467)). Такие положения дел причисляются к классу отношений [Васильев 1990; Гайсина 1979], так как в них имеет место взаимосвязь между двумя обязательными участниками, без которых этого отношения нет. Действительно, между партиципантами существует отношение, они взаимосвязаны: один из них обладает другим. Но, с другой стороны, первый партиципant находится в состоянии обладания. Подтверждение этому мы находим в словарных дефинициях таких понятий, как *possession* «владение, обладание», *ownership* «владение»: “the state of having, holding, or owning something” [LDCE 1992, 802].

Анализ структуры бенефактивной ситуации, имеющей место в действительности, приводит к выводу о том, что онтологические отношения поссессивности являются двухместными, и, соответственно, к выделению трех конститuentов: а) одушевленный партиципant, лицо-поссessor, владелец чего-либо, б) одушевленный или неодушевленный предмет обладания и в) связывающее их отношение обладания [Заиченко: Электрон. ресурс]. Структура подобного положения вещей обобщается в трехкомпонентной семантической структуре предложений: в центре семантической структуры находится

семантический предикат, который мы назовем **бенефактивным состоянием** и обозначим в семантической модели как *state_{ben}*. Лицо, находящееся в состоянии обладания, извлекающее выгоду из своего владения чем-либо, представлено семантическим актантом, называемым **бенефактивом**. Второй предметный участник ситуации – одушевленный или неодушевленный объект обладания – в семантической структуре предстает, соответственно, как **пациентив** или **объектив**. Таким образом, типовое содержание предложений бенефактивного состояния организуется в следующих моделях:

Ben – state_{ben} – P и *Ben – state_{ben} – O*.

Реализация данного типа состояний опирается на следующие модели предложений:

1. $N_1 – V – N_2$. Бенефактив в предложениях данного типа представлен первым именным компонентом, а пациентив/объектив воплощается во втором именном компоненте. Семантический предикат бенефактивного состояния выражается такими неопределенными глаголами, как англ. *have, possess, own, hold* нем. *haben, besitzen*, рус. *иметь, владеть, обладать* и др.

В рассматриваемых языках объектные компоненты семантической структуры выражаются по-разному. Так, в английском языке одушевленный пациентив и неодушевленный объектив выражены существительным в форме общего падежа: *She has many servants* (Multilex: Электрон. ресурс), *Pyle had two rooms, a kitchen and a bathroom* (G.Green, 40), *She owned three canaries, the cat Tommy* (J.Galsworthy, 52), *The grandson now holds the estate* (Multilex: Электрон. ресурс).

В русском языке пациентив и объектив представлены а) формой винительного падежа в постпозиции переходному глаголу *иметь, держать*, б) формой творительного падежа в постпозиции непереходным глаголам *владеть, обладать, располагать*:

а) *Я имею теперь под руками три издания "Детской библиотеки"*

(С.Т.Аксаков, 77), [*Мы*] *Тоже землю держим* (Л.Н.Толстой₁, 332)

б) *Они обладали большинством акций крупнейших торгово-промышленных предприятий страны* (А.Беляев₁: Электрон. ресурс)

Для немецкого языка характерно использование формы аккузатива для выражения объекта обладания: *Sie haben ein Haus* (А. von Arnim: Электрон. ресурс), *Sie hatte ja den Schlüssel* (J.H.Maskau₁: Электрон. ресурс).

2. $N_1 - V - prep N_2$. В структурной модели с предложным компонентом в немецком языке для выражения объекта обладания глагольную позицию занимает непереходный глагол, например, *verfügen*, управляющий существительным в винительном падеже с предлогом *über*: ... *aber neuerdings verfügte Baldini ja über Protektion höheren Orts* (P.Süskind: Электрон. ресурс).

3. $prep N_1 - be - N_2$. Модель русских предложений с полнозначным глаголом *быть* является выражением не только possessивного, но и экзистенциального значения. Имя лица-поссессора здесь имеет форму родительного падежа с предлогом *у*, а объект обладания, являясь одновременно и бытующим предметом, выражен именем в именительном падеже: ... *у него много старинных смешных книг* (И.А.Бунин, 250), *У него в банке тысяч сто и есть родовое имя* (А.П.Чехов, 314).

На основании проведенного анализа можно заключить, что специфика выражения бенефактивного значения в предложении основывается на различии типов языков и принципе моделирования личной сферы поссессора. Так, русский язык является примером языков бытия (be-languages), использует глагол *быть* и косвенную форму имени для выражения семантической роли бенефактива, в то время как английский и немецкий языки, использующие для данной семантики конструкции с глаголами *have* и *haben*, относятся к языкам обладания (have-languages).

4. $N_1 - V_{link} - prep N_2 - (prep) N_3$. Предложения этой модели встречаются в английском и немецком языках и содержат три именных компонента. Первый из

них выражает бенефактива; а компонент N_2 , представленный такими существительными, как англ. *possession*, нем. *Besitz* с предлогом *in*, в сочетании с глаголами *be* и *sein* образует составное именное сказуемое и являются выражением семантического предиката бенефактивного состояния. Третий именной компонент модели обозначает объект обладания: в английском языке ему предшествует предлог *of*, а в немецком языке это существительное употребляется либо в форме родительного падежа без предлога, либо в форме дательного падежа с предлогом *von*.

англ.... *Edward was in possession of the living* (J.Austen, 252), *We are in possession of your letter of the 15th May* (Lingvo: Электрон. ресурс)

нем. ... *dann war er übermorgen im Besitz sämtlicher Essenzen für das beste Parfum der Welt* (P.Süskind: Электрон. ресурс)

5. $N_1 - V - (prep) N_2$. В предложениях данного типа отношение обладания между посессором и объектом обладания, выраженное такими глаголами, как англ. *belong*, нем. *gehören*, рус. *принадлежать*, представлено в другом направлении: языковое сознание здесь отталкивается от объекта обладания и двигается к посессору. Следовательно, именной компонент N_1 , выражающий одушевленного пациентива и неодушевленного объектива, занимает синтаксическую позицию подлежащего, а второй именной компонент, выражающий бенефактива, выполняет роль дополнения. В английском языке он употребляется с предлогом:

англ. *The book belongs to me* (Multilex: Электрон. ресурс), *Hamlyn's Purlieu had belonged to the Allertons for three hundred years* (W.S.Maugham₂: Электрон. ресурс)

Для русского и немецкого языков характерно выражение N_2 формой дательного падежа:

рус. ... *нам оно [сено] и принадлежит* (М.А.Шолохов, 414), *Недра земли принадлежат государству* (ТСРЯ, 613), ... *эмблема в виде радужного*

надкусанного яблока принадлежит американской компьютерной фирме (В.Васильев: Электрон. ресурс)

нем. ... *und das kleinere [Schloß] drüben gehört dem Grafen Rappolt* (А. von Arnim: Электрон. ресурс)

Таким образом, имя, выражающее бенефактива, не привязано к позиции подлежащего в предложении, оно может выполнять и функцию дополнения.

3.4. Социальное состояние

Особо выделяемые социальные состояния затрагивают социально-экономический статус лица или неличного предмета, семейный статус человека. В отличие от качеств, являющихся постоянными характеристиками, социальные состояния имеют преходящий характер, ограничены во времени и не являются неотъемлемыми характеристиками носителя состояния. В данную группу состояний резонно включить финансовое состояние лица, положение в обществе, состояния подчинения, зависимости/независимости, состояние одиночества (следует отличать его от чувства одиночества: состояние одиночества предполагает изолированность от других лиц, а чувство одиночества – переживание изолированности или отчуждения, которое допускает использование на формально-структурном уровне глаголов ощущения англ. *feel*, нем. *empfinden* и т.д. Социальное состояние одиночества не является экспериенциальным и, следовательно, не выражается при помощи вышеупомянутых глаголов), состояния семейного статуса, социально-экономическое состояние недушевленного партиципанта – страны, государства, предприятия и т.д. Положения дел «социальное состояние» бывают имманентными и реляционными. Следовательно, семантические модели, лежащие в основе соответствующих предложений, включают в себя либо один, либо два семантических актанта:

$P - state_{soc}$ и $P - state_{soc} - P/O$,

$O - state_{soc}$ и $O - state_{soc} - P/O$.

Предложения с семантикой «социальное состояние» строятся по следующим структурным схемам:

1. $N - be_{link} - Adj/Part II$. Модель предложений с глаголом-связкой и прилагательным или причастием является выражением имманентной ситуации с одним участником:

англ. *He is completely ruined* (Multilex: Электрон. ресурс), *He was all alone* (Multilex: Электрон. ресурс), *At the Malvern time ... Lady Julia was already married* (H.James₂: Электрон. ресурс), *She [Adelfa] was currently unmarried* (J.Grisham, 136), *The Republicans are out* (LDCE, 730), *My father is retired* (LDCE, 892)

нем. *Er ist ruiniert* (Lingvo: Электрон. ресурс), *Er war tatsächlich vollständig allein!* (P.Süskind: Электрон. ресурс)

рус. *И я разорен... Разорен окончательно* (А.Беляев₁), *Да и я уже женатый* (М.А.Шолохов, 273), *Был он [Трифон Борисыч] вдов* (Ф.М.Достоевский, 386)

2. $N_1 - be_{link} - Adj/Part II - prep N_2$. Данная структурная схема является выражением реляционной ситуации, в которой участвуют два партиципанта. Соответственно, в предложении присутствуют два именных компонента: N_1 представляет носителя социального состояния, N_2 является выражением лица или неодушевленного предмета, которые на семантическом уровне обобщаются соответственно в семантических ролях пациентива и объектива:

англ. *Mr Ferrars, I believe, is entirely dependent on his mother* (J.Austen, 96), *He is ... no longer reliant on money from home* (Multilex: Электрон. ресурс), *He was married to a woman from Mason City* (J.Smiley, 281)

нем. *Sie ist von ihrem Mann geschieden* (Lingvo: Электрон. ресурс), *Er ist in allen Stücken von ihm abhängig* (Lingvo: Электрон. ресурс)

рус. *Да ведь я и сам был женат на польской пани-с* (Ф.М.Достоевский, 393)

3. $N_1 - be_{link} - prep N_2$. Рассматриваемая модель соответствует двухкомпонентной семантической модели с одним семантическим актантом. Семантический предикат находит выражение в глаголе-связке и предложном

сочетании (в некоторых случаях представленном существительным-классификатором с определением):

англ. *The 14th-century Russia was under the Tartar yoke* (AHD: Электрон. ресурс), *For a noble family they were in somewhat straitened circumstances financially* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс)

нем. *Mein Vater ist außer Dienst* (Lingvo: Электрон. ресурс), *Er ist in abhängiger Stellung* (Lingvo: Электрон. ресурс)

рус. ... *она опять в нищете* ... (Л.Н.Толстой₂, 54), ... *и точно он в нужде* (Л.Н.Толстой₂, 33), *Его отец уже давно был на пенсии* (Протокол и этикет, 92), *Я пока за старшего* (В.Васильев: Электрон. ресурс), *Супруги давно в разводе* (ТСРЯ, 664)

4. $N - V$. Двухкомпонентная модель предложений включает в себя именной компонент, которому на семантическом уровне соответствует пассивив, и неопредельный непереходный глагол, который репрезентирует имманентный семантический предикат:

нем. *Wir darben* (Lingvo: Электрон. ресурс)

рус. *Вдовую я, третий год* (Ф.М.Достоевский, 50)

5. $N_1 - V - prep N_2$. В построении трехкомпонентной структурной схемы участвует непереходный глагол (например, англ. *depend*, нем. *abhängen*, рус. *зависеть*), управляющий существительным с предлогом. Этим способом выражается, в частности, семантика состояния зависимости/независимости:

англ. *Russia and America! They'll depend on Ireland and Japan* (D.H.Lawrence: Электрон. ресурс), *For one thing, she had depended so greatly on Eddy Moore* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс)

нем. *Ihr Zustand hing jeweilen von ihren Herren ab* (J. Gotthelf: Электрон. ресурс)

рус.... *все выдачи, покупки по-прежнему от нее зависели* (И.С.Тургенев, 35)

3.5. Ситуационное состояние

Мир состояний настолько велик и разнообразен, что их подробная классификация и детальное описание как отдельных состояний, так и их групп могут оказаться слишком громоздкими. Описанные выше внешние состояния достаточно легко классифицируются, разбиваются на разряды на основе некоторого общего для них признака – пространственной локализации носителя, possessивных отношений и т.д. Однако существуют состояния, отнесение которых в какую-либо группу, осложнено их разнообразием. В ряде случаев состояния невозможно выделить в отдельную группу, способную на правах полноценного члена входить в общую классификацию состояний. Руководствуясь этими соображениями, мы склонны ввести в нашу классификацию группу ситуационных состояний, объединяющую состояния покоя, готовности, занятости, порядка и беспорядка, опасности и безопасности, контролируемости и неконтролируемости, расцвета и упадка, цветения и мн. др.

Положения дел этой группы представлены в семантической структуре предложения следующими моделями: а) $P - state_{sit}$ и $O - state_{sit}$, описывающими отношение пациентива или объектива и статичного предиката, б) $P - state_{sit} - P/O$ и $O - state_{sit} - P/O$, описывающими состояние-отношение двух партиципантов. Типичными способами описания состояния партиципанта для рассматриваемых языков являются следующие формально-синтаксические структуры:

1. $N - be_{link} - Adj/Part II$, в которой наряду со связочным глаголом используется прилагательное или причастие II (англ. *afire, aflame, alight, open, ajar, calm, astir, off*, нем. *fertig, beschäftigt, offen*, рус. (часто – в краткой форме) *спокойный, неподвижный, занятой, готовый* и др.):

англ. *The house was aflame* (LDCE, 17), *The closet door was ajar* (J.Smiley, 228), *The sea was very calm* (W.S.Maugham₂: Электрон. ресурс), *You're astir early this morning* (Multilex: Электрон. ресурс), *The heat and electricity had been off since the first of December* (J.Smiley, 358)

нем. *Und Felder war schon fertig* (J.H.Маскау₁: Электрон. ресурс), *Sie waren alle beschäftigt* (J.H.Маскау₁: Электрон. ресурс), *Das Haus war offen* (J.H.Маскау₁: Электрон. ресурс)

рус. *Море спокойно* (ТСРЯ, 783), *Но сейчас колесо – неподвижно* (Е.И.Замятин: Электрон. ресурс), *Наконец чемодан и сак были готовы* (Ф.М.Достоевский, 261), *Отец игумен в настоящий час занят* (Ф.М.Достоевский, 36)

Особого внимания заслуживают предложения с причастием II для выражения семантики состояния. Интересующую нас структуру *be_{link} – Part II*, называемую стативом, «пассивом состояния» (Zustandspassiv; statal passive) [Князев 1982; Helbig, Kempter 1978; Буланин 1978, 197], необходимо отличать от акционального пассива (Vorgangspassiv) – аналитической глагольной формы (англ. *The office was closed in a twinkling* (Ch. Dickens: Электрон. ресурс), *The house was built in the early 19th century* (Lingvo: Электрон. ресурс), рус. ... *и в миг он был окружен* (М.М.Пришвин₁), *Еще до приезда хозяев и гостей был накрыт большой стол в зале* (С.Т.Аксаков, 137)). В предложениях с именным составным сказуемым, которое является свободным синтаксическим сочетанием глагола-связки с причастием II, выражается результирующее состояние, в котором предполагается завершенность предшествующего действия [Недялков, Яхонтов 1983, 7]: англ. *From July to September every year the leading theaters in London and the provincial cities were closed for the summer vacation* (E.Terry: Электрон. ресурс), рус. *Все двери в соборе открыты* (И.А.Бунин, 406).

Так, в английском и русском языках наблюдается синтаксическая омонимия структуры *be – Part II*, в то время как в немецком (а также в польском, шведском, голландском и др.) статив и пассив имеют формальные различия: стативное значение выражается конструкцией с глаголом *sein* ‘быть’, а акциональный пассив – с глаголом *werden* ‘стать’: а) ... *und die kindlichen Lippen waren im Schlummer geöffnet* (Th.Mann₂: Электрон. ресурс), б) *Im selben Augenblick wird die Thüre*

geöffnet (A.Achleitner: Электрон. ресурс). Принято считать, что составное сказуемое со значением результативного состояния может образовываться только от глаголов с предельным значением [Холодович 1979, 138-140] («только предельные глаголы обозначают действия, имеющие естественный результат» [Плунгян 1989, 57]) и в отличие от аналитической формы страдательного залога не может характеризоваться обстоятельствами образа действия, описывающими протекание действия, развитие процесса:

англ. *The building is locked up* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс), *His flute was broken, and broken finally* (D.H.Lawrence: Электрон. ресурс)

нем. *Wahrscheinlich ist der Fuß gebrochen* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс), *Sein Mund war geschlossen* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс), *Der Tisch war aufgehoben* (A. von Arnim: Электрон. ресурс), *Aber zugleich war er [Grenouille] gefangen* (P.Süskind: Электрон. ресурс), *Oh, ich war völlig unvorbereitet* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс)

В русском языке результативное составное сказуемое строится при помощи кратких страдательных причастий на *-т*, *-н/-ен*, образованных, в основном, от переходных глаголов совершенного вида: *В горенке ставни были закрыты день и ночь* (М.А.Шолохов, 268), *Окна в сад подняты* (И.А.Бунин, 110), *Телега была распряжена, (а лошадь паслась рядом)* (А.И.Приставкин, 192).

Предложения, построенные по данной модели, обозначают наличное в действительности и зрительно воспринимаемое результативное состояние.

2. $N_1 - be_{link} - Part II - (prep) N_2$. Кроме приведенной выше модели, выделяются предложения, описывающие ситуацию с двумя участниками и строящиеся по указанной схеме. Компонент N_2 является выражением инструментива – участника ситуации, посредством которого было произведено предшествующее данному состоянию действие и который продолжает находиться в контакте с пациентивом и объективом, что еще раз подчеркивает результативный характер положения вещей. В роли предикатива встречаются

такие причастия, как англ. *covered, surrounded*, нем. *bedeckt, erfüllt*, рус. *покрытый, устланный, занавешенный, окруженный* и т.д.:

англ. *They [the stairs] were covered with torn carpet* (W.S.Maugham₁, 113),

нем. ... *sein Körper war mit klebrigem Schweiß bedeckt* (Th.Mann: Электрон. ресурс), *Das Zimmer war mit Rauch erfüllt* (Lingvo: Электрон. ресурс)

В русском языке второй именной компонент имеет форму творительного падежа: *А пол был весь устлан сухими пчелами* (И.А.Бунин, 222), *Толстые, как бревна, черемухи были покрыты уже потемневшими ягодами* (С.Т.Аксаков, 29).

Таким образом, форма *be_{link}* – *Part II*, выступающая в предложении в роли составного именного сказуемого, выражает значение результативного состояния инактивного партиципанта и имплицитно предшествующее ему действие (омонимичная ей форма пассива входит в грамматическую категорию залога и является аналитической).

3. $N_1 - V_{link} - prep N_2$, где компонент N_1 представлен существительным или местоимением, обозначающим пациентива или объектива, а компонент N_2 , употребляемый с предлогом, указывает на состояние, в котором пребывает партиципанта. В предложениях данного типа употребляются предложные сочетания (англ. *in (out of) danger, in ruins, on fire, in a mess, in full fling, on the fritz, under control, in trouble, at a standstill, at war, in (out of) luck*, нем. *im (außer) Gefahr, in Not, im Gange, in der Ordnung, in Ruhe, in voller Blüte*, рус. *в руинах, в (бес)порядке, в (без)опасности, под контролем, в сборе, в осаде, на подъеме, в расцвете, на мази, в цвету, в разгаре* и т.д.). Позицию V_{link} заполняют связочные глаголы, а также полнзначные глаголы, синкретно выполняющие и связочную функцию (например, англ. *lie, stand*, нем. *liegen, stehen*, рус. *лежать, стоять*):

англ. ... *the houses across the street were in ruins* (G.Greene, 59), *The great tournament was in full swing* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс), *Work was at a standstill* (LDCE, 1029), *Your sister ... is out of danger* (J.Austen, 212), *Now the car was under control again* (J.Smiley, 59), *The whole workforce is on strike* (LDCE, 1048),

The country is now at war (Multilex: Электрон. ресурс)

В немецком языке существительное, входящее в предложно-именное сочетание, имеет форму дательного падежа и сопровождается предлогами *in, auf, außer* и нек. др.: *Dort war alles in der Ordnung* (J. Gotthelf: Электрон. ресурс), *Fruchtbäume ... standen in voller Blüte* (A. von Arnim: Электрон. ресурс), *Ein immenses, ein übermenschliches Drama war im Gange* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс), *Er ist außer Gefahr* (Lingvo: Электрон. ресурс).

Для русского языка характерно употребление существительного в предложном падеже с предлогами *в, на*, реже – *при*, а также в творительном падеже с предлогами *под* и в родительном падеже с предлогом *вне*: *Рододендроны (Rhododendron dahuricum L.) были теперь в полном цвету* (В.К.Арсеньев: Электрон. ресурс), *Город в осаде* (ТСРЯ, 473), *Конское снаряжение и одежда людей были в порядке* (В.К.Арсеньев: Электрон. ресурс), *Спектакль был во всем разгаре* (Л.Н.Толстой₂, 114), *Дело на мази* (ТСРЯ, 347).

В рассматриваемой модели предикат состояния может быть выражен не только предложно-падежными формами, но и сочетанием классификаторов имен состояния (*состояние, положение*), неспособных самостоятельно выражать то или иное состояние, с прилагательными или существительными в функции определения. Прилагательное находится в препозиции к классификатору:

англ. *The wall is in a ruinous state* (Multilex: Электрон. ресурс), *His car ... is in excellent condition* (LDCE, 210), *Medical science was in a far less advanced state than now* (J.K.Jerome₂, 10)

нем. *Anton war in dieser Zeit in der unbequemsten Lage* (A. von Arnim: Электрон. ресурс), *Das Haus befindet sich in einem ausgezeichneten Zustand* (Lingvo: Электрон. ресурс)

рус. *Сейчас [Половцев] – на нелегальном положении* (М.А.Шолохов, 461), *Была бы уже азиатская база в боевом состоянии* (В.Васильев: Электрон. ресурс), *Дела Степана Аркадьича находились в дурном положении* (Л.Н.Толстой₂, 288)

Определения-существительные, напротив, употребляются в постпозиции: в английском языке они сопровождаются предлогом *of*, а в русском языке имеют форму родительного падежа:

англ. *The house was in a state of complete disorder* (LDCE, 294), *The French army was then in a state of paralysis* (Multilex: Электрон. ресурс)

рус. *После листопада деревья находятся в состоянии покоя* (ТСРЯ, 567), *Неужели мы опять ... в диком состоянии свободы* (Е.И.Замятин: Электрон. ресурс)

В немецком языке отмечено употребление сложных существительных с компонентом *-zustand*: *Die Staaten befinden sich im Kriegszustand* (Lingvo: Электрон. ресурс).

4. *N* – *be_{link}* – *Adv_{pred.}*. Особенностью данной модели является наличие здесь предикативных наречий:

англ. *Now the harvest was over* (J.Smiley, 346), *The moon is up* (Multilex: Электрон. ресурс), *... tables and chairs were all upside down* (D.H.Lawrence: Электрон. ресурс)

нем. *Die Fenster sind auf* (Lingvo: Электрон. ресурс)

рус. *Собака взанерти* [Золотова 1978, 51], *В доме все вверх дном* (ТСРЯ, 68), *Двери в доме были везде настежь* (С.Т.Аксаков, 132), *Наша боевая организация наготове* (М.А.Шолохов, 162)

Разнообразные ситуационные состояния, таким образом, находят выражение в моделях, где семантический предикат представлен сочетанием глагола-связки и а) прилагательного или причастия II, б) предложно-именного сочетания и в) предикативного наречия со стативным значением.

3.6. AMBIENT STATE

Само окружение, пространство, в котором протекает деятельность организмов и человека, находится в каком-либо состоянии. Это состояние

специфично ввиду того, что в таком положении дел, рассматриваемого как нерасчлененное, нет отдельного, явного предмета, находящегося в некотором состоянии. Оно, как отмечает У. Л. Чейф, охватывает все окружение и является всеохватывающим, или амбиентным (*ambient*) [Чейф 1975, 120]. Соответствующую этому положению дел семантическую структуру предложения формирует семантический предикат амбиентного состояния (*state_{amb}*). В предложениях с семантикой состояния среды описываются температурные, цветосветовые, звуковые, структурные и др. признаки окружающей среды [Матханова 2003, 107]. То, что пребывает в состоянии – окружающая обстановка, совокупность природных условий – слишком аморфно и всеобъемлюще, чтобы быть определено как конкретный партиципant. Однако амбиентное состояние может быть локативно ограничено и не ограничено.

Типовое значение «амбиентное состояние» на формально-структурном уровне предложения реализуется в следующих структурных схемах:

1) Стремление английского и немецкого языков к обязательному присутствию подлежащего в синтаксической структуре предложения реализуется в наличии в них такой безличной структурной схемы, как *It/Es – be_{link} – Adj/PartII*, где позицию подлежащего занимает формальный компонент *it* или *es*, которому, по утверждению У. Л. Чейфа, нет соответствия в семантической структуре [Чейф 1975, 120]. Безличное подлежащее, «пустое» по содержанию [Сусов 1973, 41], выполняет структурную, строевую роль в предложении, обеспечивая таким образом двусоставность предложения, когда позиция синтаксического предмета не подкреплена семантически [Левицкий 2001, 73-74]. Безличными не только по оформлению, но и по семантике признает подобные предложения и О. И. Москальская [Москальская 1974, 87].

англ. *It's cold* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс), *It was sunny again* (D.H.Lawrence: Электрон. ресурс)

нем. *Es ist ein wenig kalt* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс), *Es war beleuchtet und*

warm, wie immer (J.H.Маскау₁: Электрон. ресурс), *Es ist heute schwül* (НРРНС, 554)

Что, касается русского языка, то здесь мы тоже находим безличные предложения, которые строятся по модели *(N) – be_{link} – Adj_{pred}*, в которой выражением состояния среды является прилагательное в краткой форме – т. н. бессубъектное прилагательное [Мигирин 1970, 152], в отсутствии обозначения носителя состояния утратившее согласовательные грамматические категории: *Да, морозно* (М.А.Шолохов, 84), *Было душно и пыльно* (В.Быков: Электрон. ресурс), *Около минуты было очень тихо и спокойно* (В.Васильев: Электрон. ресурс), *Сегодня пасмурно* (ТСРЯ, 508). Следует заметить, что наименование среды в подобных примерах отсутствует, но это не значит, что структурно русское предложение, выражающее состояние среды, состоит лишь из глагола-связки и прилагательного, образующих составное сказуемое. Вопрос о составе модели предложения решается на основе отграничения того абстрактного образца, который существует в языке, и его конкретно-речевой реализации. Как отмечалось выше, предложение обладает особой характеристикой – двусоставностью, то есть обязательно имеет в своей синтаксической структуре и подлежащее, и сказуемое. В наших примерах, мы признаем это вслед за Г. А. Золотовой [Золотова 1982, 113], Ю. А. Левицким [Левицкий 2001, 52] и др., отсутствие компонента, называющего среду, обусловлено контекстно.

В некоторых случаях указание на среду все-таки содержится в предложении: по свидетельству А. Г. Елисейевой, эти указания лишь косвенные [Елисейева 1982, 327-328]. Во-первых, к ним относится кванторное слово: англ. *everything, all*, нем. *alles*, рус. *всё*. Подобное подлежащее с обобщенным и неопределенным значением легко эллиптируется:

англ. *Everything was silent* (J.Austen, 106), *All was still* (К. Mansfield: Электрон. ресурс)

нем. *Alles ist ruhig wie vordem* (А.Achleitner: Электрон. ресурс)

рус. *Все было мокро* (И.А.Бунин, 291), *Все было тихо, глухо, пусто*

(С.Т.Аксаков, 194)

Во-вторых, рассматриваемая модель допускает распространение а) именным компонентом и б) наречием, локально ограничивающими состояние:

а) англ. *It is so hot in the dancing-room* (Ch.Bronte: Электрон. ресурс), *It was dark on the porch* (J.Smiley, 212)

нем. *Ja, es war dunkel schon unter den Bäumen* (J.H.Маскау₂: Электрон. ресурс)

рус. *В каморке было прохладно* (М.А.Булгаков, 290), *В кухне было полутемно* (М.А.Шолохов, 438), *В зале было шумно* (А.И.Приставкин, 135)

б) англ. *It was dark outside* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс), *It's so noisy here* (Multilex: Электрон. ресурс)

нем. *Es ist dunkel ringsum* (A.Achleitner: Электрон. ресурс), *Hier ist es einsam, kühl und schön* (J.H.Маскау₂: Электрон. ресурс)

рус. *Там светло и людно* (И.А.Бунин, 116), *Здесь грязно* (Л.Н.Толстой₂, 59), *Теперь еще везде мокро и грязно* (С.Т.Аксаков, 213)

3. *N – be – (prep N₂/Adv)*. Предложения рассматриваемого типа встречаются в русском и немецком языках и включают в себя полнозначный глагол *быть* (либо его эквиваленты со значением бытия, нахождения: *стоять*, *висеть* и др.) и существительное, называющее состояние внешней среды или обстановки и выполняющее функцию подлежащего. Кроме того, в предложении может содержаться указание на локализацию данного состояния – наречие или существительное с предлогом. Таким образом, в предложении сообщается об опредмеченно представленном состоянии среды, природы:

рус. *Даже не тепло, а жара, скорее духота* (В.Быков: Электрон. ресурс), *В комнате был нестерпимый жар и духота* (С.Т.Аксаков, 124), *В воздухе стояла такая жара* (В.К.Арсеньев: Электрон. ресурс)

нем. *Überall ... eine bittere Kälte!* (A.Achleitner: Электрон. ресурс), *Draußen ist klirrender Frost* (Lingvo: Электрон. ресурс)

Для выражения предметно представленного состояния среды в английском языке встречается конструкция с вводным *there* и глаголом *be* – ***There – be – N₁ – (prep N₂)***: *There was a hard frost last night* (LDCE, 417), *There is quite a chill in the air this morning* (Multilex: Электрон. ресурс).

Таким образом, в связи с нерасчлененным, всеобъемлющим характером амбиентного состояния его выражение тяготеет к безличной конструкции, в которой среда-носитель не находит явного выражения, а в английском и немецком языках используются формальные компоненты *it/es* для оформления двусоставности предложения.

Выводы по Главе 2

Предпринятое комплексно-аналитическое исследование категории «состояние» и ее репрезентации в языке выявило неоднородность данной категории, наличие целого ряда разновидностей состояний. Выделенные виды и подвиды состояния получили определение и детальное описание.

Наличие у предложения семантики состояния доказывается экспериментально: предложение обладает семантикой состояния, если оно: а) не удовлетворяет трансформации в атрибутивное словосочетание, б) удовлетворяет трансформации глагольного и именного сказуемого в сочетания «*быть в каком-л. состоянии*», «*чувствовать/ощущать что-л.*» (для установления принадлежности к группе экспериенциальных состояний), «*относиться к кому-л. с каким-л. чувством*» (для определения принадлежности к состояниям эмоционального отношения).

Структура ситуации того или иного типа состояния в процессе восприятия и описания отражается в сознании, перерабатывается и упорядочивается с помощью языковых категорий на семантическом и формально-структурном уровнях предложения. Отвлечение от частных свойств реальных высказываний, не влияющих на фундаментальные свойства семантического и формально-

структурного аспектов предложения, и применение приема редуцирования, т.е. опущения компонентов предложения с целью определения его структурно-семантического минимума, позволило выявить систему семантических и структурных моделей предложений, служащих для выражения разных онтологических видов состояния (См. Приложение: Таблица 1).

Анализ выявленной системы формально-структурных моделей предложений с семантикой состояния, приводит к выводу о том, что несмотря на идиоэтнический характер поверхностных структур, можно говорить о существовании универсальных формально-синтаксических типов предложений с семантикой состояния для исследуемых языков. Вместе с тем, некоторые свойственные языку способы репрезентации состояния оказываются исключительно национально-специфическими (См. Приложение: Таблица 2).

Полученные результаты свидетельствуют о существовании двух разновидностей способов представления состояния:

а) предложения, в составе которых семантическому предикату соответствует составное именное сказуемое – сочетание связочного глагола и прилагательного, причастия прошедшего времени, предложно-именного сочетания и предикативных наречий. Глагол-связка в подобных предложениях представлен либо глаголами *be* (англ.), *sein* (нем.), *быть* (рус.), либо их лексикализованными эквивалентами – полусвязочными глаголами, такими как англ. *feel, seem, look, stay, keep*, нем. *scheinen, aussehen, bleiben, sich fühlen*, рус. *казаться, выглядеть, оставаться, чувствовать себя*, либо полнозначными глаголами, выполняющими синкретно и связочную функцию (например, англ. *stand, lie, sit* и др.: *I lay awake in the hot darkness* (J.Smiley)), причем подобные случаи можно трактовать как контаминацию глагольного и именного сказуемого при компрессии слитно-сочиненных предложений с однородными предикатами: *I lay and was awake*. В предложениях, содержащих сочетание связочного глагола именной части, признак статичности проявляется в полной мере.

б) предложения, в которых состояние партиципанта выражается глагольным сказуемым, обозначающим как имманентные, так и реляционные ситуации. Соответственно, в роли сказуемого встречаются стативные глаголы, обладающие разной валентностью. Актантная и формальная структура предложения с семантикой состояния зависит от грамматической природы глагола, обуславливающей его валентностные характеристики, открывающие необходимое количество мест для именных компонентов предложения: его личности/безличности, переходности/непереходности и возвратности/невозвратности.

Структурная модель с составным сказуемым, содержащим прилагательное или причастие в роли предикатива, оказывается наиболее частотной и характерной для всех рассматриваемых языков при репрезентации разнообразных состояний партиципанта. При этом, прилагательное предикатирует предметному компоненту просто статичный признак, а предикат, выраженный глаголом-связкой и предикативом-причастием, содержит сопутствующее значение результативности состояния: в нем содержится импликация на завершенность действия, приведшего к данному состоянию.

Модель предложений с предложно-именным предикативом также является регулярно используемой и продуктивной в рассматриваемых языках для семантики и внешнего, и внутреннего состояния. Наиболее широко данная модель используется при выражении психических, ментальных и внешних ситуационных состояний. Употребляемые здесь глаголы-связки *быть*, *находиться*, *пребывать*, *оставаться* подчеркивают, с одной стороны, длительность и с другой – ограниченность временных рамок состояния. Заметно большая доля предложений с предложно-именным предикативом свидетельствует о тенденции к расширению анализма в грамматической форме сказуемого в таких синтетических языках, как русский.

Проведенный анализ репрезентации категории «состояние» позволяет

утверждать, что соотношение семантической и формально-синтаксической структур предложений с семантикой состояния обнаруживает некоторые закономерности, которые сводятся к следующим случаям асимметрии:

1. Соответствие нескольких формально-синтаксических структур одной семантической структуре – случай синтаксической синонимии. Предложения, в основе которых лежит одна и та же сигнификативная ситуация состояния, могут представлять собой разные способы ее описания: например, *Он так грустен* (Л.Н.Толстой₂, 350), *Мне было сначала грустно* (С.Т.Аксаков, 53), *Милая моя сестрица ... очень грустила* (С.Т.Аксаков, 150-151), *... вместо радостного чувства я испытывал грусть* (С.Т.Аксаков, 141); *Маменька больна* (С.Т.Аксаков, 55) и *Ведь он же очень болеет!* (М.А.Шолохов, 512). Самым богатым набором дифференцированных моделей представления обладают, как показывает наше исследование, внутренние физические и психические состояния.

2. Одна и та же формальная структура используется для выражения разных типовых значений. Подобное соотношение формальной структуры и семантики известно как омонимия и полисемия: например, модель *N – V* лежит в основе предложений, выражающих состояние (*Ted was lying very still* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс)), действие (*Alec smiled gravely* (W.S.Maugham₁: Электрон. ресурс)), процесс (*The meat's getting rather mouldy* (W.S.Maugham₂: Электрон. ресурс)), событие (*Ellen colored* (J. Cheever, 47)). В сфере состояния модель *N – V* соответствует семантике внутреннего физического и психического состояния (англ. *The great man still mused* (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс), нем. *Das Kind schlief* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс), *Er zögerte eine Weile* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс), рус. *Больной весь горит* (ТСРЯ, 140)), внешнего состояния – положения в пространстве, социального состояния (англ. *I was standing* (J.Smiley, 159), нем. *Wir darben* (Lingvo: Электрон. ресурс), рус. *Рудольф стоял* (А.Беляев₁:

Электрон. ресурс)).

Исследование показало, что состояние приписывается неактивному конкретно-единичному или конкретно-множественному носителю: одушевлённому существу, неодушевлённому предмету, а также предметно-мыслимым явлениям и процессам. В качестве выражения носителя состояния выступают имена разнообразной предметной семантики: одушевленные (часто – антропонимы) и неодушевленные существительные, а также их дейктические эквиваленты – местоимения. В зависимости от грамматического способа выражения носителя состояния выделяются два типа моделей предложений: 1) модели, отмеченные во всех рассматриваемых языках, в которых носитель состояния воплощается в форме именительного (или общего) падежа имени существительного или местоимения (англ. *I'm thirsty* (J.Smiley, 236), нем. *Er war müde von der Reise* (J.F. von Eichendorff: Электрон. ресурс), ... *ich friere* (R.M. Rilke: Электрон. ресурс), рус. *Он сейчас тяжело болен* (А.И.Приставкин, 241), и 2) так называемые безличные модели, встречающиеся в русском и немецком языках для репрезентации семантики внутреннего (физического и психического) состояния живого существа, где носитель состояния выражен формой косвенного падежа (рус. *Ей было хорошо* (И.С.Тургенев, 82), *От ваших разговорчиков меня тошнит* (М. А. Шолохов, 526), нем. *Mir ist elend* (Lingvo: Электрон. ресурс), *Mich friert* (Lingvo: Электрон. ресурс). Выбор падежной формы имени зависит от грамматической специфики глагола-сказуемого и от грамматического строя языка в целом (наличия категории падежа, доминирования управления или примыкания и т.д.).

В то время как в номинативной конструкции с традиционным подлежащим активность и пассивность партиципанта не маркированы, в аффективных моделях с косвенной формой выражения носителя состояния его инактивность оказывается эксплицитно выраженной. Партиципant в таком случае, можно добавить, примиряется с тем состоянием, положением, в котором он оказался не по своей

воле, что становится очевидным при сравнении предложений: ... *мне просто стыдно* (Е.И.Замятин: Электрон. ресурс) и *Она ... стыдилась* (Л.Н.Толстой¹, 413), *Мне боязно* (ТСРЯ, 55) и *Боюсь я, барин...* (Ф.М.Достоевский, 389). Таким образом, ярко выраженная флективность в русском и немецком языках, в отличие от аналитичности английского, способствует дифференциации способов представления в структуре предложения носителя состояния, но при этом господствующим средством его сигнализации все же остаётся именительный падеж.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование семантической и формально-структурной репрезентации категории «состояние» позволяет прийти к следующим основным выводам:

1. В понятие «состояние» в философском и лингвистическом понимании вкладывается разный смысл: в философии «состояние» трактуется либо как любой момент в существовании субстанции, либо как непрерывно изменяющееся проявление субстанции в противоположность ее устойчивым, постоянным, сущностным признакам. В языкознании «состояние» рассматривается как одна из основных универсальных семантических категорий, отражающая в содержании языковых единиц специфический тип положения вещей, характеризующийся стабильностью, отсутствием изменения на протяжении некоторого отрезка времени.

2. В данной работе в отличие от других исследований, опирающихся на понимание состояния как словарной или частеречной категории, «состояние» рассматривается как предложенческая категория. Состояние следует рассматривать в рамках предложения в связи с тем, что предметы во внеязыковом мире даны не сами по себе, а через ситуации, представляющие способ их существования, и сами признаки, одним из видов которых и является состояние, не существуют отдельно от предметов, являясь лишь их акциденциями. Координация предмета и его состояния образует комплексную ситуацию внеязыковой действительности, которая является денотатом предложений. Только предложение, где находит выражение предсказание акцидентального, актуального признака предмету, является средством полноценного выражения понятийной категории «состояние» в языке.

3. Анализ предложений с типовым значением состояния в данном исследовании опирается на знаковую природу предложения. Следовательно, предложениям состояния была дана комплексная характеристика: в фокусе

оказались и структура их содержания – семантическая структура, и их формальная организация.

4. Определение места предложений, выражающих состояние, в общей семантической классификации предложений проведено на основе типологии семантических предикатов, исходным критерием которой является признак статичность-динамичность. В группе динамических предикатов различаются предикаты **действия** (активная целенаправленная деятельность), **события** (инактивное мгновенное изменение состояний или свойств) и **процесса** (инактивное длительное изменение состояний или свойств), а в сфере статических предикатов – предикаты **качества (свойства)** и предикаты **состояния**.

5. Предикаты состояния обладают следующим набором дифференциальных признаков:

- статичность, т.е. отсутствие изменения, движения, деятельности, развития предмета во времени в сочетании с целостностью, гомогенностью, непрерывностью признака, которые противостоят пофазному течению большинства действий и процессов;
- акциденциальность, т.е. преходящий, временный характер, т. к. состояния приписывают предмету признак, актуальный в данный период времени и не влияют на его сущностные характеристики;
- потенциальная изменчивость, т.к. состояние не является постоянным, оно вытекает из предыдущего состояния и неизбежно сменяется каким-то другим, новым состоянием;
- длительность, немгновенность: состояния занимают не точку, а отрезок на временной оси, что подтверждается возможностью распространения предложений обстоятельствами – наречиями и адвербиальными выражениями, указывающими на длительность, на некоторый временной отрезок или весь период существования состояния;
- неагентивность, инактивность носителя состояния.

6. Состояние, как показывает исследование, является сложной, гетерогенной категорией. В работе разработана система онтологических видов и подвидов состояния по принципу «от общего к частному», основанная на четкой иерархии признаков, характеризующих различные отношения между предметом и испытываемым им состоянием. На первом этапе состояния были разделены на максимально большие группы на основе различия в сферах существования состояния по отношению к его носителю: **внутреннее состояние**, затрагивающее внутренний мир носителя, локализованное внутри него и не выходящее за рамки его телесной и духовной сферы, и **внешнее состояние**, которое локализовано за пределами носителя. Дальнейшая субкатегоризация состояний опиралась на онтологическую природу статичной манифестации предмета и отношений предмета к испытываемому им состоянию, а также учитывала характер носителя состояния. Так, сфера внутренних состояний объединяет *физические (физиологические)* и *психические* состояния. Важным и необходимым оказалось проведение границы между физическими экспериенциальными и неэкспериенциальными состояниями, подробное описание психических состояний. Особую трудность при анализе психических состояний представляют умственные и волевые состояния, определение и субкатегоризация которых осложняется отсутствием четкой границы между ними и частое их совмещение в ситуации действительности. Был выделен целый ряд внутренних состояний сложной структуры, включающих как ментальные и волевые, так и эмоциональные компоненты (например, такие, как состояние решительности/нерешительности, уверенности/неуверенности и др.). В сферу внешних состояний входят: *бенефактивное* состояние (состояние обладания), *положение* предмета в пространстве, *локативное* состояние (местонахождение предмета), *социальное* состояние, *амбиентное* состояние (состояние среды) и ряд других более мелких и разнородных состояний, которые можно объединить в группу *ситуационных* состояний.

7. Согласно положению денотативной концепции предложения об изоморфности семантических моделей структуре реальных ситуаций состав моделей, тип семантического предиката состояния, количество и природа субстанциальных компонентов зависят от характера состояния, числа и роли участников соответствующей ситуации. Онтологически ситуации состояния бывают имманентными и реляционными, соответственно, предикаты состояния одно- и двухаргументны: семантические модели, в составе которых присутствует лишь один актанта, представляют состояние, замыкающееся на его носителе: **пациентиве (P)** – одушевленном, инактивном партиципанте, пребывающем в некотором состоянии, **экспериенсиве (Exp)** – одушевленном, инактивном партиципанте, который что-л. ощущает или чувствует, или **объективе (O)** – неодушевленном, неактивном носителе состояния. Семантические модели с двумя облигаторными актантами представляют состояния-отношения, связывающие две сущности. Кроме вышеупомянутых актанта, в таких моделях представлен и **бенефактив (Ben)** – одушевленный, инактивный партиципант, находящийся в состоянии обладания чем-либо. Особняком в этом отношении стоит состояние среды, охватывающее не отдельный предмет, а все окружение, и обобщающееся языковым сознанием в семантической модели с амбиентным предикатом состояния, не открывающим мест для актанта.

8. В процессе исследования установлено, что при описании ситуаций состояния средствами языка соответствующая семантика накладывает определенные требования на организацию синтаксической структуры предложения и в значительном числе случаев предопределяет отбор формальных кодирующих средств. Это еще раз подтверждает положение о том, что семантика «управляет» синтаксисом. Анализ фактического материала позволил выделить следующие общие для рассматриваемых языков черты репрезентации семантики состояния на формально-структурном уровне предложения:

- Языкам свойственно разнообразие структур, репрезентирующих состояние.

Это разнообразие объясняется возможностью представить семантический предикат состояния глаголами разной грамматической специфики (переходными, непереходными, возвратными, безличными), от которой зависит количество и форма именных компонентов.

- Выражение состояния в английском, немецком и русском языках опирается преимущественно на одни и те же модели предложений. Универсальность используемых моделей объясняется тем, что глаголы (полнозначные и связочные в сочетании с прилагательным, причастием, предложно-именным сочетанием в качестве предикативного члена), являющиеся моделиобразующими центрами и репрезентантами семантического предиката состояния, открывают в зависимости от своей семантики, которая в свою очередь опирается на онтологический характер состояния, определенное количество мест для именных компонентов – существительных (или местоимений).
- Результаты исследования опровергают мнение о том, что динамичность связывается лишь с глагольным выражением, а статичность – непременно с неглагольным способом выражения предиката. Разумеется, прототипом выражения динамичности является глагольное сказуемое, а статичности – составное именное. Не вызывает сомнения и то, что приоритет в выражении состояния принадлежит предложениям с именным сказуемым, так как в первую очередь именно с ним связывается представление о статичности ситуации, непроцессуальном признаке, однако в языке существует и глагольное представление состояния, о чем свидетельствует существование глаголов состояния, в семантике которых отмечается отсутствие изменения, движения, деятельности, развития предмета во времени.
- Отмечается возможность множественного отображения в языке одной и той же ситуации состояния, являющаяся основой существования синтаксической синонимии. С другой стороны, модели предложений, выражающих состояние,

могут являться репрезентантами и других онтологических ситуаций (действий, событий, процессов, качеств). Все это подтверждает то, что между семантической и синтаксической структурами нет одно-однозначного соответствия. Явления синонимии, омонимии и полисемии синтаксических структур в области состояния заслуживают специального внимания потому, что непосредственно соотносятся с глобальными проблемами языкознания – законом асимметричного дуализма языкового знака, проблемой инвариантности-вариантности, принципом языковой экономии, а также со свойством конечности и воспроизводимости единиц языка. Представляется, что выявленная возможность выбора разных структурных моделей при описании одного и того же типа состояния окажется полезной для исследования внутриязыковой и межъязыковой функциональной синонимии.

9. Характер отраженного в предложении состояния конкретизируется на поверхностном уровне взаимодействием структурной модели с ее морфологическим оформлением и лексическим наполнением. Морфологические особенности репрезентации категории «состояние» в предложении зависят от характера грамматического строя языка (синтетический или аналитический), доминирующего способа выражения синтаксических подчинительных связей (согласование, управление и примыкание), наличия или отсутствия грамматической категории падежа, а также словообразовательных возможностей языка. Так, в предложении позиция имени-носителя состояния сигнализируется комплексом линейно-синтаксических и морфологических средств: оно занимает преимущественно левостороннюю позицию по отношению к глаголу и оформляется при помощи грамматической категории падежа (если таковая имеется в языке). Поскольку русский и немецкий языки обладают развернутой падежной системой, в них отмечается дифференциация морфологического оформления именного компонента, называющего носителя состояния: он может быть выражен как формой именительного, так и формой косвенного падежа.

Английский язык в силу своей аналитичности и ввиду отсутствия падежной системы не допускает такой дифференциации. Другим примером важности особенностей грамматического строя языка для репрезентации состояния является, например, разграничение способов представления бенефактивной ситуации состояния: в то время, как английский и немецкий языки, являясь языками обладания (*have-languages*), выражают бенефактивное состояние при помощи глаголов *have* и *haben*, русский язык, принадлежащий к группе языков бытия (*be-languages*), использует конструкции с полнозначным бытийным глаголом *быть*. Что касается лексического наполнения, то оно является важным фактором разграничения структурно идентичных моделей, репрезентирующих разные типы состояний.

10. Проведенное исследование подтверждает перспективность ономазиологического подхода к синтаксису, ценность денотативной концепции предложения, необходимость исследования языкового материала в единстве формы и содержания. Думается, что результаты исследования могут иметь значение для теории и практики обучения как родному, так и иностранному языкам. В методике обучения синтаксису, основанной на функциональном подходе от значения к форме, учет содержательной стороны предложения, сосредоточение внимания на обобщенном типовом значении предложения, определение ролей предметных компонентов семантической структуры, а также отношений между ними, установление способов их выражения в том или ином языке способствуют оптимизации процесса обучения, систематизации (вместо изучения разрозненных моделей) формальных структур, призванных выражать ту или иную семантику, овладению богатым набором выражения некоторого содержания, повышению эффективности использования синтаксических средств языка в речи обучаемых.

11. Можно полагать, что результаты исследования также будут важны для теории и практики перевода, для разработки и совершенствования программного

обеспечения машинного перевода, так как первостепенным условием сохранения смысла предложения при переводе должно быть определение его семантики (типového значения) на основе типа предиката и выявление характера его отношений с предметными компонентами – семантическими актантами, что может быть достигнуто при детальном анализе семантической структуры предложения-оригинала.

12. Полученные результаты не ставят точку в исследовании категории «состояние» и ее репрезентации в предложении. Материалы и выводы нашего исследования, могут служить ориентиром для изучения предложений с семантикой состояния в других языках. Дальнейшая разработка проблемы категории «состояние» предполагает как изучение предложений с семантикой состояния в синхронно-сопоставительном аспекте на материале нескольких языков, так и анализ данных в системе какого-либо языка не только в синхронии, но и в диахронии, что позволит выявить закономерности развития языковой манифестации состояния во времени. Возможным направлением может стать анализ предложений, связанных деривационными отношениями и общей семой «состояние», а также рассмотрение соотношения семантики состояния с каузативностью. Более того, данное исследование могло бы оказаться полезным и для так называемой «новой лингвистики» – лингвистики компьютерной эпохи, одной из центральных задач которой является формальное и содержательное моделирование базы знаний как неотъемлемого компонента искусственного интеллекта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авилова Н.С. Вид залога и семантика глагольного слова. – М.: Наука, 1976. – 328 с.
2. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка: Система отношений и система построения. – Л.: Наука, 1973. – 336 с.
3. Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. Семантическая и грамматическая структура простого предложения – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 294 с.
4. Алисова Т.Б. Семантико-грамматическая классификация простых предложений // Вопросы языкознания. – 1970. – № 2. – С. 91-98.
5. Алисова Т.Б. Семантико-коммуникативный субстрат безличных предложений // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения (доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса). – М.: Наука, 1969. – С. 27-36.
6. Апресян Ю.Д. Проблема фактивности: *знать* и его синонимы // Вопросы языкознания. – 1995. – № 4. – С. 43-63.
7. Аристотель. Метафизика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/aristotle/metaphisic.html>
8. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. – М.: Мысль, 1976. – Т. 2. – 1978. – 687 с.
9. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М., 1993. – С. 3–7.
10. Арутюнова Н.Д. О номинативном аспекте предложения // Вопросы языкознания. – 1971. – № 6. – С. 63-73.
11. Арутюнова Н.Д. (**Арутюнова 1976а**) Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
12. Арутюнова Н.Д. (**Арутюнова 1976б**) Референция имени и структура предложения // Вопросы языкознания. – 1976. – № 2. – С. 24-35.

13. Арутюнова Н.Д. Синтаксис // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М.: Наука, 1972. – С. 259-343.
14. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. – М.: Русский язык, 1983. – 198 с.
15. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / Под общ. ред. В.П.Нерознака. – М.: Изд-во Akademia, 1997. – С. 267-280.
16. Ахманова А.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1966. – 608 с.
17. Бабайцева В.В. Соотношение структурных и семантических признаков синтаксических единиц при их изучении и описании // Предложение и его структура в языке (русский язык). Межвузовский сборник научных трудов. – М., МГПИ имени В.И.Ленина, 1986. – С. 3-13.
18. Баженов Л.Б. Структура и функции естественнонаучной теории. – М.: Наука, 1978. – 231 с.
19. Балашова С.П. Типовое значение предложения // Спорные вопросы английской грамматики / Зернов Б.Е., Варшавская А.И., Чахоян Л.П. и др.; Отв. ред. В.В.Бурлакова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – С. 64-74.
20. Бархударов Л.С. О так называемой категории состояния // Иностр. яз. в шк. – 1958. – N 6. – С. 114.
21. Бархударов Л.С. Проблема предложения в трактовке различных грамматических направлений // Вопросы языкознания. – 1976. – № 3. – С. 89-100.
22. Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка. – М.: Высш. шк., 1966. – 200 с.
23. Баскаков Н.А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков: Словосочетание и предложение. – М.: Наука, 1975. – 288с.
24. Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. Учеб. пособие для

- филол. специальностей ун-тов. – М.: Высш. школа, 1977. – 248 с.
25. Бенвенист Э. Общая лингвистика [Пер. с франц.] / Под ред., с вступит. статьей и коммент. Ю.С.Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
26. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // Новое в лингвистике, вып. IV. – М., 1965. – С. 434-449.
27. Блох М.Я. О различии так называемых глубинной и поверхностной структур предложения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л., 1975. – С. 16-18.
28. Блох М.Я. Проблема тождества предложения в свете соотношения понятий синтаксиса, семантики и информации // Вопросы языкознания. – 1977. – №3. – С. 73-85.
29. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 208 с.
30. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. – М.: Наука, 1985. – 175 с.
31. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. – Л.: Наука, 1971. – 115 с.
32. Бондарко А.В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений // Функциональный анализ грамматических категорий / Отв. ред. А.В.Бондарко. – Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1973. – С. 5-31.
33. Боронникова Н.В., Левицкий Ю.А. Лекции по истории лингвистики. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 224 с.
34. Буланин Л.Л. К соотношению пассива и статива в русском языке // Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С. 197-202.
35. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 7-85.
36. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – 622 с.

37. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. Учебник. – М.: Агар, 2000. – 416 с.
38. Валимова Г.В. О соотношении семантической и формальной структуры предложения // Семантическая структура предложения. – Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1978. – С. 20-29.
39. Вардуль И.Ф. Об изучении семантического аспекта языка // Вопросы языкознания. – 1973. – № 6. – С. 9-21.
40. Варшавская А.И. Некоторые типы локативных предложений в английском языке // Семантика слова и предложения. Межвуз. сборник науч. трудов. – Л., 1985. – С. 44-49.
41. Варшавская А.И. Смысловые отношения в структуре языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 135 с.
42. Васильев Л.Г. К вопросу о терминологии синтаксической семантики // Лексическая и синтаксическая семантика. Межвузовский сборник. – Барнаул, 1980. – С. 27-37.
43. Васильев Л.М. О принципах описания предикатной лексики // Исследования по семантике (Семантические единицы и их парадигмы). Межвуз. науч. сб. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1992. – С. 16-22.
44. Васильев Л.М. Семантика русского глагола: Учеб. пособие для слушателей фак. повышения квалификации. – М.: Высш. школа, 1981. – 184 с.
45. Васильев Л.М. Типы предикатных значений (на материале современного русского языка) // Исследования по семантике (Системно-функциональное описание и преподавание языка). Межвузовский сборник. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1990. – С. 54-61.
46. Вейнрейх У. О семантической структуре языка [Пер. с англ. И.А.Мельчука] // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1970. – Вып. 5. Языковые универсалии. – С. 163-250.
47. Венскович М.С., Воротынцев Е.Н. Различия в семантике слова и семантике

- высказывания // Романское и германское языкознание. Вып. 12. – Минск, 1982. – С. 3-7.
48. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. – 400 с.
49. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов. – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.
50. Виноградов В.В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения // Вопросы языкознания. – 1954. – № 1. – С. 3-29.
51. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: Изд. иностр. л-ры, 1958. – 134 с.
52. Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. – Воронеж: ВГУ, 1999. – 193 с.
53. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. – М., 2003. – С. 5–12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kubstu.ru/prbl_lincon/umbrella.htm
54. Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981. – 196 с.
55. Гайсина Р.М. Семная структура значений и типология глаголов отношения // Исследования по семантике (Лексическая и словообразовательная семантика). Межвузовский науч. сборник. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1979. – С. 30-38.
56. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики 1972. – М., 1973. – С. 349-372.
57. Гак В.Г. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур) // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения (доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса). – М.: Наука, 1969. – С. 77-85.
58. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис: Учеб. для

- ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., исправ. и доп. – М.: Высш. шк., 1986. – 220 с.
59. Галкина-Федорук Е.М. Суждение и предложение: Материалы к курсам языкознания. – М.: Изд-во Московского университета, 1956. – 76 с.
60. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1929. – Т. 1: Энциклопедия философских наук. – 368 с.
61. Гиро-Вебер М. К вопросу о классификации простого предложения в современном русском языке // Вопросы языкознания. – 1979. – № 6. – С. 63-75.
62. Голякова Л.А. О некоторых особенностях употребления деми-агентивных конструкций в немецком языке // Проблемы реализации системы синтаксиса. Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 1981. – С. 24-28.
63. Грамматика современного русского литературного языка (ГР-70) / Отв. ред. Н.Ю.Шведова. – М: Наука, 1970. – С. 767.
64. Грель М. К сущности типов предложения в славянских языках // Вопросы языкознания. – 1967. – № 5. – С. 60-68.
65. Гулыга Е.В. О взаимодействии смысла и синтаксической семантики предложения // НДВШ «Филологические науки». – 1976. – № 1. – С. 67-75.
66. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях, ч. I. – М.: Просвещение, 1964. – С. 85-104.
67. Гуревич В.В. Семантическая производность в грамматике. – М.: МГПИ имени В. И. Ленина, 1988. – 101 с.
68. Гуревич В.В. Теоретическая грамматика английского языка: Учебное пособие для филологических факультетов. – М.: МПГУ, 2001. – 105 с.
69. Дегтярев В.И. Основы общей грамматики. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1973. – 255 с.
70. Декарт Р. Избранные произведения [Пер. с франц. и лат.] / Ред. и вступит. ст.

- В.В.Соколова. – М.: Госполитиздат, 1950. – 711 с.
71. Елисеева А.Г. Семантический анализ языковых единиц, противопоставляемых по признаку действие – состояние. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 74 с.
72. Елисеева А.Г., Селиверстова О.Н., Ишевская Н.А. Семантические типы предикатов в английском языке // Семантические типы предикатов. - М., 1982. – С. 158-216.
73. Есперсен О. Философия грамматики [Пер. с англ. В.В.Пасека и С.П.Сафроновой] / Под ред. и с предисл. проф. Б.А.Ильиша. – М.: Изд. Иностран. лит., 1958. – 404 с.
74. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 308 с.
75. Золотова Г.А. К типологии простого предложения // Вопросы языкознания. – 1978. – № 3. – С. 49-61.
76. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
77. Золотова Г.А. О структуре простого предложения в русском языке // Вопросы языкознания. – 1967. – № 6. – С. 90-101.
78. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 351 с.
79. Ивашенко О.В. Языковая категоризация ментальных состояний // Актуальные проблемы лингвистического образования: теоретический и методологический аспекты: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. Самара, 25-26 ноября 2004 г. / отв. ред. С.В.Сухова. – Самара: Самар. гуманитар. акад., 2005. – С. 158-162.
80. Исаченко А.В. О грамматическом порядке слов // Вопросы языкознания. – 1966, – № 6. – С. 27-34.
81. Казарина В.И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании): Монография. – Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2002. – 225 с.

82. Кант И. Сочинения: В 6-ти т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3. – 799 с.

83. Карцевский С.И. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1965. Ч. 2. – С. 85-93.
84. Касевич В.Б. Субъектность и объектность: проблемы семантики // Теория функциональной грамматики. – СПб.: Изд-во «Наука», 1992. – С. 5-28.
85. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание / Отв. ред. А.В.Десницкая. – Л.: Наука, 1986. – 297 с.
86. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. – 216 с.
87. Кемкин В.И. Категория «состояние» в научном познании: Монография. – М.: Высш. шк, 1983. – 120 с.
88. Классовский В. Нерешенные вопросы в грамматике. – СПб., 1870.
89. Клобуков Е.В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1986. – 118 с.
90. Князев Ю.П. «Пассив действия» и «пассив состояния» (объектный результатив) в русском и других славянских языках // Структура и значение предложения. – М., 1982. – С. 79-91.
91. Колшанский Г.В. Некоторые вопросы семантики в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 5-31.

92. Колшанский Г.В. Проблемы коммуникативной лингвистики // Вопросы языкознания. – 1979. – № 6. – С. 51-62.
93. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 104 с.
94. Комри Б. Синтаксис и семантика в трансформационной генеративной грамматике // Проблемы структурной лингвистики 1972. – М., 1973. – С. 543-554.
95. Коротина В.И. Семантические типы предикатов состояния в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2004. – 192 с.
96. Кулигина И.А. Функциональная синонимия в сфере сказуемого в английском языке и факторы, определяющие выбор синонимов в дискурсе: Автореф. дис...канд. филол. наук. – Барнаул, 2003. – 19 с.
97. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Пер. с англ. и под ред. и с предисл. В.А.Звегинцева. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.
98. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. – М.: Просвещение, 1964. – 344 с.
99. Левицкий Ю.А. Общее языкознание: Учеб. Пособие / Перм. ун-т. – Пермь, 2004. – 296 с.
100. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса: Учебное пособие по спецкурсу/ Перм. ун-т; Перм. пед. ун-т. – Пермь, 2001. – 236 с.
101. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса: Учебное пособие по спецкурсу/ Перм. ун-т. – Пермь, 2003. – 419 с.
102. Лейкина Б.М. О категории состояния в современном английском языке // Исследование по грамматике: Ученые записки ЛГУ №180. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1955. – С. 223-254.
103. Лекомцев Ю.К. Психическая ситуация, предложение и семантический признак // Труды по знаковым системам. VI. – Тарту, 1973. – С. 444-464.
104. Лещенко М.И. Виртуальный и актуальный аспекты предложения //

- Романское и германское языкознание. Вып. 12. – Минск, 1982. – С. 12-15.
105. Лисина Л.Л. Слова категории состояния и их валентность в современном английском языке (Лекция) / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л., 1970. – 27 с.
106. Ломтев Т.П. Структура предложения в славянских языках как выражение структуры предиката // Славянское языкознание. Доклады советской делегации на VI Международном съезде славистов (Прага, август 1968). – М.: Наука, 1968. – С. 296-315.
107. Ломтев Т.П. Структура предложения в современном русском языке. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 198 с.
108. Лук А.Н. Эмоции и чувства. – М.: Знание, 1972. – 80 с.
109. Лукреций Кар. О природе вещей. – М.: Изд-во АН СССР, 1947. – 697 с.
110. Макеева Ю.Е. Место концепта «желание» в языковой картине мира и средства его репрезентации в современном английском языке // Актуальные проблемы лингвистического образования: теоретический и методологический аспекты: сб. матер. междунаро. науч.-практ. конф. Самара, 25-26 ноября 2004 г. / отв. ред. С.В.Сухова. – Самара: Самар. гуманитар. акад., 2005. – С. 179-182.
111. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 30 т. – 2-ое изд. – Т. 21. – М.: Госполитиздат, 1961. – 445 с.
112. Мартемьянов Ю.С. Порождение предложений и исследование лексики (о работе Ч.Филлмора “The Case for Case”) // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – М., 1970. – № 13. – С. 68-75.
113. Маслов Ю.С. Введение в языкознание: Учеб. для филол. спец. вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1987. – 272 с.
114. Маслова Н.А. Полевая структура категории действия в именном словообразовании русского и немецкого языков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kcn.ru/tat_ru/science/news/lingv_97/n117.htm
115. Матханова И.П. Вариативность высказываний с семантикой

- непроцессуального состояния в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. – СПб.: Наука, 2003. – С. 101-118.
116. Матханова И.П. Статальные ситуации и статальные предикаты // Теоретические проблемы функциональной грамматики: Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. А.В.Бондарко. – СПб.: Наука, 2001. – С. 69-75.
117. Мещанинов И.И. Глагол. – Л.: Наука, 1982. – 272 с.
118. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Труды Военного ин-та иностр. языков. – 1945. – № 1. – С. 5-17.
119. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – Л.: Наука, 1978. – 387 с.
120. Мигирин В.Н. Категория состояния или бессубъектные прилагательные? // Исследования по современному русскому языку. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – С. 150-157.
121. Москальская О.И. Вопросы синтаксической семантики // Вопросы языкознания. – 1977. – № 2. – С. 45-56.
122. Москальская О.И. Проблемы семантического моделирования в синтаксисе // Вопросы языкознания. – 1973. – № 6. – С. 33-43.
123. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка): Учеб. пособие для пед. ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высшая школа, 1974. – 156 с.
124. Мустайоки А. Возможна ли грамматика на семантической основе? // Вопросы языкознания. – 1997. – № 3. – С. 15-25.
125. Мухин А.М. Структура предложения и их модели. – Л.: Наука, 1968. – 227 с.
126. Недялков В.П., Яхонтов С.Е. Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). – Л.: Наука, 1983. – С. 5-41.

127. Ньютон И. Математические начала натуральной философии // Крылов А.Н. Собр. трудов, т. 7. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1936. – 696 с.
128. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М.: Наука, 1972. – 566 с.
129. Одинцова М.П. Главные члены и минимальная структурная схема: сопоставление двух подходов к описанию обязательного словесного состава простого предложения // Вестник Омского университета. Омск, 1996. – Вып. 1. – С. 63-66. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.omsku.omskreg.ru/vestnik/articles/y1996-i1/a063/article.html#begin>
130. Оношко В.Н. Семантическая структура простых предложений с семантикой покоя в современном немецком языке // Семантика языковых единиц различных уровней / на материале Романо-германских языков: Научно-практическая конф.: Тез. докл. – Ижевск, 1992. – С. 76-78.
131. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). – М.: Наука, 1985. – 271 с.
132. Падучева Е.В. Наблюдатель как Экспериент «за кадром» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dialog-21.ru/archive_article.asp?param=6335&y=2000&vol=6077
133. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса (материалы к трансформационной грамматике русского языка). – М.: Знание, 1974. – 292 с.
134. Пауль Г. Принципы истории языка / Пер. с нем.; Под ред. А.А. Холодовича. – М.: ИЛ, 1960. – 500 с.
135. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
136. Пименова М.В. Концепт как основная единица ментальности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=96637>
137. Плоткин В.Я. Семантика и синтаксис предложения и высказывания //

- Синтаксическая и лексическая семантика / на материале разных языков. – Новосибирск: Наука, 1986. – С.33-43.
138. Плуноян В.А. К определению результата (универсальна ли связь результата и предельности) // Вопросы языкознания. – 1989. – № 6. – С. 55-63.
139. Покусаенко В.К., Скорлуповская Е.В. О компонентах сложного предложения // Филологические науки. – 1965. – № 4.
140. Попова З.Д. Синтаксические концепты в структуре представления знаний // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. 2000. – № 1. – С. 171-179.
141. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие "концепт" в лингвистических исследованиях. – Воронеж: ВГУ, 2000. – 30 с.
142. Потеня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. 3: Об изучении значения и заменах существительного. – М.: Просвещение, 1968. – 551 с.
143. Русская грамматика (РГ-80): В 2-х т. / Редкол.: Н.Ю.Шведова и др. – Т. 2. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – 709 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru/index2.html>
144. Сахарова Т.А. Языковая актуализация концепта *изменение состояния* на примере модели Verb – Adjective: Дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2004. – 145 с.
145. Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов. – М., 1982. – С. 86-157.
146. Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – 366 с.
147. Семенова С.К. К характеристике средств выражения значения состояния в современном немецком языке // Романо-германская и славянская филология. – Минск, 1975. – С. 108-115.
148. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. Е.Н.Перцова.; общ. ред. Е.А.Кибрик. – М.: Прогресс, 1993. – 655 с.

149. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. – М.: Наука, 1983. – 319 с.
150. Сильницкий Г.Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов// Проблемы структурной лингвистики 1972. – М., 1973. – С. 373-391.
151. Симанов А.Л. Понятие «состояние» как философская категория [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophy.nsc.ru/PUBLICATION/SIMANOV/ST/SIMANOV.htm>
152. Слово и грамматические законы языка: Глагол (СГЗЯ Глагол) / Н.Ю.Шведова, В.Н.Белоусов, Г.К.Касимова, М.М.Коробова. – М.: Наука, 1989. – 296 с.
153. Современный русский язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/x-books-free/xbook107/01.htm>
154. Спиркин А.Г. Происхождение сознания. – М.: Госполитиздат, 1960. – 471 с.
155. Стеблин-Каменский М.И. О Предикативности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/steblyn-74c.htm>
156. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения: Семиологическая грамматика. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
157. Степанов Ю.С. К универсальной классификации предикатов // Изв. АН СССР, СЛЯ. –1980. – Т. 39. - №4. – С. 34-47.
158. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М.: Просвещение, 1975. – 272с.
159. Столяров В.И. Процесс изменения и его познание. Логико-методологические проблемы. – М.: Наука, 1966. – 252 с.
160. Супрун А.В. Грамматика и семантика простого предложения (на материале испанского языка). – М.: Наука, 1977. – 264 с.
161. Сусов И.П. (Сусов₁) Введение в теоретическое языкознание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://homepages.tversu.ru/~ips/LingFak.htm#2>
162. Сусов И.П. (Сусов₂) История языкознания [Электронный ресурс]. – Режим

- доступа: <http://lib.ru/TEXTBOOKS/yazykoznanie.txt>
163. Сусов И.П. Семантическая структура предложения. – Тула: Тул. пед. ин-т, 1973. – 142 с.
164. Сусов И.П. Формальные и семантические аспекты предложения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. – С.61-68.
165. Сюткина М.Ю. О некоторых типах взаимодействия категорий экзистенциальности, посессивности и локативности // Теория и типология грамматических систем. Материалы всеросс. науч.-практ. конф. (22-23 мая 2003 г.) / Удм. гос. ун-т. – Ижевск, 2003. – С. 155-158.
166. Табанакова В.Д., Шумцова И.А. Семантические типы предикатов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.utmn.ru/frgf/No10/text01.htm>
167. Такумбетова Л.М. К вопросу о ситуативном подходе к описанию семантико-синтаксической структуры предложения // Методы исследования семантико-синтаксической структуры предложения английского языка. Сборник научных трудов. – Уфа, 1983. – С. 65-72.
168. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
169. Тренина Г.А. Выражение понятийной категории состояния в английском и удмуртском языках // Семантика языковых единиц разных уровней: Тезисы докладов научно-практической конференции. – Ижевск, 1990. – С.119-121.
170. Тулина Т.А. Функциональная типология словосочетаний. – Киев-Одесса: Вища школа, 1976. – 178 с.
171. Трунова О.В. К проблеме понятийных категорий // Понятийные категории и их языковая реализация. – Л., 1989 – С. 105-111.
172. Трунова О.В. О категоризации, категориях и категориальном значении // Коммуникативно-парадигматические аспекты исследования языковых единиц: сборник статей трудов к юбилею профессора Марка Яковлевича Блоха. В 2-х

- частях. Часть I. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. – С. 261-267.
173. Трунова О.В. О семантико-синтаксической структуре предложения // Теория и методы исследования текста и предложения. Межвуз. сб. науч. тр. – Л., 1981. – С. 146-153.
174. Уфимцева А.А. Семантический аспект языковых знаков // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 31-46.
175. Филимонова О.Е. Об английских прилагательных, выражающих состояние // Функциональные типы и функциональные модификации языковых единиц: Межвузовский сборник научных трудов. – Л., 1983. – С.141-146.
176. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.10. Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С.369-495.
177. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т.1. – М.: Учпедгиз, 1956-1957. – 450 с.
178. Франк С.Л. Реальность и человек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.realnost.ru/frank/realnost.php>
179. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. – М.: Языки русской культуры, Русские словари, 1997, с. 351-379.
180. Хлебникова И.Б. Логические основы лексической и синтаксической семантики // Лексическая и синтаксическая семантика: Межвуз. сб. науч. тр. – Саранск, 1989. – С. 4-8.
181. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. – Л.: Наука, 1979. – 304 с.
182. Холодович А.А. *Miscellanea Marginalique* // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. – Л.: Наука, 1974. – С. 362-379.
183. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. II. – М.-Л.: Прогресс, 1962. – С. 412-527.
184. Храковский В.С. Исчисление диатез // Диатезы и залоги. Тезисы конференции «Структурно-типологические методы в синтаксисе разносистемных языков». – Л., 1975. – С. 34-51.

185. Храковский В.С. (**Храковский 1973а**) Очерки по общему и арабскому синтаксису. – М.: Наука, 1973. – 289 с.
186. Храковский В.С. (**Храковский 1973б**) Трансформация и деривация // Проблемы структурной лингвистики 1972. – М., 1973. – С. 489-507.
187. Худяков А.А. Лингвистика. Общие вопросы теории и методологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pomorsu.ru/ScientificLife/Library/Sbornic2/article1.htm>
188. Цейтлин С.Н. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимы // Синтаксис и стилистика. – М.: Наука, 1976. – С. 161-182.
189. Чейф У.Л. Значение и структура языка. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.
190. Чесноков П.В. Семантическая структура предложения // Семантическая структура предложения. – Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1978. – С. 2-20.
191. Шабанова Т.Д. Предложение как знак и единица языка // Методы исследования семантико-синтаксической структуры предложения английского языка. Сборник научных трудов. – Уфа, 1983. – С. 4-11.
192. Шадрин В.И. Об ономаσιологической интерпретации структуры простого предложения в английском языке // Проблемы семантики простого предложения. – Иркутск, 1985. – С. 3-7.
193. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Изд. 2. – Л., 1941. – 620 с.
194. Шахнарович А.М. Семантические аспекты коммуникативной функции языка // Язык как коммуникативная деятельность человека. – М., 1987. – С. 26-30.
195. Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. – М., 1973. – С. 458-483.
196. Шведова Н.Ю. Место семантики в описательной грамматике (синтаксис) // Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. – М., 1974.

– С. 105-121.

197. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С.63-84.
198. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
199. Широглазова Н.С. Система глубинных падежей и средств их выражения: Дис. ... канд. филол. наук. – Пермь. 2004. – 169 с.
200. Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. – М.: Наука, 1976. – 149 с.
201. Юрченко В.С. Сказуемое (на материале русского языка) // Вопросы языкознания, 1977. – № 6. – С. 71-84.
202. Юрченко Г.Е. К проблеме выделения глаголов со значением состояния // Семантика и функционирование английского глагола: Межвузовский сборник научных трудов. – Горький, 1985. – С. 114-120.
203. Albrecht E. Sprache und Erkenntnis. Logisch-linguistische Analysen. – Berlin, 1967.
204. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. – Düsseldorf, 1971.
205. Comrie B. Aspect. L. – N. Y. – Melbourne, 1976.
206. Daneš F. A three level approach to syntax // Travaux linguistiques de Prague. L'école de Prague d'aujourd'hui. 1. – Prague, 1964. – P. 225-240.
207. Daneš F. Pokus o strukturní analýzu slovesných významů // Slovo a slovesnost. – 1971. – № 3. – P. 193-206.
208. Engel U. Syntax der deutschen Sprache. – Berlin, 1977. – 307 S.
209. English grammar: a university handbook. – Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1987. – 406 S.
210. Erben J. Deutsche Grammatik. Ein Abriß. 11. Aufl. – München, 1972.
211. Fillmore Ch. Some Problems for Case Grammar. – N.Y., 1971.
212. Fillmore Ch. The case for case // Universals in linguistic theory / Ed. by E.Bach,

- R.T.Hames. – New York.: Holt, Rinehart & Winston, 1968. – P. 1-88.
213. Francis W.N. The English language. – London, 1967.
214. Fries Ch. The structure of English (An introduction to the construction of English sentence). – N.Y., 1952.
215. Gardiner A. The theory of speech and language. – Oxford, 1951.
216. Geeraerts D. Cognitive semantics and the history of philosophical epistemology // Conceptualizations and mental processing in language. B., 1993. – P. 53-79.
217. Helbig G., Kempter F. Das Zustandspassiv. – Leipzig: Veb Verlag Enzyklopädie, 1978. – 48 S.
218. Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. – Leipzig, 1969.
219. Hirtle W.H. Time, Aspect and the Verb. – Quebec, 1975.
220. Holisky D.A. Stative Verbs in Georgian, and Elsewhere // International review of Slavic Linguistics. – 1978. – Vol. 3. – N ½. – P. 139-162.
221. Jackendoff R. Semantics and cognition. – Cambridge, 1993.
222. Jackson H. Grammar and Meaning. A Semantic Approach to English Grammar. – London; New York: Longman, 1992. – 292 p.
223. Karcevskij S. Sur la phonologie de la phrase // Travaux de cercle linguistique de Prague. – 1931. – No 4. –
224. Katz J. Semantic theory. – N.Y.: Harper & Row, 1972.
225. Katz J., Fodor J. The structure of a semantic theory // Language. – 1963. – 39. – № 2. – P. 170-210.
226. Lakoff G. On the Nature of Syntactic Irregularity. Indiana University diss. 1966.
227. Lee D.A. Stative and case grammar // Foundations of Linguistics. – 1973. – Vol. 10. – P. 545-568.
228. Leech G. Principles of Pragmatics. – L., 1983.
229. Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. M.: Prosvescheniye, 1983. – 304 p.

230. Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte. 42. Beiträge zur semantischen Analyse. – Berlin, 1977. – 174 S.
231. Lyons J. Semantics, vol 1-2. Cambridge – L. – N. Y. – Melbourne, 1977.
232. McCawley J.D. The role of semantics in a grammar // Universals in linguistic theory. – L., 1968. – P. 125-169.
233. Miller J.E. Stative Verbs in Russian. – Foundations of Linguistics. – 1970. – Vol. 6. - № 4. – P. 488-504.
234. Nesfield J. Manual of English grammar and composition. – N. Y., 1954.
235. Probleme der semantischen Analyse // Studia Grammatica XV. – Berlin: Akademie-Verlag, 1977. – 406 S.
236. Procházka O., Sgall P. Semantic structure of sentence and predicate logic // Prague Studies in Mathematical Linguistics. – Praha, 1976.
237. Reichebach H. Elements of symbolic logic. – New York, 1951. – 444 p.
238. Schiffer S., Steel S. (Eds.) Cognition and representation. – Boulder (Colorado), 1988.
239. Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik: Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre. – Berlin, 1965. – 323 S.
240. Sgall P., Hajicová E., Panevová J. The meaning of the sentence in its semantic and pragmatic aspects. – Prague, 1986. – 354 p.
241. Stevenson R. Language, thought, and representation. – N.Y., 1993.
242. Tarskij A. Contributions to the theory of models, I, II // Indagationes mathematicae. – 1954. – № 16.
243. Transformational Grammar // Cognitive Science Initiative: Language Lexicon [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hfac.uh.edu/cogsci/lang/Entries/transformational_grammar.html
244. Van Valin R.D.Jr., Foley W.A. Role and reference grammar // Current approaches to syntax. – N.Y., 1980. P. 329-352.
245. Vendler Z. Verbs and times // Vendler Z. Linguistics in Philosophy. – Ithaca;

New York, 1967. – P. 97-121.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Большой немецко-русский словарь (**БНРС**). – 9-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2002. – 1040 с.
2. Большой русско-немецкий словарь (**БРНС**) / Под ред. К. Лейна. – 16-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2002. – 736 с.
3. Большой энциклопедический словарь. Языкознание (**БЭС-Языкознание**) / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Научн. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1998. – 685 с.
4. Глоссарий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.glossary.ru/>
5. Краткий словарь когнитивных терминов (**КСКТ**) / Е.С.Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г.Панкрац, Л.Г.Лузина, под общ. ред. Е.С.Кубряковой. – М., 1996. – 245 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений (**ТСРЯ**) / Российская Академия Наук. Институт русского языка; Российский фонд культуры; – М.: АЗЪ, 1993. – 960 с.
7. Рымашевская Э. Л. Немецко-русский и русско-немецкий словарь (краткий) (**НРРНС**) – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., Интерграф Сервис, 1992. – 936 с.
8. Словарь по этике (**СЭ**) / Под ред. А.А.Гусейнова и И.С.Кона. – 6-е изд. – М.: Политиздат, 1989. – 447 с.
9. Словарь русского языка (**СРЯ**): В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-ое изд., стер. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. – Т. 4: С – Я. – 800 с.
10. Словарь современного английского языка (=Longman Dictionary of Contemporary English) (**LDCE**): В 2-х т. – М.: Рус. яз., 1992. – 1229 с.
11. Философский словарь (**ФС**) / Под ред. И.Т.Фролова. – 6-е изд., перераб. и доп.

- М.: Политиздат, 1991. – 560 с.
12. Философский энциклопедический словарь (**ФЭС**) / Редкол.: С.С.Аверинцев, Э.А.Араб-Оглы, Л.Ф.Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
 13. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rubricon.com/fes_1.asp.
 14. ЭК – Энциклопедия "КРУГОСВЕТ" 2001 [Электронный ресурс]. – Central European University Regents, 2001. – Режим доступа: www.rol.ru
 15. American Heritage Dictionary (AHD). – Third Edition. – Version 3.5 [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – 1994. – Электрон. диск (CD-ROM). – Систем. требования: IBM PC or 100% compatible with at least 4MB of RAM; Windows 3.1 or later; a mouse (optional).
 16. АБВУУ Lingvo 10. Многоязычный электронный словарь (**Lingvo**) [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – М.: АБВУУ Software, 2004. – Электрон. диск (CD-ROM). – Систем. требования: Intel/Pentium/Celeron/Xeon 200 MHz; 64 Мб/32 Мб; MS Windows 2000/XP, Windows 98/ME.
 17. Duden Deutsches Universalwörterbuch (**DDUW**). – 4. neu bearbeitete und erweiterte Auflage. – Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2001. – 1892 S.
 18. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford: Oxford University Press, 1988. – 1037 p.
 19. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache (**LGWDF**). – Berlin – München – Wien – Zürich – New York: Langenscheidt, 1993. – 1213 S.
 20. Multilex 2.0. English-Russian Electronic Dictionary (**Multilex**) [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – М.: MediaLingua JSC, 1997. – Электрон. диск (CD-ROM). – Систем. требования: IBM-совместимый компьютер с процессором 486; 8 Mb ОЗУ; MS Windows 95/NT; VGA/SVGA-видеокарта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука; Воспоминания. – Л.: Лениздат, 1984. – 448 с.
2. Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю. Дерсу Узала. – М., Правда, 1983. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://accoona.ru/lib>
3. Беляев А. (А. Беляев₁) Властелин мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/RUFANT/BELAEW/lordwrlld.txt>
4. Беляев А. (А. Беляев₂) Фантастические рассказы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/RUFANT/BELAEW/bezdna.txt>
5. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: Роман. – Ижевск: Удмуртия, 1987. – 560 с.
6. Бунин И.А. Несрочная весна: Стихотворения. Избранная проза. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 544 с.
7. Быков В. Альпийская баллада [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/PROZA/BYKOW/alp_blld.txt
8. Васильев В. UFO: Враг неизвестен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/ru/author/vasilev_vladimir/ufo_vrag_neizvesten/
9. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. – Роман в четырех частях с эпилогом. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 728 с.
10. Замятин Е.И. Мы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0050.shtml
11. Компьютерра. – 2001. – № 36 (413). – 60 с.
12. Куприн А.И. Собрание сочинений в 5 т. Том 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://koval-i.viv.ru/cont/kuprins/35.html>

13. Мэрдок А. (**I. Murdock**) Замок на песке. Книга для чтения для студентов III курса пед. ин-тов (на англ. яз.). Обраб. и коммент. А.Г.Гиляновой. Л.: Просвещение, 1975. – 216 с.
14. Петрушевская Л.С. Свой круг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/PROZA/PETRUSHEWSKAYA/swoj_krug.txt
15. Приставкин А.И. Ночевала тучка золотая: Повести. – М.: Правда, 1990. – 464 с.
16. Пришвин М.М. (**М. М. Пришвин₁**) Кашеева цепь: Роман. – М.: Сов. Россия, 1983. – 496 с.
17. Пришвин М.М. (**М. М. Пришвин₂**) Кладовая солнца: Сказка-быль и рассказы. – М.: Дет. лит., 1979. – 112 с.
18. Протокол и этикет. Научно-популярный журнал. – 2003. – № 5 (14). – 96 с.
19. Твоя компания. – 2003. – № 3. – 40 с.
20. Толстая Т. Милая Шура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/PROZA/TOLSTAYA/milaia_shura.txt
21. Толстой Л.Н. (**Л.Н. Толстой₁**) Анна Каренина: Роман в восьми частях. Части 1-4. – Л.: Худож. лит., 1982. – 448 с.
22. Толстой Л.Н. (**Л.Н. Толстой₂**) Анна Каренина: Роман в восьми частях. Части 5-8. – Л.: Худож. лит., 1982. – 392 с.
23. Тургенев И.С. Дворянское гнездо. – Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 1971. – 158 с.
24. Чехов А.П. Избранные произведения. – В 3-х т. – М.: Худож. лит., 1976. – Т. 2: Повести и рассказы 1888-1897. – 464 с.
25. Чивер Д. (**J. Cheever**) Рассказы: Кн. для чтения на англ. яз. на ст. курсах. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз» / По Д. Чиверу; Обраб. и коммент. Н. Г. Гутерман, Н. К. Полонской. – М.: Просвещение, 1982. – 159 с., ил.
26. Шолохов М. Поднятая целина. – М.: Просвещение, 1981. – 559 с.
27. Achleitner A. Im grünen Tann: Schwarzwaldnovellen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/etext/14105>

28. Alcott L.M. Little Women [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/gutbook/lookup?num=514>
29. Anderson Sh. The Teacher [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksir.com/books2003/cnread1/ewjd/a/anderson-sherwood/wo/018.htm>
30. Arnim A. von. Die Kronenwächter. Berthold's erstes und zweites Leben [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pinselpark.org/literatur/a/arnima/kronen/kron00.html>
31. Austin J. Sense and Sensibility. Wordsworth Editions Limited, 1992. – 260 p.
32. Cosmopolitan. – 2003. – Ноябрь. – 338 с.
33. Bronte Ch. The Professor [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.literature.org/authors/bronte-charlotte/the-professor/>
34. Brown D. Deception Point. – L.: Corgi Books, 2004. – 587 p.
35. Eichendorff J.F. von Das Schloß Dürande [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.symbolon.de/books2002/EichendorffSchloss.htm>
36. Dreiser Th. Sister Carrie [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.knowledgerush.com/paginated_txt/scarr10/scarr10_txttoc.html
37. Galsworthy J. The Man of Property. – M.: Foreign languages publishing house, 1950. – 314 p.
38. Gotthelf J. Die schwarze Spinne [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.symbolon.de/downtxt/spinne.htm>
39. Greene G. The Quiet American. – M.: Foreign Languages Publishing House, 1963. – 228 p.
40. Grisham J. The King of Torts. – L.: “Arrow Books”, 2003. – 490 p.
41. Hoffmann E.T.A. Die Geliebte [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.symbolon.de/books2002/HoffmannGeliebte.htm>
42. James H. (**H. James**₁) The American [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eserver.org/fiction/the-american.txt>

43. James H. (**H. James₂**) The Awkward Age [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/gutbook/lookup?num=7433>
44. Jerome J.K. (**J. K. Jerome₁**) The Angel and the Author – and Others [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/gutbook/lookup?num=2368>
45. Jerome J.K. (**J. K. Jerome₂**) Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog). – L.: Penguin Books, 1994. – 185.
46. Keller G. Die Leute von Seldwyla. Berlin: Aufbau-Verlag, 1956. – 260 S.
47. Lawrence D.H. The Aaron's rod [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gutenberg.org/etext/4520
48. Mackay J.H. (**J. H. Mackay₁**) Der Schwimmer [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/etext/15068>
49. Mackay J.H. (**J. H. Mackay₂**) Die Menschen der Ehe [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/etext/14700>
50. Mann Th. (**Mann₁**) Der Tod in Venedig [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/etext/12108>
51. Mann₂ Th. (**Mann₂**) Gladius Dei [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/etext/12053>
52. Mansfield K. The Garden Party and Other Stories [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/etext/1429>
53. Maugham W.S. (**W. S. Maugham₁**) Selected Short Stories. Сборник. – На англ. яз. – Составитель Н. А. Самуэльян. – М.: «Менеджер», 1996. – 352 с.
54. Maugham W.S. (**W. S. Maugham₂**) The Explorer [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litrix.com/explor/explo001.htm>
55. Rilke R.M. Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/etext/2188>
56. Schleich C.L. Von der Seele. Essays [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/etext/15070>

57. Smiley J.A. *Thousand Acres*. – L.: Flamingo, 1997. – 371 p.
58. Süskind P. *Das Parfum* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/ZUSKIND/das_parfuem_germ.txt
59. Terry E. *The Story of My Life: Recollections and reflections*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/etext/12326>
60. Tieck L. *Die schöne Wilde* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.symbolon.de/books2002/TieckWilde.htm>
61. Twain M. *The Adventures of Huckleberry Finn* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/etext/76>
62. Wilde O. *The Picture of Dorian Gray* // Уайльд О. Избранные произведения. – В 2-х томах (на английском языке). – Т. 1. – М.: Прогресс, 1979. – С. 77-346.
63. Wodehouse P.G. *The Man Upstairs and Other Stories* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/gutbook/lookup?num=6768>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Семантические и структурные модели предложений с типовым значением «состояние»

Тип состояний	Семантические модели	Структурные модели
ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ		
Физическое неэкспериментальное состояние	<i>P – state_{phys}</i>	<p style="text-align: center;">1) <i>N – V_{link} – Adj/Part II</i> англ. <i>That dirty bird is dead</i> (J.Cheever, 20) нем. <i>Er ist frisch und gesund</i> (Lingvo: Электрон. ресурс) рус. ... <i>a до тех пор [Мутя] всё был трезв</i> (Ф.М.Достоевский, 411)</p> <p style="text-align: center;">2) <i>N₁ – V_{link} – prep N₂</i> англ. ... <i>and little Aggie was in her wake</i> (H.James₂: Электрон. ресурс) нем. <i>Aber ich war ganz bei Bewußtsein</i> (R.M.Rilke: Электрон. ресурс) рус. <i>Иван Шадрин оставался без сознания трое суток</i> (В.Васильев: Электрон. ресурс)</p> <p style="text-align: center;">3) <i>N – V</i> англ. <i>The pretty pigeon is sleeping</i> (J.Cheever, 20) нем. <i>Das Kind schlief</i> (M. Rilke: Электрон. ресурс) рус. <i>Я хвораю</i> (М.А.Шолохов, 498)</p> <p style="text-align: center;">4) <i>N – V_{imp-refl}</i> (рус.) рус. ... <i>и сладко спалось старику</i> (И.С.Тургенев, 61)</p> <p style="text-align: center;">5) <i>N₁ – have (got) – N₂</i> (англ. и нем.) англ. <i>The child has the mumps</i> (LDCE, 686) нем. <i>Das Kind hat Grippe</i> (Lingvo: Электрон. ресурс)</p> <p style="text-align: center;">6) <i>prep N₁ – be – N₂</i> (рус.) рус. <i>Я думаю, у него чахотка</i> (Ф.М.Достоевский, 487)</p>

<p>Физическое экспериментальное состояние</p>	<p><i>Exp – state_{phys-exp}</i> <i>Exp – state_{phys-exp-loc}</i></p>	<p>1) <i>N – V_{link} – Adj/Part II</i> англ. <i>I am /feel poorly</i> (Multilex: Электрон. ресурс) нем. <i>Er fühlte sich ganz wohl</i> (J. Н. Маскау₁: Электрон. ресурс) рус. ... он [Дед Щукарь] просто был голоден (М.А.Шолохов, 441)</p> <p>2) <i>(Es) – be_{link} – N – Adj</i> (нем.) нем. <i>Mir ist es schlecht</i> (БНРС, 736)</p> <p>3) <i>N – be_{link-imp} – Adj_{pred}</i> (рус.) рус. ... ей было холодно (А. И. Приставкин, 245)</p> <p>4) <i>N₁ – be_{link} – prep N₂</i> англ. <i>He was obviously in pain</i> (J.Grisham, 29) рус. Больной в жару (ТСРЯ, 193)</p> <p>5) <i>N – V – Pr_{refl} – Adv</i> (рус.) рус. Она ... прекрасно себя чувствовала (Л.С.Петрушевская: Электрон. ресурс)</p> <p>6) <i>N₁ – V – N₂</i> англ. <i>After running five miles we had quite a thirst</i> (LDCE, 1104) нем. <i>Er fühlte Hunger und Durst</i> (J.Н.Маскау₂: Электрон. ресурс) рус. Он [Левин] чувствовал большую усталость от напряженного и ничем вознагражденного внимания (Л.Н.Толстой₂, 254)</p> <p>7) <i>N – V</i> англ. <i>I'm still shaking</i> (J.Smiley, 186) нем. <i>Trotz der Hitze fröstelte Grach</i> (J.Н.Маскау₂: Электрон. ресурс) рус. Она вся дрожала (Е.И.Замятин: Электрон. ресурс)</p> <p>8) <i>N – V_{refl}</i> (нем. и рус.) нем. <i>Renald schüttelte sich wie ein gefesselter Löwe</i> (J.F. von Eichendorff: Электрон. ресурс) рус. Иван весь трясся (В.Быков: Электрон. ресурс)</p> <p>9) <i>(Es) – V_{imp} – N</i> (нем.) нем. <i>Es friert mich</i> (НРРНС, 166)</p> <p>10) <i>N – V_{imp}</i> (рус.) рус. Больного тошнит (ТСРЯ, 834)</p> <p>11) <i>N – V_{imp-refl}</i> (рус.) рус. В этот день мне нездоровилось немного (В.К.Арсеньев: Электрон. ресурс)</p>
---	--	--

	<i>Exp – state_{phys-exp} – P/O</i>	<p style="text-align: center;">1) $N_1 – V – N_2$</p> <p>англ. <i>I hear the wind's shrill laughter</i> (J. K. Jerome₁: Электрон. ресурс) нем. <i>Ich höre Waldhörner!</i> (J. F. von Eichendorff: Электрон. ресурс) рус. <i>Ночью сквозь сон Яков Лукич слышал шаги</i> (М.А.Шолохов, 159)</p> <p style="text-align: center;">2) $N_1 – be_{link-imp} – Adj_{pred} – N_2$ (рус.)</p> <p>рус. <i>Отсюда хорошо слышно музыку</i> (ТСРЯ, 758)</p> <p style="text-align: center;">3) $N_1 – be_{link} – Adj – N_2$</p> <p>рус. <i>Ваське он [машинист] отлично виден сквозь стеклянную перегородку</i> (А.И.Куприн: Электрон. ресурс)</p>
--	--	--

Психическое состояние (чувственно-эмоциональное, ментальное, волевое)	<p><i>Exp – state_{emot}</i> <i>Exp – state_{ment}</i> <i>Exp – state_{vol}</i></p>	<p>1) <i>N – V_{link} – Adj/Part II</i> англ. <i>Poor Geoffrey is terribly upset</i> (O.Wilde, 324); <i>Sir John was rather puzzled</i> (J.Austen, 29) нем. <i>Franz war froh</i> (J.H.Mackay₁: Электрон. ресурс); <i>Er ist ganz irre</i> (Lingvo: Электрон. ресурс); <i>Der König fühlte sich entschlossen</i> (A. von Arnim: Электрон. ресурс) рус. <i>Возвращаясь тогда от него, он [Иван] был страшно грустен и смущен</i> (Ф.М.Достоевский); <i>Бедный мальчик был совершенно сбит с толку</i> (С.Т.Аксаков, 82)</p> <p>2) <i>(Es) – be_{link} – Adj – N</i> (нем.) нем. <i>Ihm war froh</i> (НРРНС, 166); <i>Mir ist langweilig</i> (НРРНС, 814)</p> <p>3) <i>N – be_{link-imp} – Adj_{pred}</i> (рус.) рус. <i>Ей и стыдно было и неловко</i> (И. С. Тургенев, 94)</p> <p>4) <i>N – be_{link} – Adv_{pred}</i> (рус.) рус. <i>Но тетка Зина, видать, была начеку</i> (А.И.Приставкин, 112)</p> <p>5) <i>N₁ – V_{link} – prep N₂</i> англ. <i>He is on the boil</i> (Multilex: Электрон. ресурс); <i>He was under a delusion</i> (Multilex: Электрон. ресурс) нем. <i>... in dieser Zeit ist jeder auf seiner Hut</i> (A. von Arnim: Электрон. ресурс) рус. <i>Катерина Ивановна была в большом возбуждении</i> (Ф.М.Достоевский); <i>[Левин] был в совершенном недоумении</i> (Л.Н.Толстой₂, 254); <i>... она с минуты была в нерешимости</i> (Л.Н.Толстой₁, 309)</p> <p>6) <i>N₁ – be_{link} – Adj-N₂</i> (нем.) нем. <i>Sie ist schlechter Laune</i> (Lingvo: Электрон. ресурс)</p> <p>7) <i>N – V</i> англ. <i>... he [Becket] was obviously suffering ...</i> (L.M.Alcott: Электрон. ресурс); <i>Jim mused a bit</i> (D. H. Lawrence); <i>Newman hesitated a while</i> (H.James₁: Электрон. ресурс) нем. <i>So litt ... Christine manchen langen Tag und manche lange Nacht</i> (J.Gotthard: Электрон. ресурс); <i>Der Arzt zweifelte nicht mehr</i> (R.M.Rilke: Электрон. ресурс); <i>Er zögerte eine Weile</i> (R.M.Rilke: Электрон. ресурс) рус. <i>Я злустил (С.Т.Аксаков, 233): (Глянул, злянул) скучаюет бабушка!</i> (И.А.Бунин)</p>
---	---	--

Exp – state_{emot} – P/O

Exp – state_{ment} – P/O

Exp – state_{vol} – P/O

1) $N_1 - V - N_2$

англ. *He pitied M. De Bellegarde's wife* (H.James₁: Электрон. ресурс); *I remember distinctly his curling hair* (E. Terry: Электрон. ресурс); *He wanted some oysters and Dixie Beer* (J.Grisham, 165)

нем. *Ich achte Ihren Standpunkt* (Lingvo: Электрон. ресурс); *Natürlich kannte sämtliche Parfüm* (P. Süskind: Электрон. ресурс)

рус. ... и Аня ненавидела его в это время (А. П. Чехов, 317); ... он еще детства помнил эту чашку (И.С.Тургенев, 61); Я хочу любви (Л.Н.Толстой, 314)

2) $N_1 - V - prep N_2$

англ. *In his heart he rather sympathized with Constable Cobb* (P. G. Wodehouse: Электрон. ресурс); *I hope for you with all my heart* (H.James₁: Электрон. ресурс); *My dear, he's longing for his little home* (L.M.Alcott: Электрон. ресурс)

нем. *Die Kinder bangten nach der Mutter* (DDUW, 231); ... *ich an ihnen zweifelte* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс)

рус. Смуров, разумеется, благоговел пред Колей Красоткин (Ф.М.Достоевский, 488)

3) $N_1 - V_{refl} - (prep) N_2$

англ. *He piqued himself upon his skill* (Multilex: Электрон. ресурс)

нем. *Sie fürchtete sich vor ihm* (J.H.Маскау₂: Электрон. ресурс); *Ich verließ mich also auf mein Gefühl* (R.M.Rilke: Электрон. ресурс)

рус. Ты пауков боишься (Л.Н.Толстой₁, 44); Все мы на вас надеялись (Ф.М.Достоевский, 497)

4) $N_1 - V - N_2 - prep N_3$

а) англ. *They take great pride in their daughter* (LDCE, 820); *I have a distrust of airplanes* (Longman, 297); *He has lust for gold* (Multilex: Электрон. ресурс)

нем. *Sie hat Mitleid mit dir* (A.Achleitner: Электрон. ресурс); ... *ich hatte so blindes Vertrauen zu dem Mädchen* (A. von Arnim: Электрон. ресурс)

рус. ... к службе с низких чинов, трудной и темной, он чувство отвращения (И. С. Тургенев, 26)

б) англ. *I have always regarded him with the greatest admiration* (LDCE, 874)

рус. ... он [Завен] с уважением относился к ней (А. Беляев: Электрон. ресурс)

ВНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ

Положение в пространстве	<p><i>P – state_{pos}</i> <i>O – state_{pos}</i></p>	<p>1) <i>N – V</i> англ. <i>Rose sat calmly ...</i> (J.Smiley, 192) нем. <i>Und seither lag Nikolaj Kusmitsch</i> (R.M.Rilke: Электрон. ресурс) рус. <i>Абадонна стоял неподвижно</i> (М. А. Булгаков, 370)</p> <p>2) <i>N – V_{link} – Adj/Part II</i> англ. <i>Vanderbank remained erect</i> (H.James₂: Электрон. ресурс) рус. <i>Головы наклонены вниз</i> (М.А.Шолохов, 113)</p> <p>3) <i>N₁ – V_{link} – prep N₂</i> англ. <i>The post is on the tilt</i> (Multilex: Электрон. ресурс), <i>He is in a reclining posture</i> (Multilex: Электрон. ресурс)</p>
Локативное состояние	<p><i>P – state_{loc} – L</i> <i>O – state_{loc} – L</i></p>	<p>1) <i>N₁ – V – prep N₂</i> англ. <i>The telephone was on the stairs, just outside her door</i> (P. G. Wodehouse: Электрон. ресурс) нем. <i>Ich bin in Paris</i> (R.M.Rilke: Электрон. ресурс) рус. <i>Я утром ... была в лесу</i> (И.А.Бунин, 248)</p> <p>2) <i>N₁ – V_{refl} – prep N₂</i> (нем. и рус.) нем. <i>Er [Felder] befand sich in der Nähe des Moritzplatzes</i> (J.H.Mackay: Электрон. ресурс) рус. <i>Иван Петрович находился тогда в Париже</i> (И.С.Тургенев)</p> <p>3) <i>N – V/V_{refl} – Adv</i> англ. <i>The persons are here, Monsieur</i> (O.Wilde, 222) нем. <i>Ich bin nicht so weit</i> (R. M. Rilke: Электрон. ресурс) рус. <i>Наконец, она рядом, здесь</i> (Е.И.Замятин: Электрон. ресурс)</p>
Бенефактивное состояние	<p><i>Ben – state_{ben} – P</i> <i>Ben – state_{ben} – O</i></p>	<p>1) <i>N₁ – V – N₂</i> англ. <i>He had many possessions</i> (J.Galsworthy, 91), <i>He possessed a gorgeous copy of crimson silk and gold-thread damask</i> (O. Wilde, 246) нем. <i>Sie hatte ja den Schlüssel</i> (J.H.Mackay₁: Электрон. ресурс) рус. <i>Имел он [Петр Александрович Миусов] состояние независимое,</i></p>

		<p><i>прежней пропорции около тысячи душ</i> (Ф.М.Достоевский, 11) 2) $N_1 - V - prep N_2$ (нем.) нем. ... <i>aber neuerdings verfügte Baldini ja über Protektion höheren</i> (P.Süskind: Электрон. ресурс) 3) $prep N_1 - be - N_2$ (рус.) рус. ... <i>у него много старинных смешных книг</i> (И.А.Бунин, 250) 4) $N_1 - V_{link} - prep N_2 - (prep) N_3$ (англ. и нем.) англ. <i>We are in possession of your letter of the 15th May</i> (Lingvo: Электрон. ресурс) нем. ... <i>dann war er übermorgen im Besitz sämtlicher Essenzen für das beste Parfum der Welt</i> (P.Süskind: Электрон. ресурс) 5) $N_1 - V - (prep) N_2$ англ. <i>The book belongs to me</i> (Multilex: Электрон. ресурс) нем. ... <i>und das kleinere [Schloß] drüben gehört dem Grafen Rappolt</i> (A. Arnim: Электрон. ресурс) рус. <i>Недра земли принадлежат государству</i> (ТСРЯ, 613)</p>
Социальное состояние	<p>$P - state_{soc}$ $P - state_{soc} - P/O$ $O - state_{soc}$ $O - state_{soc} - P/O$</p>	<p>1) $N - be_{link} - Adj/Part II$ англ. <i>I am stony-broke</i> (Multilex: Электрон. ресурс) нем. <i>Er war tatsächlich vollständig allein!</i> (P.Süskind: Электрон. ресурс) рус. <i>Был он [Трифон Борисыч] вдов</i> (Ф.М.Достоевский, 386) 2) $N_1 - be_{link} - Adj/Part II - prep N_2$ англ. <i>I am dependent upon an uncle</i> (P. G. Wodehouse: Электрон. ресурс) нем. <i>Sie ist von ihrem Mann geschieden</i> (Lingvo: Электрон. ресурс) рус. <i>Другая дочка-мужичка была замужем за чиновником</i> (Ф.М.Достоевский, 386-387) 3) $N_1 - be_{link} - prep N_2$ англ. <i>The 14th-century Russia was under the Tartar yoke</i> (АНД: Электрон. ресурс) нем. <i>Er ist in abhängiger Stellung</i> (Lingvo: Электрон. ресурс)</p>

		<p>рус. <i>Супруги давно в разводе</i> (ТСРЯ, 664) 4) $N - V$</p> <p>нем. <i>Wir darben</i> (Lingvo: Электрон. ресурс) рус. <i>Вдовею я, третий год</i> (Ф.М.Достоевский, 50) 5) $N_1 - V - prep N_2$</p> <p>англ. <i>For one thing, she had depended so greatly on Eddy Moore</i> (P.G.Wodehouse: Электрон. ресурс) нем. <i>Ihr Zustand hing jeweilen von ihren Herren ab</i> (J. Gotthelf: Электрон. ресурс) рус. ... <i>все выдачи, покупки по-прежнему от нее зависели</i> (И.С.Тургенев, 35)</p>
Ситуационное состояние	<p>$P - state_{sit}$</p> <p>$P - state_{sit} - P/O$</p> <p>$O - state_{sit}$</p> <p>$O - state_{sit} - P/O$</p>	<p>1) $N - be_{link} - Adj/Part II$</p> <p>англ. ... <i>the tray was already prepared</i> (G.Greene, 25) нем. <i>Sie waren alle beschäftigt</i> (J.H.Макау₁: Электрон. ресурс); <i>Sein Mund war geschlossen</i> (R.M.Rilke: Электрон. ресурс) рус. <i>Наконец чемодан и сак были готовы</i> (Ф.М.Достоевский, 261)</p> <p>2) $N_1 - be_{link} - Part II - (prep) N_2$</p> <p>англ. <i>The floor was covered with ochre-coloured sawdust ...</i> (O.Wilde, 303) нем. ... <i>sein Körper war mit klebrigem Schweiß bedeckt</i> (Th.Mann: Электрон. ресурс) рус. <i>А пол был весь устлан сухими пчелами</i> (И.А.Бунин, 222)</p> <p>3) $N_1 - V_{link} - prep N_2$</p> <p>англ. <i>The papers are in disorder</i> (Multilex: Электрон. ресурс) нем. <i>Er ist außer Gefahr</i> (Lingvo: Электрон. ресурс) рус. <i>Наконец-то все мы в сборе</i> (В.Васильев: Электрон. ресурс)</p> <p>4) $N - be_{link} - Adv_{pred}$</p> <p>англ. <i>The moon is up</i> (Multilex: Электрон. ресурс) нем. <i>Die Fenster sind auf</i> (Lingvo: Электрон. ресурс) рус. <i>Собака взаперти</i> [Золотова 1978, 51], <i>В доме все вверх дном</i> (ТСРЯ, 664), <i>Двери в доме были везде настежь</i> (С.Т.Аксаков, 132)</p>
Амбиентное состояние	$state_{amb}$	1) $It/Es - be_{link} - Adj/Part II$ (англ. и нем.)

		<p>англ. <i>It was too dark now</i> (I. Murdoch, 75), <i>It was damp and cool in the street</i> (Multilex: Электрон. ресурс)</p> <p>нем. <i>Es ist heiß</i> (Lingvo: Электрон. ресурс), <i>Ja, es war dunkel schon unter den Bäumen</i> (J.H.Maskay2: Электрон. ресурс)</p> <p>2) (N) – be_{link} – Adj_{pred} (рус.)</p> <p>рус. <i>Было очень прохладно</i> (С.Т.Аксаков, 244)</p> <p>3) N – be – (prep N₂/Adv) (нем. и рус.)</p> <p>нем. <i>Draußen ist klirrender Frost</i> (Lingvo: Электрон. ресурс)</p> <p>рус. <i>В комнате были нестерпимый жар и духота</i> (С.Т.Аксаков, 124)</p> <p>4) There – be – N₁ – (prep N₂) (англ.)</p> <p>Англ. <i>There was a hard frost last night</i> (LDCE, 417)</p>
--	--	--

Универсальные и национально-специфические модели предложений с семантикой состояния

Модели	Примеры
Универсальные	
$N - V_{link} - Adj/Part II$	англ. <i>He is very low-spirited</i> (H.James ₁ : Электрон. ресурс) нем. <i>Ich bin entzückt</i> (НРРНС, 138) рус. <i>Я – несомненно уже здоров</i> (Е. И. Замятин: Электрон. ресурс)
$N_1 - be_{link} - prep N_2$	англ. ... <i>the houses across the street were in ruins</i> (G.Greene, 59) <i>Er ist in Not</i> (Lingvo: Электрон. ресурс) рус. <i>Бригада в сборе</i> (М. А. Шолохов, 240)
$N - V$	англ. <i>Grandfather was dozing in front of the television</i> (LDCE), <i>Newman hesitated a while</i> (H.James ₁ : Электрон. ресурс), <i>Meg, Beth, and Amy were sitting together, late in the afternoon</i> (L.M.Alcott: Электрон. ресурс) нем. <i>Er zögerte eine Weile</i> (R.M.Rilke: Электрон. ресурс), <i>Nun standen alle</i> (R.M.Rilke: Электрон. ресурс) рус. <i>Я грустил</i> (С.Т.Аксаков, 233), <i>Малый сидел прямо</i> (И.А.Бунин, 216)
$N - V_{refl}$	англ. <i>You're just deceiving yourself ...</i> (LDCE, 265) нем. <i>Ich schäme mich</i> (НРРНС, 337) рус. <i>Публика волновалась</i> (М.А.Булгаков, 185)
$N_1 - V - N_2$	англ. <i>I felt an inward satisfaction</i> (Ch.Bronte: Электрон. ресурс)

	<p>нем. <i>Ich habe großen Durst</i> (НРРНС, 116)</p> <p>рус. <i>[Иван Федорович] ... чувствует сильнейшее любопытство</i> (Ф.М.Достоевский), <i>Она [Китти] испытывала восторг</i> (Л.Н.Толстой₁, 51)</p>
$N_1 - V - N_2 - prep N_3$	<p>а) англ. <i>She felt a great pity for the kind, unselfish creature</i> (W.S.Maugham₂: Электрон. ресурс)</p> <p>нем. <i>Ich empfand eine ungestüme Sympathie für die Erwachsenen</i> (R.M.Rilke: Электрон. ресурс)</p> <p>рус. <i>В такие минуты Яков Лукич испытывал к нему еще больший страх и невольное уважение</i> (М.А.Шолохов, 127)</p>
$N_1 - V - prep N_2$	<p>англ. <i>She ached for the hurt little dog</i> (Multilex: Электрон. ресурс)</p> <p>нем. ... <i>ich an ihnen zweifelte</i> (R.M.Rilke: Электрон. ресурс)</p> <p>рус. <i>Смуров, разумеется, благоговел пред Колей Красоткиным</i> (Ф.М.Достоевский, 488)</p>
Национально-специфические	
а) русские:	
$prep N_1 - be - N_2$	<i>У ребенка жар</i> (ТСРЯ)
$N - be_{link-imp} - Adj_{pred}$	<i>Ему было очень больно</i> (И.С.Тургенев)
$N - V_{imp}$	<i>Больного тошнит</i> (ТСРЯ)
$N - V_{imp-refl}$	<i>В этот день мне нездоровилось немного</i> (В.К.Арсеньев: Электрон. ресурс)
б) немецкие:	
$(Es) - be_{link} - N - Adj$	<i>Mir ist es schlecht</i> (БНРС)
$N_1 - be_{link} - N_2$	<i>Sie ist schlechter Laune</i> (Lingvo: Электрон. ресурс)
$(Es) - V_{imp} - N$	<i>Es friert mich</i> (НРРНС, 166)